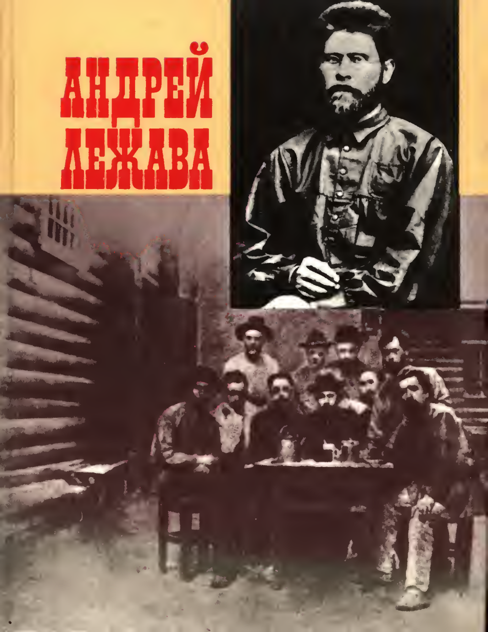

АНДРЕЙ ЛЕЖАВА

(я не имѣю въ
хазяйка) мало
имуществъ у нер
ними, о
точно спокойн
верхо
мнѣ дает
новия
за еще свободу
значительныхъ
нужно, конечно,

...виду Кильмиы и Вер...
...ры нашли Вы пре-
...ваго передъ послѣд-
...ѣ человѣчка доста-
...вшаго за 2 года
...еса. А Якутка
...е съ ясной общество
...досконимую охоту,
...ерѣдвижений на
...разстояніяхъ (это
...ды охоты), а такъ

АНДРЕЙ ЛЕЖАВА

Воспоминания
Выступления
Письма

Москва
Издательство
политической литературы
1990

ББК 66.61(2)8
Л40

Составитель *А. С. Смольников*

Л $\frac{0902020000-150}{079(02)-90}$ 227—90 ББК 66.61(2)8

ISBN 5—250—00915—8

Нас возвышает знакомство с обликом людей, мысль и воля которых сложилась в условиях великих переворотов.

В. И. Ленин

ПРЕДИСЛОВИЕ

История творится людьми. Эта марксистская истина высвечивается особенно ярко, когда перед нами предстают судьбы тех, кого мы по праву именуем первопроходцами социализма, бойцами ленинской гвардии большевиков. Своей профессией они избрали служение революции. Пройдя через полицейские кордоны и репрессии царизма, познав сполна лишения и физические расправы, они не были сломлены идейно в те годы и десятилетия, когда сама мысль о светлом будущем пролетариата была крамольна, а слова о необходимости борьбы за него вели в острог. Когда об освобождении от рабства мечтали миллионы, а думали о воплощении этого лозунга в жизнь еще единицы, потому и осуществление его казалось окружающим несбыточным, утопичным, наказуемым...

Прошло столетие от начала социал-демократического движения в России. Но и сейчас, через призму времени, в другую эпоху, знакомясь с биографиями мужественных революционеров, невольно ощущаешь дыхание революционных будней, героику классовых сражений, поэзию первых лет нового мира, созидающего, борющегося, утверждающего начала социальной справедливости.

Вершителей зари новой эры отличали обостренное чувство справедливости, боль за униженных, угнетенных,

высокая порядочность. Они были порой чрезмерно импульсивны и категоричны, не признавали компромиссов, высказывали нестандартные суждения и даже ошибались. Но они честно выполняли свой долг. Их принципиальность проявилась и в те годы, когда неприукрашенная правда истории стала уступать место сусальным легендам, а реалии и противоречия революционной борьбы подменялись схемами. Старые партийцы своим трудом как бы противостояли этим переменам, режиму авторитарной власти. Почти все они стали жертвами культа личности, были объявлены «врагами народа» и погибли в конце 30-х гг. Их имена надолго кощунственно вымарывались из школьных учебников и энциклопедий, а наступившая в середине 50-х гг. «оттепель» лишь назвала некоторые из них, на мгновение приоткрыв завесу, чтобы опять надолго захлопнуть сейфы спецхрана.

Время перестройки, отряхнувшее пыль эпохи застоя с «запрещенных» документов, открывает нам заново судьбы людей, имена которых так старательно вычеркивались из нашей истории.

Долгие годы в исторической литературе человеку отводилось место по остаточному принципу: главенствовала борьба идей. Но чего стоят голые философские догмы, теоретические выкладки, постулаты, оторванные от жизни? Сегодня, когда мы пытаемся переосмыслить нашу историю, когда наконец-то главным героем ее по праву становится человек, герой эпохи, борец, особый смысл приобретают ленинские слова о том, что «десятки, сотни тысяч строителей Советской власти должны иметь перед собой историю выдающихся деятелей революции и руководителей ее, их личный опыт, воспоминание о том, как организаторские таланты пробивали себе дорогу»[1].

Необычайно важно по достоинству оценить практику передовых руководителей рабочего класса, которым при-

[1] Ленинский сб. Т. 39. С. 225.

ходилось десятки лет действовать в нелегальных условиях. Но даже тогда, отмечал В. И. Ленин, удавалось выдвигать людей, «способных с неслыханной быстротой и успехом деятельность организаторов подполья распространять на деятельность миллионов»[1].

Преемственность в деле воспитания руководителей партии и государства уходит истоками к концу XIX в., отчетливо прослеживается и на примере жизни А. М. Лежавы. Глубокий поучительный смысл ее заключается в актуальнейшем звучании сегодня.

Сложной была биография Андрея Матвеевича Лежавы (1870—1937). Не простым и путь, приведший в 1904 г. в партию большевиков.

Революционной деятельностью он занялся под влиянием народовольцев, с которыми сблизился, будучи слушателем Тифлисского учительского института. Они познакомили его с нелегальными изданиями писем узников Петропавловской крепости «От мертвых к живым». Письма эти произвели на Андрея Лежаву огромное впечатление, в значительной мере предопределили его выбор: посвятить жизнь борьбе с самодержавием.

В 1893 г. А. М. Лежава отправился в Москву, где рассчитывал приобщиться к революционной работе. В московских кружках в то время проходили жаркие дебаты между народниками и первыми марксистами. Последние выступали с критикой народовольчества, требовали пересмотра его программы.

А. М. Лежава не смог сразу разобраться в сложных теоретических спорах. Сам он позднее объяснил это следующим образом: «Ко мне явился Н. М. Флеров[2]... и предложил мне принять участие в устройстве нелегальной типографии только что организовавшейся партии «Народное право», которая, борясь за социализм, пред-

[1] Ленинский сб. Т. 39. С. 225.
[2] Н. М. Флеров — народоволец, друг А. М. Лежавы.

полагала на ближайшей ступени объедииить в борьбе против царизма самые разиообразные элементы, революционые и даже оппозиционные»[1].

Аидрей Матвеевич принял предложение, поехал в Смоленск и иачал активно работать в подпольиой типографии. Одиако типография просуществовала всего четыре месяца. Народоправцы провалились. В апреле 1894 г. А. М. Лежава был арестоваи и заключен в Петропавловскую крепость. Почти два года продолжалось следствие, но иужных показаиий так и не добилось: испытание одиночиой камерой не сломило мужества молодого революциоиера. В декабре 1895 г. ои был приговореи к пяти годам ссылки в Восточиую Сибирь.

Отбывая наказаиие в Верхолеиске, А. М. Лежава и здесь продолжал свое политическое образование. В местиой колоиии среди ссыльных были представлеиы различные революционые течения того времеии. Господствующей темой споров и политических дебатов были вопросы иародничества и марксизма. Определяющее влияиие на дальнейшую политическую судьбу Андрея Матвеевича оказал Николай Евграфович Федосеев, стоявший у истоков ленинской партии, человек, чьи идейные взгляды получили высокую оценку В. И. Ленина. «Здесь я стал марксистом»,— не раз повторял А. М. Лежава.

В Сибири судьба свела его с Людмилой Степаиовной Александровой, которая также отбывала ссылку за революционную деятельность. 6 февраля 1898 г. состоялась их свадьба. До иаших дней в метрической книге сохранилась запись о бракосочетании. «Поручителем по невесте» в докумеите значится Н. Е. Федосеев[2].

После окончания срока ссылки (декабрь 1898 г.) из-

---

[1] Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. 1. Приложение. Стлб. 299.

[2] Этот документ хранится в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР). Ф. 92. Оп. 1. Д. 149. Л. 1—2.

за преследований полиции Лежава с женой вынуждены были часто менять место жительства, довольствоваться случайными заработками. Наконец в 1903 г. семья (к этому времени родились дочери Ольга и Нина) поселилась в Нижнем Новгороде, где Андрею Матвеевичу предложили место помощника инспектора в пароходстве компании «Надежда» на Волге. Но постоянную работу страхового инспектора удалось найти лишь в Саратове. «Служба в страховых предприятиях...— писал в автобиографии Лежава,— дала мне возможность близко познакомиться с экономикой всего этого обширного края»[1].

Ни на день не прерывал А. М. Лежава политической борьбы. В Нижнем Новгороде в 1904 г. он становится членом РСДРП, выполняет ответственные задания партии в Москве, Петербурге, Тифлисе. В Октябрьские дни он участвует в национализации страховых акционерных обществ, а с приходом к власти большевиков Лежава вошел в состав Совета по делам страхования, который возглавил М. Т. Елизаров. Большая подготовительная работа, проведенная Комиссариатом и Советом по делам страхования совместно с ВСНХ, позволила Совнаркому принять 28 ноября 1918 г. декрет, объявивший страхование во всех его видах и формах государственной монополией.

А. М. Лежава стоял у истоков советского хозяйственного строительства: в 1919—1920 гг. он — председатель Центросоюза.

Работа в кооперации началась для него в то время, когда шли горячие споры о ее судьбе. До революции она объединяла главным образом мелкобуржуазные слои, возглавляли ее меньшевики и эсеры, и не было ничего удивительного в том, что многие большевики причисляли ее к «старому миру», предлагали попросту покончить с

---

[1] Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. 1. Приложение. Стлб. 302.

ней. «У нас в партии было немало разногласий и споров насчет кооперации...» — говорил В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б) [1]. В конце концов победил ленинский взгляд на кооперацию, как на «огромнейшее культурное наследство, которым нужно дорожить и пользоваться» [2].

Первейшей задачей рабочей кооперации, по мнению Лежавы, было налаживание продуктообмена между городом и деревней. Рассматривая потребительскую кооперацию как первую ступень на пути приобщения мелких производителей к социализму, Лежава считал, что кооператорам вместо погони «за сомнительными чисто капиталистическими успехами» нужно развивать торговый оборот прежде всего в интересах укрепления первичной кооперации, вовлечения в нее возможно большего количества крестьян. Ибо, только приобщившись к кооперации «через собственный первичный кооператив, в который он должен войти своим реальным интересом», крестьянин «явит собой истинную базу для последующих ступеней кооперативного объединения» [3].

Особой вехой в биографии А. М. Лежавы стала работа в Наркомате внешней торговли заместителем наркома в 1920—1922 гг. Поскольку нарком внешней торговли Л. Б. Красин большую часть времени проводил за границей (он выполнял еще и функции дипломата), на плечи Лежавы легла главная тяжесть забот о создании аппарата наркомата и налаживании его работы. В наследство от старого канцелярского учреждения Наркомвнешторгу досталась, по образному выражению Лежавы, «целая армия спекулянтов разных степеней и марок».

Сложность подбора людей для работы за рубежом, нехватка технических кадров, откровенный саботаж ста-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 164.
[2] Там же. Т. 37. С. 202.
[3] Союз потребителей. 1923. № 12. С. 10—11.

рых чиновников — вот далеко не полный перечень проблем, с которыми ему пришлось столкнуться. Но уже в ноябре 1920 г. Лежава отмечал, что теперь «свои люди имеются почти повсюду за границей наряду со специалистами-дельцами». Это были лишь первые шаги. В целом заграничный аппарат был еще настолько несовершенен, что иногда замнаркома просто терялся при решении того или иного вопроса.

Позднее А. М. Лежава вспоминал, как, преодолевая величайшие трудности, на ходу учась на ошибках, создаваемый В. И. Лениным новый государственный аппарат набирался опыта, утверждал себя творцом подлинно демократических связей со всем народом, защитником его интересов.

Беря на вооружение уроки Ильича, вкладывая всю свою энергию и инициативу в проведение в жизнь важнейших общепартийных и государственных решений, в каждом деле А. М. Лежава видел не только сегодняшний день, но и завтрашний, умел распознать скрытые резервы, перспективные возможности.

В эти годы Андрею Матвеевичу довелось часто встречаться, беседовать, советоваться с В. И. Лениным. В Биохронике В. И. Ленина его имя упоминается свыше ста раз. Во время бесед обсуждались самые разные вопросы: о положении и возможностях развития золотопромышленности в Сибири; о выяснении убытков, причиненных мировой войной и интервенцией; об условиях заключения концессий с иностранными промышленниками; о качестве экспортируемого зерна; о закупке паровозов за границей; об обмундировании для Красной Армии; о проведении денежной реформы и необходимости сократить непроизводительные расходы на управленческий аппарат; об организации отечественной кинематографии и другие. Ряд поставленных А. М. Лежавой проблем рассматривался при жизни В. И. Ленина на заседаниях Политбюро.

Прн разработке плана перехода от продразверсткн к продиалогу В. И. Леиии особенно глубоко нзучал возможиые формы товарообмеиа между городом и деревией. Он советовался об этом с крестьяиами, партийиыми н хозяйственными работииками. После одной из таких бесед А. М. Лежава прниял лениискую точку зреиия по вопросам перехода от политики воеииого коммуиизма к иэпу [1]. В комиссии ЦК по продиалогу, созданиой после X съезда РКП(б), ои выступал как убеждеииый сторонник ие только свободиого обмеиа, ио и торговли.

Интересы развертываиия товарообмена и овладеиия рыиком со стороиы госторговли и кооперации требовали расшиpеиия полиомочий Комвиуторга. Пришедший ему иа смену Наркомат виутреней торговли в 1922—1924 гг. возглавил А. М. Лежава. Новая работа настолько увлекла, так заполнила его жизиь, что даже из Мацесты, где Аидрей Матвеевнч иаходился иа лечеиии в сеитябре 1924 г., ои писал: «...большего покоя иельзя себе представить, ио все время меия гложет скрытая глухая тоска по работе, по делу».

В 1924 г. А. М. Лежава иазиачается заместителем председателя СНК РСФСР, одиовремеиио председателем Госплаиа РСФСР. Ои стаиовится иницнатором многих крупиых начинаний в жизии Российской Федерации. Это прежде всего разработка и оргаиизация системы плаиового лесиого хозяйства, электрифнкация железиых дорог России, развитие крымских н кавказских курортов. При его активиой поддержке зарождалась советская кииематография: было создаио Совкнио, открыто первое киноателье в Москве иа Потылихе, начато производство отечествеиной киноаппаратуры и киопленки.

Миого эиергии, оргаиизаторского таланта вложил А. М. Лежава в развитие дорожиого строительства и ав-

[1] В 1925 г. по просьбе Института Ленина Андрей Матвеевич записал содержание своей беседы с Владимиром Ильнчем (см.: Ленинский сб. Т. 4. С. 381—382).

томобилестроения. Он был одним из создателей Всероссийского добровольного общества Автодор и первым председателем его Совета. По инициативе нового общества было налажено изучение иностранного опыта, началось производство машин и материалов для постройки дорог, проводились всевозможные конкурсы.

В конце 20 — начале 30-х гг. А. М. Лежава был известен как один из энтузиастов создания первого отечественного легкового автомобиля оригинальной конструкции НАМИ (Научного автомоторного института). Андрей Матвеевич постоянно интересовался то постройкой пробных шасси к этой машине, то изготовлением пробных образцов, то их лабораторными и пробежными испытаниями, был в числе пропагандистов снижения себестоимости машины.

В 1930 г. А. М. Лежава неожиданно был отстранен от обязанностей заместителя председателя СНК РСФСР. «Между датой освобождения А. М. Лежавы от обязанностей заместителя председателя СНК РСФСР и датой назначения на другую работу,— вспоминают дочери Лежавы,— был разрыв в несколько дней, и эти дни, вероятно, были самыми трудными в его жизни. Самым тяжелым для Андрея Матвеевича было то, что вдруг у него не оказалось практических дел, за которые он должен отвечать, о которых должен непрестанно думать, заботиться, советоваться с друзьями, принимать решения,— одним словом, действовать. Работа давно уже стала для него синонимом жизни» [1].

В 1930—1937 гг. А. М. Лежава возглавлял Главное управление субтропических культур СССР. К новой для себя работе он отнесся с большой ответственностью, что проявилось прежде всего в стремлении досконально изучить весь спектр проблем, которым должно было заниматься порученное ему ведомство. Высокий профессио-

[1] ЦГАНХ СССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 146. Л. 145.

налнзм, компетеитность — вот черты, которые А. М. Лежава считал главными для руководителя любого раига.

В 1937 г. его жизнь трагически оборвалась. Аидрей Матвеевич разделил судьбу миогих старых большевиков, ставших жертвами сталинских репрессий. Долгие годы имя его было иезаслужеиио забыто.

2 июия 1956 г. дело по обвииеиию Аидрея Матвеевича Лежавы Военной коллегией Верховиого суда СССР было пересмотрено. Как явствует из официальиого докумеита, «приговор Воеииой коллегии от 8 октября 1937 года в отиошеиии Лежавы А. М. по виовь открывшимся обстоятельствам отмеиеи и дело за отсутствием состава преступлеиия прекращеио»[1].

Восстаиовлеио честиое имя коммуииста, иезакоиио репрессироваииого, погибшего. Ои полиостью реабилитирован по граждаиской и партийиой лииии.

* * *

Сбориик, в который вошли избраииые труды А. М. Лежавы, его выступлеиия, письма, а также воспомииаиия о ием, издается впервые. Ои приурочеи к 120-летию со дня его рождеиия. Читателю предоставляется возможиость самому прикосиуться к подчас очеиь сложной и иеодиозиачиой атмосфере первых лет Советской власти, иачала социалистического строительства.

Материалы сборника сгруппироваиы в три раздела. В первом содержатся воспомииаиия и статьи об А. М. Лежаве, написаииые его родными, коллегами, товарищами по партии, журналистами. Оии очеиь разиые по содержаиию; иередко исследовательское, документальное иачало, элемеиты обобщеиий, аиализ событий переплетаются с личиыми впечатлеииями и выводами. Но это нисколько ие умаляет зиачеиия воспомииаиий в целом.

[1] ЦГАНХ СССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 155. Л. 1.

В них содержатся ценные сведения о работе В. И. Ленина, Центрального Комитета партии, хозяйственных органов. Они донесли до нас живые черты эпохи крушения капиталистического строя и становления нового, социалистического общества, знакомят со средой, в которой жил и работал А. М. Лежава.

Во второй раздел вошли выступления и статьи Андрея Матвеевича. В них поднимается немало вопросов, имеющих актуальное, современное звучание: проблемы экологии, защиты окружающей среды; аспекты отношения государства к кооперативной торговле, рациональному устройству внутреннего рынка и т. д. Конечно, включенные в сборник материалы не во всем бесспорны. Однако они отвечают духу эпохи, когда многие искренне верили в перспективу доброго начала и коллективизации, и индустриализации, безапелляционно мечтали, подобно Лежаве, о всемирном социализме. Сегодня к его наследию, наверное, следует подходить как к историческому документу, отражающему и плюсы, и минусы первых десятилетий жизни Страны Советов.

В личном фонде А. М. Лежавы в ЦГАНХ СССР сохранились десятки писем разных поколений. Есть письма семьи Александровых: матери, ее четырех детей — Николая, Владимира, Людмилы и Михаила (последний более известен как Михаил Степанович Ольминский); семьи Лежавы (Людмилы Степановны и Андрея Матвеевича), их дочерей — Ольги и Нины и семьи Куйбышевых — Ольги Андреевны и Валериана Владимировича.

Письма, письма, письма... Первые помечены местом глухой сибирской ссылки, где, как с грустным юмором сообщал А. М. Лежава, охота в девственно-дремучем лесу — единственный вид культурного отдыха, хотя и неравноценная замена театру и вернисажу. Последние написаны незадолго до трагического ареста в 1937 г., с искренним волнением за здоровье жены и детей, уже взрослых.

Есть в хранящихся в архиве документах его дочерей и немало горьких строк, связанных с освобождением А. М. Лежавы от обязанностей заместителя председателя СНК РСФСР и использованием, хотя и временно, на другой работе (членом коллегии Народного комиссариата снабжения и председателем треста Союзрыба), абсолютно ему не знакомой.

Письма А. М. Лежавы публикуются в третьем разделе сборника.

В целом наследие А. М. Лежавы насчитывает около 100 работ. Базовым архивохранилищем, в котором сосредоточены документальные материалы, включенные в настоящий сборник, наряду с Центральным партийным архивом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС служит Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ). К каждому публикуемому документу дана отсылка на источник, архивный шифр или первую публикацию. Все они сверены с первоисточниками. Даты до 14 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

В сборнике использованы также материалы и фотодокументы из личного архива Ольги Андреевны Лежава, предоставленные М. И. Владимировым.

Редакция выражает благодарность за помощь при подготовке издания академику АН Армянской ССР Г. Б. Гарибджаняну, старшему научному сотруднику Института истории партии при ЦК КП Грузии кандидату философских наук М. Г. Доделия.

Воспоминания

Н. А. Лежава, О. А. Лежава-Куйбышева

ОТЕЦ

Из очерка о жизни
и деятельности А. М. Лежавы

МАЛЬЧИК ИЗ АВЛАБАРА

19 февраля 1870 г. в семье железнодорожного рабочего города Сигнаха Матвея Лежавы родился первенец. Мальчика назвали Андро — Андрей. Свою мать Андро не помнил, она умерла, когда ему не было четырех лет. Овдовев совсем молодым, отец больше не женился. Его мизерного заработка (сначала линейного сторожа, потом стрелочника) едва хватало на воспитание сына, из которого он мечтал сделать врача или инженера. О том, чтобы обзавестись второй семьей, не приходилось и думать.

Жил Андро у бабушки Анастасии Иосифовны Ломидзе в рабочем предместье Тифлиса — Авлабаре. Комната сырая, полутемная, разбитое стекло в окне склеено газетой — такой запомнил ее Андро.

Природа щедро одарила мальчика. Пяти-шести лет он уже научился читать и упросил бабушку поскорее отдать его в школу. Судьба послала ему в самом начале жизненного пути умного, душевного наставника — П. И. Катаньяна.

— Павел Иосифович очень полюбил меня,— вспоминал Андрей Матвеевич.— Когда я заболел оспой, он проявил большое внимание к моей судьбе, а когда я стал поправляться, несколько раз навестил меня. Светлый образ этого педагога на всю жизнь остался в моей памяти.

Непоседа и выдумщик всяких затей, Андрей дружил со всеми соседскими ребятами, такими же детьми рабочих, как и он сам. Из начальной школы Андрей перешел во 2-ю Тифлисскую гимназию. Обстановка здесь была совсем другая. В одном классе с 7—9-летними учениками сидели бородатые бездельники по 20 и более лет — отпрыски княжеских фамилий, сынки богатых торговцев. Это были два постоянно враждовавших лагеря. Только сплоченность мальчишек спасала их от преследования верзил, и они на практике познавали значение правила «все за одного, один за всех».

Воспитание, полученное на улицах Авлабара, продолжалось в небольшом кружке гимназистов третьего класса, увлекавшихся чтением Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Литература пробуждала высокие стремления к добру, к правде, к справедливости, но путь к «правильной» жизни никто не мог указать ребятам. Они искали его самостоятельно и нередко ошибались. Так случилось и с Андреем Лежавой.

Двенадцатилетний мальчик неожиданно объявил своей бабке, что хочет жить своим трудом, учиться больше не будет, поступит на телеграф (влияние соседа-телеграфиста).

Бедная старушка бросилась к классному наставнику. Вместе они отговаривали Андрея, одного из лучших учеников гимназии, от этого опрометчивого шага. Ничего не помогло.

Начался страшный период в жизни мальчика. Сам Андрей Матвеевич так рассказывал о нем: «На государственный телеграф меня не приняли («до ключа ты еще не дорос»). Я тогда поступил на железнодорожный телеграф, но вскоре бросил телеграф и начал учиться столярному ремеслу. На железнодорожном телеграфе, а впоследствии в столярных мастерских моя жизнь потекла совсем по-иному: я покинул бабушку (чтобы совсем стать самостоятельным), поселился с товарищем столяром где-

то на чердаке, голодал, холодал. Терял работу, опускался на дно, пьянствовал, отбился от большинства прежних товарищей...»

Можно себе представить, какую огромную силу воли должен был проявить 14—15-летний юноша, чтобы вырваться из болота, которое начало его засасывать. Спасло то, что учение он оставил не из-за лености и не ради поиска приключений, а из-за стремления жить своим трудом. Увидев, как далеко в сторону ушел он от мечты о самостоятельной трудовой жизни, юноша нашел в себе силы вернуться к бабке, вновь засесть за учебу. На своем собственном горьком опыте он понял, что без знаний человек не может быть хозяином своей судьбы — жизнь бросает и крутит его, как бурный поток щепку.

— Вероятно,— говорил нам Андрей Матвеевич,— пришлось сделать над собой чрезвычайно большое усилие, так как поворот у меня вышел очень крутой.

Чтобы скорей стать на ноги, стать самостоятельным, Андрей решил пойти в Учительский институт. А для поступления в институт потребовалось еще два года, чтобы окончить шестиклассное городское училище. Стараясь наверстать упущенное, Андрей учился все эти годы жадно. Но учился не только по программам и учебникам института...

НАЧАЛО ПУТИ

Лежава и его друзья — поколение сверстников В. И. Ленина — начали сознательную жизнь в пору разгула реакции. Среди царившего в стране мрака им светили, как яркие звезды, имена бесстрашных революционеров — Желябова, Перовской, Кибальчича, Михайлова и других народовольцев, мужественно вступивших в единоборство с самодержавием.

Прошло уже несколько лет с того дня, как они погибли, приведя в исполнение вынесенный ими смертный

приговор Александру II. Но проявленные ими твердость и мужество, их глубочайшая убежденность, чистота и красота их морального облика все так же волновали и восхищали лучшую часть общества и прежде всего молодежь. Пойти по их стопам, продолжать начатое ими дело — об этом мечтали многие молодые люди в 80-х годах прошлого века.

В Тифлисе в те годы было много революционной интеллигенции и рабочих, высланных из России или скрывавшихся от преследований полиции. Андрей Лежава познакомился и сблизился со многими из них. С особой любовью и уважением он вспоминал всегда Семена Заварьяна и Христофора Микаеляна — народовольцев, от которых получил первые нелегальные издания. Среди них были и отпечатанные в летучей типографии «Народной воли» письма «От мертвых к живым». Замурованные в казематах Петропавловской крепости революционеры старшего поколения призывали российскую молодежь показать миру, что ее «недаром зовут геройской», «выплатить народу великий долг, лежащий на каждом интеллигентном человеке». «Помните,— говорилось в письмах,— что мы вспоены кровью и потом народа, что на своей многострадальной спине он вынес могучее здание цивилизации, от которого до сих пор, кроме мук, ничего не видел... на вас лежит священный долг разрушить эту вековую неправду...»

— Эти «письма»,— вспоминал Андрей Матвеевич,— на меня и на ближайшего моего товарища Сергея Вартанова произвели огромное впечатление, и мы с ним торжественно поклялись отдать жизнь на борьбу с тиранией.

Знаний, полученных в Учительском институте, было достаточно лишь для того, чтобы стать учителем. А Андрей мечтал о большем. Чтобы быть революционером, надо знать бесконечно много, и прежде всего надо знать, как раньше боролись лучшие люди мира за счастье на-

рода, чего они достигли, в чем ошибались. Многое можно почерпнуть из книг по истории, философии, политической экономии, из сочинений Чернышевского, Белинского, Салтыкова-Щедрина. Андрей много читал, но по своему характеру, иеобычайно живому и общительному, он ие мог иадолго зарываться в книги. Каждой новой мыслью ему надо было обязательно поделиться с друзьями, узнать их мнение, может быть, поспорить, прежде чем определить свой собственный взгляд.

Искрениий, горячий в своих поисках правды, Андрей Лежава был своим человеком и в рабочих кружках, и в кружках учащейся молодежи, и в компании «стариков»-народовольцев.

Осенью 1891 г. в Тифлисе появился безусый босяк Алексей Пешков. Никто тогда не мог предположить, что этот бродяга с пустой котомкой за плечами станет вскоре всемирио известиым писателем Максимом Горьким. Поселился Максимыч, как его здесь называли, вместе с двумя друзьями в подвале на Красногорской улице. Зажили коммуной, к которой сразу же потянулась молодежь — гимназисты, ученики землемерного училища и Учительского института, кое-кто из рабочих железнодорожных мастерских.

Среди постоянных посетителей коммуны были, конечно, Андрей Лежава и его друг Сергей Вартанов. По вечерам в коммуне устраивались чтеиия, литературные собеседования, доклады, вечеринки.

Спорили много, горячо и довольно бестолково, так как твердой теоретической базы для решения животрепещущих вопросов ни у кого не было. Молодежи не терпелось скорее перейти от бесплодных споров к практическим делам, скорее встать в ряды тех, кто уже боролся.

Большие надежды связывал Андрей Матвеевич с переездом в Москву, с поступлением в университет. Там он надеялся приобщиться к революционным центрам, заняться «настоящим делом». В Москве прямо с вокзала

Андрей направился к своему земляку и другу Степану Петровичу Эйранову. Степан был старше Аидрея и по возрасту, и по жизиеииому опыту. Еще три года тому иазад он был исключен из Ново-Александровского университета за участие в студеических беспорядках и подчинеи иегласному надзору полиции. Теперь он держал экзамеиы в Петровскую академию и был связан с иесколькими студеическими кружками.

Лежава поселился вместе с Эйраиовым в номерах Полозовой на Моховой улице. Ему удалось быстро устроиться преподавателем в воскресной школе при мастерских Курской железиой дороги и начать слушать лекции в уииверситете. Здесь ои впервые услышал споры марксистов с иародниками, ио разобраться в иих ие успел. Ему представилась возможиость активио действовать! Ои сразу бросил все — университет, воскресиую школу, кружок, и без раздумий, с радостью пошел за тем, кто первым предоставил ему эту возможиость.

Еще в Тифлисе Андрей позиакомился и сблизился с иародовольцем Николаем Михайловичем Флеровым, только что вериувшимся из Березовской ссылки. Теперь, осеиью 1893 г., Николай Михайлович отыскал Лежаву в Москве, чтобы предложить ему приият участие в оргаиизации подпольной типографии только что создаииой партии «Народное право».

Флеров позиакомил Аидрея Матвеевича с М. А. Натансоиом — одиим из организаторов и фактическим руководителем этой партии. Еще раньше, в Тифлисе, Лежава слышал от Флерова о том, что Марк Андреевич Натансои — одии из первых «чайковцев», друг Софьи Перовской и Петра Кропоткиа, оргаиизатор и активиый участник «Земли и Воли». Ни тюрьма, ии ссылка ие укротили буйиой эиергии Натансона. Он был теперь одушевлен иовыми планами революциоиой борьбы. С большим волнением Андрей ждал встречи с представителем старой революционной гвардии.

К его сожалению, беседа получилась очеиь короткой. Натансон начал разговор как бы прямо с подведения итога:

— Итак, юноша, враг у нас с вами один, цель общая, будем бороться вместе. Прежде всего надо поставить типографию. Люди для этого есть, оборудование есть. Вам надо будет осуществлять связь между типографией и внешним миром.

Дальше речь пошла о явках, паролях и других деталях.

— Ну, как, все вам ясно? — закончил Натансон эту коротенькую беседу.

Конечно, юноше очень многое было не ясно, но охваченный радостью приобщения к настоящей борьбе он вопросов не задавал. Он, по существу, почти ничего не знал ни о программе, ни об истории возникновения партии «Народное право». Ои знал одно: Натаисон и Флеров — соратники Желябова, Перовской и других высоко чтимых им героев, уже делали настоящее дело, уже прошли через тюрьмы и ссылки, и это их не сломило. Они с юношеским задором снова рвутся в бой с самодержавием, они уже организовались для борьбы с ним. Иметь возможность встать в их ряды — это большое счастье!..

Андрей Матвеевич не подозревал, что с первых дней пребывания в Москве он попал на заметку не только московской охранки, но и самого Департамента полиции, перехватившего письмо студеита Киевского университета Ш. А. Читадзе к А. Лежаве. Читадзе рассказывал в письме о студенческих кружках в Киеве и о том, что он «пытается национальные вопросы поставить и осветить с политической точки зрения». Этого оказалось достаточно, чтобы взять под подозрение адресата. Теперь интерес жандармов к молодому грузину увеличился. Дело в том, что среди тех, с кем Натансон и Флеров связали Лежаву, был некто Максимов — человек, ие усвоивший элементарных правил конспирации. Это дало возможность матерой

провокаторше Анне Серебряковой, служившей в московской охранке, знать о каждом шаге Максимова через его невесту. Через Максимова в поле зрения охранки попал Лежава и многие другие народоправцы.

Не зная этого, Андрей Матвеевич в последних числах февраля 1894 г. сдал в багаж под видом домашних вещей хорошо упакованные типографские принадлежности и несколько пудов бумаги и с багажной квитанцией в кармане направился в Смоленск, к месту организации типографии. Выезжая в Смоленск, Лежава не мог, конечно, знать, что там, на подпольной работе, он встретит девушку, которой впоследствии суждено будет стать его избранницей, женой, верным другом до конца жизни.

ЕГО ИЗБРАННИЦА

Связь Людмилы Степановны Александровой с организаторами партии «Народное право» была более продолжительной и более тесной, чем у Лежавы. С М. А. Натансоном она познакомилась в Саратовской губернии, куда (в село Сокур) приехала летом 1891 г. по окончании Петербургской Рождественской школы лекарских помощниц и фельдшериц. Младшая сестра М. С. Александрова (Ольминского), она росла в значительной мере под его влиянием. Еще в Воронеже, в гимназические годы, она познакомилась в кружке самообразования с изданиями «Народной воли», принимала участие в сборе средств для помощи политическим ссыльным и заключенным.

В Петербурге Людмила Александрова сразу обратила на себя внимание охранки. В справке Петербургского жандармского управления значится, что Людмила Степановна Александрова в 1887 г. (это был первый год ее обучения) была организатором в Рождественской школе тайного преступного кружка так называемых «кадров революционных партий». В справке сообщается о ней

как о «невесте» привлекавшегося к дознанию Петра Мануйлова.

Жандармское управление, видимо, считало Людмилу Александрову столь опасным преступником, что брало на заметку всех, с кем она встречалась. Приложенный к справке о ней «Список лиц, замеченных в сношениях с дочерью коллежского асессора Людмилой Степановной Александровой» содержит сведения о тридцати человеках, которые встречались с Александровой на протяжении полутора лет.

Но жандармы знали не все. Они не знали, что Людмила Александрова вместе со своими закадычными подругами, ученицами той же фельдшерской школы, Надеждой Фоняковой и Екатериной Троицкой занимались еще и размножением на гектографе революционных листовок. Вместе они участвовали в демонстрации на похоронах писателя-демократа Н. В. Шелгунова.

По окончании курсов все три подружки вместе поехали на работу в Саратовскую губернию.

К этому времени приехавший в Саратов после ссылки М. А. Натансон успел привлечь к себе силы местной прогрессивной интеллигенции. До него здесь было много революционно мыслящих людей, но не было объединяющего их общего дела. С приездом Натансона все изменилось. Вокруг него сразу же сгруппировался тесный кружок его друзей, главным образом из бывших товарищей по ссылке. Развернулась работа среди учащихся средних учебных заведений. Молодежь ухватилась за кружки самообразования, как за якорь спасения — уж очень ее донимала мертвящая школьная выучка. Установилась связь с «Обществом изящных искусств». На его заседаниях вскоре начали ставить на обсуждение различные публицистические вопросы. Заседания превращались в митинги, на которых яростно, горячо дебатировались многие «проклятые вопросы» суровой действительности. Активными участницами всех этих начинаний были и молодые фельдшерицы Александрова, Троицкая и Фонякова.

Натансон сразу обратил внимание на серьезных энергичных девушек, заметил, что у них уже есть опыт в области конспирации, оценил их убежденность и готовность к борьбе за свои идеалы. Особенно вырос авторитет девушек в глазах Натансона после того, как все три присоединились к коллективному уходу с работы врачей Саратовского земства в знак протеста против ликвидации их автономной организации — Санитарного Совета. Дело это в то время наделало много шума. В. И. Ленин увидел в нем, наряду с другими аналогичными фактами, знамение времени. В 1901 г. он писал: «Нежелание интеллигентов позволить третировать себя как простых наемников, как продавцов рабочей силы (а не как граждан, исполняющих определенные общественные функции), всегда приводило, от времени до времени, к конфликтам управских воротил то с врачами, которые коллективно подавали в отставку, то с техниками и т. д.»[1]

М. А. Натансон решил привлечь всех трех фельдшериц к осуществлению своей мечты — созданию политической партии, объединяющей все элементы общества, враждебные самодержавию. В беседах с девушками он с увлечением рассказывал им о своих планах.

— Наша первая задача — вывести движение из подполья наружу, перевести его в стадию массового демонстративного проявления общественного и народного недовольства. Крестьяне должны открыто требовать земли и отмены сословных стеснений, рабочие — свободы стачек и профессиональных объединений, сектанты и раскольники — свободы совести, писатели — свободы печати, все — участия в управлении страной.

Так, по мысли Натансона, в России должна была быть создана общереволюционная атмосфера. Очень осторожно, иногда намеками он говорил и о второй задаче новой партии — о создании групп действия, для которых об-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 330.

щереволюционная атмосфера в стране необходима как пункт, защищающий их от ударов правительства и дающий им возможность построиться в штурмовые колонны. Штурмовать самодержавие — это больше всего привлекало Людмилу Александрову и ее подруг. Они знали, что есть и другие пути подготовки штурма царизма, еще в Питере познакомились с деятельностью первых социал-демократических групп. Но «дело Натансона» представлялось им шире, казалось имеющим больший размах. Ведь Натансон говорил об объединении в одной партии всех оппозиционных сил от либералов до социал-демократов.

Молодые революционерки еще не понимали тогда, что как раз в этом-то и заключалась порочность позиции Натансона, что объединение в одной партии рабочих и либералов может лишь ослабить основную революционную силу — пролетариат, ибо отнимет у него его главное оружие — пролетарскую организацию. Привлекал юные сердца и ближайший друг и сподвижник Натансона — Николай Сергеевич Тютчев. Его имя было связано с именем Кибальчича, по делу которого он привлекался почти 20 лет тому назад. Тютчев был одним из первых землевольцев, в 1878 г. был сослан в Баргузин. Из ссылки бежал, был задержан и сослан на 5 лет в Якутскую область. Пробыв в ссылке около 10 лет, Тютчев не сложил оружия и вернулся в Россию, чтобы продолжить борьбу.

По заданию Натансона и Тютчева Людмила Александрова ездила летом 1892 г. в Тамбов, Петербург, Одессу. Они поручили ей вести в этих городах переговоры о создании новой партии с людьми известными им лично или рекомендованными друзьями. Летом 1892 г. Натансон предложил Александровой, Троицкой и Фонаковой принять участие в организации подпольной типографии. Девушки, конечно, с радостью дали согласие. Используя свои связи с находящимися за границей народовольцами, Натансон отправил Л. С. Александрову и Е. М. Троиц-

кую в Будапешт для обучения типографскому делу. Два месяца они проработали там наборщицами. Когда возвратились в Россию, типография не была еще организована. Людмила временно устроилась на работу в Питере, сначала в Рождественской барачной больнице, потом в хирургическом отделении клиники Виллие.

В сентябре 1893 г. Натансону и его друзьям удалось собрать своих единомышленников на съезд, который вынес решение о создании новой партии — «Народное право». Л. С. Александрова и Е. М. Троицкая были участницами съезда, а по его окончании Людмила Степановна получила паспорт на имя Анфисы Клочковой и перешла на нелегальное положение. В Саратове она получила типографский шрифт, прибывший из-за границы, и отвезла его в Смоленск за два месяца до того, как туда прибыл Лежава. Проделала она все это настолько конспиративно, что Департамент полиции, сумевший с помощью провокатора Серебряковой и сети секретных агентов выследить почти всех организаторов и деятелей партии «Народное право», Людмилу Александрову «прозевал».

В ДОМЕ ОСТРОВСКОГО НА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ УЛИЦЕ

Надо прямо сказать, опытным конспиратором был Марк Андреевич Натансон, а место для типографии выбрал неудачно. В связи с предполагаемым приездом царя Смоленск был наводнен шпиками. Агенты охранки пристально следили за каждым новым человеком, приезжающим в город. В январе 1894 г. их внимание привлек некто Дмитрий Окунев, мужчина лет 35, приехавший с юга, остановившийся сначала в гостинице «Лондон», а затем переехавший в дом Дойникова по Резницкому переулку. В начале февраля Окунев снял дом Островского на Петропавловской улице и поселился здесь с женой Анфисой Клочковой и кухаркой Лукерьей Денисенковой. Полицию

заинтересовало большое количество грузов, которое вскоре же начал получать Окунев. А в конце февраля в Смоленске появился еще один подозрительный человек. В жандармских донесениях он обозначен как «живший последнее время в Москве без занятий мещанин г. Сигнаха Тифлисской губернии Андрей Лежава».

Первый, с кем встретился Лежава в Смоленске, был Окунев. Охранка насторожилась. Агенты доносили, что частые свидания Лежавы с Окуневым обставлены предосторожностями, устраиваются обычно по вечерам в отдаленных частях города. Агенты зафиксировали, что 21 марта в Смоленск прибыл некто Яковлев, который доставил Лежаве привезенные из Москвы два чемодана и два ящика. В тот же день вечером Лежава имел на улице свидание с Окуневым, а на следующий день, т. е. 22 марта, Окунев с женой посетили Лежаву и увезли с собой доставленные Яковлевым вещи. Составляя это донесение, агенты охранки еще не знали, что Окунев вовсе не Окунев, а бывший ссыльный Михаил Антонович Манцевич, привлекавшийся еще в 1885 г. по делу польской партии «Пролетариат», что его жена Анфиса Клочкова в действительности и не жена, и не Анфиса Клочкова, а дочь коллежского асессора Людмила Александрова, что роль кухарки Лукерьи Денисенковой блестяще исполнила Надя Фонякова.

В доме Островского на Петропавловской улице и днем и особенно ночью кипела работа. Словно предчувствуя близкий провал, трое его обитателей спешили размножить первые документы партии «Народного права»: «Манифест» и программную брошюру «Насущный вопрос». Едва они успели их отпечатать, как товарищи вывезли из типографии почти весь тираж. Одновременно руководители партии дали команду: типографию свернуть, оборудование упаковать и подготовить к перевозке на новое место, Лежаве же немедленно выехать в Харьков. Но это не могло уже спасти от провала. 21 ап-

реля 1894 г. в квартиру Окунева-Манцевича нагрянула полиция. Почти одновременно были схвачены в Петербурге, Москве, Орле, Харькове и других городах все, за кем до этого велись наблюдения, в том числе Натансон, Тютчев, Гедеоновский и другие, а также члены «Группы народовольцев», в том числе брат Людмилы Михаил Степанович Александров (Ольминский) с женой.

Жандармы торжествовали. У разных лиц, сообщали они, взято много нелегальных изданий, 1000 экз. брошюры «Насущный вопрос», 2000 экз. «Манифеста». Самые серьезные результаты дал обыск в Смоленске, где в доме Островского обнаружена «полная тайная типография», уложенная для перевозки в корзину и сундук, большое количество типографской бумаги, «Манифест», 78 экз. брошюры «Насущный вопрос» и подготовленная для печати переводная статья Дж. Кенана «Голос за народ». Лежава успел выехать в Харьков, но полиция не сводила теперь с него глаз. Телеграмма, отправленная в Департамент полиции, сообщала: «Седьмого Лежава из Смоленска через Орел выехал на Харьков сопровождении четырех филеров, имея при себе три места багажа».

В тот же день директор Департамента полиции собственноручно составил телеграмму московскому оберполицмейстеру. Он требовал «проследить Лежаву до места, не упуская багажа», но допускал и другой вариант: «В случае осложнений при проследке Лежавы можно арестовать его без огласки в пути с багажом». Осложнений при «проследке» не произошло, и А. М. Лежава был арестован в Харькове в ночь на 21 апреля.

Начальник Харьковского жандармского управления тотчас получил распоряжение препроводить Лежаву с вещественными доказательствами под надежным конвоем в Петербургское жандармское управление. Об успешно проведенной операции по разгрому партии «Народное право» и смоленской типографии министр внутренних

дел Дурново поспешил подать «всеподданнейшую записку» царю. Тон записки хвастливый, явно рассчитаииый на монаршие милости. Но одну фразу, чувствуется, автор записки написал с досадой: «личности [задержанных в типографии] не устаиовлены». Это было так досадно, что выясиением неустановлениых личностей занялся сам руководитель операции вице-директор Департамента полиции Зволянский. Запросив Воронеж, где был выдаи паспорт Анфисе Клочковой, он получил телеграфный ответ: «Аифиса Клочкова находится в данный момент при муже Вороиеже». Стало ясно: смоленская Клочкова имела копию паспорта подлиниой воронежской Клочковой.

Но кто же оиа в действительности? Меньше всего предполагал Зволяиский, что в его лапы попала та самая Людмила Александрова, которую Департамеит полиции в это время безуспешио разыскивал. О розыске Алексаидровой мы узиаем из заметки петербургского корреспоидеита в аиглийской газете «The Standart». Сообщая о массовых арестах в ряде городов Российской империи, корреспоидент перечисляет фамилии лиц, об аресте которых зиает достоверио. Это директор статистического бюро А. Чермак, его помощник М. Алексаидров с женой, Н. Тютчев и другие. В конце заметки корреспоидеит указывает: «Большая иаграда была назиачеиа за задержание некоей г-жи Александровой».

Лишь спустя 11 дией после арестов Департамент полиции понял свою оплошность. 2 мая Зволянский телеграфировал своему помощнику по смолеиской операции московскому полицмейстеру Бердяеву: «Аифиса Клочкова оказалась сестрой арестоваиного Петербурге Михаила Александрова» [1]. Мобилизовав все силы своих агентов и провокаторов, причастиых к выслеживанию народоправцев, жандармы устаиовили подлиииые фамилии и двух других «личностей», взятых в типографии...

[1] ЦГАОР СССР. Ф. Д. П. III д-во. Д. 240. Л. 252.

УЗНИКИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Департамент полицнн счнтал лнц, арестованных в апреле 1894 г., весьма важнымн полнтнческими преступннками, поэтому почтн всех арестованных народоправцев н иародовольцев сразу же заперлн в одиночные камеры Петропавловской крепостн.

Людн постарше, уже прошедшне, н не раз, через тюрьму и ссылку, досадовалн: сорвалось так хорошо начатое дело, опять на многне годы прндется оторваться от жизин, от борьбы. У молодежн к досаде прнмешивалось чувство гордостн: не каждому суждеио попасть в казематы той самой Петропавловской крепостн, где томилнсь лучшие людн Росснн — Радищев, декабрнсты, Чернышевский, Желябов, Ульянов...

Как держать себя на допросах, чтобы не уронить высокое зваине революцноиера? Эта мысль сейчас больше всего волновала молодых узнников Петропавловской крепостн. «Старнкн»-народовольцы, стреляные воробьн, давали на допросе стереотнпный, почтн стандартный ответ:

— Ннкакой революцнонной деятельностью я не занимался по возвращеиин нз Снбнрн н внновным себя в принадлежностн к сообществу, нменовавшемуся партней «Народиое право», я не прнзнаю (М. А. Натансон) [1].

— Виновиым себя в прннадлежностн к какому бы то ни было революцнонному сообществу н, в частиостн, к сообществу, наименовавшемуся «Народным правом», я не прнзиаю, и вообще я революцнонной деятельностью не заннмался (Н. С. Тютчев) [2].

Диссонансом средн такнх ответов звучнт ответ Андрея Лежавы:

— Я принадлежу к революцнонному сообществу, ставящему себе задачей добнться свободы слова н печатн.

[1] ЦГАОР СССР. Ф. Д. П. III д-во. Д. 86. Т. 1. Л. 292.
[2] Там же. Л. 217.

Лиц, принадлежащих к этому сообществу и мне известных, я назвать не желаю, равно как не желаю сказать, как и через кого я примкнул к нему... Мои услуги смоленской типографии заключались в доставлении нужной для нее бумаги, но каким путем я приобретал таковую — указать не желаю [1].

Аналогичный ответ дает и Людмила Александрова:

— Я принадлежу к партии «Народное право», стремящейся к достижению политической свободы и ставящей своей минимальной целью — ограничение самодержавия и устройство народного представительства. Виновной себя в этом я не признаю, так как и до сих пор разделяю это убеждение. Я не могу даже приблизительно указать время, когда зародились во мне эти взгляды: они развились во мне постепенно, по мере моего умственного развития... Дальше я могу объяснить только, что жила в Смоленске вместе с Окуневым и Денисенковой, из коих первого до встречи в Смоленске я не знала, а вторую знала, но где с ней встречалась и какая ее настоящая фамилия — сказать не желаю [2].

На вопрос: где она жила, уехав из Петербурга,— Л. Александрова заявляет:

— Уехала к знакомым, назвать которых не желаю, как равно не скажу, где они живут [3].

Ответ на вопрос о Лукерье Денисенковой столь же категоричен:

— Где с ней встречалась и как ее настоящая фамилия — сказать не желаю.

После всех этих «сказать не желаю» и «назвать не желаю» заключительный аккорд:

— Больше ничего объяснять не желаю и ни на какие вопросы отвечать не буду [4].

---

[1] ЦГАОР СССР. Ф. Д. П. III д-во. Д. 86. Т. 1. Л. 200.
[2] Там же. Л. 103.
[3] Там же.
[4] Там же.

На одном из допросов Людмила Степановна с вызовом заявила прокурору Дейтриху: «Будет и на нашей улице праздник!» В протоколе допроса эта реплика не была зафиксирована. Мы узнали о ней много лет спустя из письма Людмилы Степановны от 13 марта 1917 г. брату Николаю, в котором она вспомнила этот эпизод и выразила радость по поводу ареста Дейтриха [1] и заключение его в Петропавловскую крепость. «Может быть,— писала она,— он сидит в той самой камере, где допрашивал меня».

Двадцать месяцев одиночки не сломили упорства ни Андрея Лежавы, ни Людмилы Александровой. Нужных показаний следствие от них так и не добилось.

Старшие товарищи быстро обучили молодежь тюремной азбуке. Старый большевик Петр Ананьевич Красиков рассказывал, что в Петропавловской крепости он перестукивался с соседкой, находившейся в 44-й камере, обучив ее этой грамоте. Оказалось, что это была Л. С. Александрова. Она объяснила, что сидит по делу Натансона и Тютчева.

Благодаря перестукиваниям заключенные знали, кого о чем спрашивают на допросах и кто что отвечает. Это давало им возможность избегать противоречий в показаниях.

Заключение по делу партии «Народного права» Департамент полиции вынужден был составлять главным образом на основании донесений филеров. Состряпать судебный процесс не удалось, дело решалось в административном порядке.

Для «рецидивистов» — Натансона, Тютчева, Манцевича и других прокурор требовал высылку на 5—8 лет. Из молодежи он выделил троих — А. М. Лежаву, Л. С. Александрову и Н. П. Фонякову, для которых «вви-

[1] Перед Февральской революцией 1917 г. Дейтрих занимал пост товарища (заместителя) председателя Государственного Совета.

ду серьезного характера их преступной деятельности» требовал высылку в Восточную Сибирь на 3 года. Департамент полиции добился увеличения этого срока для Фоняковой до 6 лет, для Лежавы и Александровой до 5 лет. 22 ноября царь утвердил эти сроки, а в конце декабря того же 1895 г. заключенных перевезли в Москву, в Центральную пересыльную тюрьму («Бутырки»).

3 января 1896 г. Людмила Степановна писала брату: «Как переезд от Питера до Москвы, так и переход в Москве от вокзала до тюрьмы совершился, конечно, без всяких приключений, в очень хорошем настроении, в обществе своих товарищей по делу, как знакомых, так и незнакомых, с которыми и перезнакомились».

А Лежава грустил. Еще в Питере он узнал, что бабушка подала прошение министру юстиции. Она просила проявить снисхождение к ее внуку, которого она воспитала на трудовые гроши в надежде на его помощь ей в старческие годы. Теперь, писала старушка, я и больной его отец лишились последней своей поддержки и оказались в бедственном положении.

Непрошеное заступничество бабки вызвало у Андрея вспышку возмущения и обиды на нее. Но тут же защемило сердце — ведь бабка и отец, действительно, остались без всяких средств к существованию. А он, здоровый, сильный мужчина томится в тюремной клетке от безделья и ничем не может им помочь.

В долгие тюремные ночи мысль о стариках не давала покоя юному революционеру, но сойти с избранного пути он уже не мог...

ОТ НАРОДОПРАВЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ

В Иркутске узнали о месте назначения. Им оказался Верхоленск, расположенный в трехстах верстах к северо-востоку от Иркутска. Как показывает само название го-

рода, он находится в верховьях Лены, там, где могучая сибирская река считается лишь условно судоходной. Хотя и назывался Верхоленск городом, но от среднего русского села ничем не отличался: всего 1000 душ населения, главным образом крестьяне, частично поселенцы из уголовных. Политических ссыльных после польских повстанцев 1863 г. сюда не присылали. Первым приехал А. В. Гедеоновский с женой, добровольно последовавшей за мужем в ссылку. Они оказались первыми потому, что от самой Москвы ехали за свой счет, а не по этапу. Гедеоновский — старый народоволец, потом народоправец. Это была уже его вторая ссылка.

Вслед за Гедеоновскими прибыли Александровы — мать и дочь: Ольга Николаевна и Людмила Степановна. А спустя два месяца, в конце октября, добрался до Верхоленска и Лежава. Поселился он сначала с Гедеоновскими, потом обзавелся собственной «квартирой» — снял половину комнаты в крестьянской избе. Началась ссыльная жизнь с освоения горшков и русской печки. А. В. Гедеоновский писал друзьям в Россию: «Теперь я торжествую. С приездом Лежавы три дня в неделю я к печке почти не прикасаюсь. Хожу по комнате, напеваю трам-трам и смеюсь, как он, солидный муж, возится с горшками. Обед у нас самое веселое время, столько бывает острот и шуток по адресу друг друга... Вообще хозяйство идет на славу, хотя не без изъяну: за это время успели погубить уже три горшка. На днях Лежава все дивился и не понимал, отчего так быстро выкипает суп, много раз подливал, а того не заметил, что горшок этот давно треснул, и в эту щель все добро ручьем бежит» [1].

О жизни в Верхоленске рассказывают сохранившиеся письма Людмилы Степановны и Ольги Николаевны. Их много, около сорока, некоторые написаны на 4—6,

---

[1] Исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 297.

другие — на 8—12 страницах почтовой бумагн мелким убористым почерком. Адресаты нх — братья Людмилы Михаил и Ннколай.

Андрей Матвеевич Лежава перепнсывался с В. И. Браудо, сндевшнм в «Крестах», н еще с некоторыми товарнщами, но эти письма, виднмо, не сохранились, найти нх не удалось.

Красной ннтью через письма Людмнлы Степановны и Ольги Ннколаевны проходнт живой ннтерес к новым местам, к новым людям и к их жнзни. Совершенно справедливо писала Ольга Николаевна сыну Миханлу в «Кресты»: «Ты знаешь мой характер, я не могу не входить в ннтересы окружающей меня жнзнн, где бы я ни была». От нее не только ннкто никогда не слышал жалоб, а, напротнв, она всех подбадрнвала.

Сыну в тюрьму она писала:

«Не унывай, не так страшен черт, как его малюют. Солнце одинаково светит всем, а здесь оно постоянней, чем где-нибудь. Никогда еще мне не жилось так хорошо в отношенин погоды и здоровья, как здесь».

Андрей Матвеевнч глубоко уважал эту старую женщину, свою будущую тещу, за ее бодрость, доброту, за ее всем открытое сердце. Он н сам никогда не унывал, был бодр, общителен. Его любили в колонни за отзывчивость, за веселый нрав и хорошнй голос, за прннципиальность и справедлнвость при решении крупных н мелких конфликтов, неизбежных в таких условиях жнзни. Эти конфликты, часто начинавшиеся еще во время этапного пути, были самым тяжелым моментом в жизнн ссыльных. Все остальные трудности изжнвались легче.

Помещение для жилья ссыльные снимали у крестьян, жилн вместе с ннмн в избах. Что это было за жилье, можно судить по такой фразе нз письма Людмилы Степановны: «В сентябре было так холодно, что я из-под дохн почти не вылезала, а мама н день н ночь была одета в меховой шубе н калошах».

Брата Михаила, которому после тюрьмы предстояла ссылка в Восточную Сибирь, она успокаивала: «Как здесь, так и в Якутии жить можно, если не считать за большое несчастье, что иной раз придется спать в шубе и в валенках».

К холоду привыкли, приспособились, ночью несколько раз вставали, чтобы подбросить дров в железную печурку, не дать погаснуть огню.

Трудно было с питанием. Зелени, овощей нельзя было достать ни за какие деньги. «Я готова хоть траву и сосновые иглы есть, только бы что-нибудь растительное»,— писала Людмила Степановна. Спасали огороды, которыми занялись в первую же весну. Дело это оказалось нелегким, освоить здесь клочок земли было очень трудно: сплошные камни, песок, глина. Землю, пригодную для огорода, приходилось выискивать где-нибудь в окрестностях, иногда за несколько верст, и оттуда таскать или возить ее на свой огород. В холодные ночи, а они бывают даже в июле, все спешили закрыть разным домашним тряпьем.

А. М. Лежава не заводил себе огорода. У него было много дел с общественной столовой, где он пребывал в должности эконома, добывал продукты.

Большим подспорьем были ягоды и грибы. Летом часто с 4—5 часов утра уходили верст за 10 в лес и возвращались к ночи усталые, измученные, но с полными корзинами голубики, черной смородины, брусники, кедровых шишек, грибов.

Первая зима была самая тяжелая для горстки верхоленских «политиков», оказавшихся заброшенными в глухомань сибирской тайги. И тем не менее с первых дней они представляли собой крошечную, но крепкую организацию, на помощь которой могли рассчитывать проезжавшие через Верхоленск партии ссыльных.

В начале декабря 1896 г., ожидая проезда в Якутию партии из шестнадцати «государственных преступников»,

пятеро верхоленцев (двое Гедеоновских, двое Александровых и Лежава) изготовили для них более 1000 пельменей. В этой партии оказался М. И. Бруснев — один из организаторов первых марксистских кружков в России. Его жадно расспрашивали о порядках в «Крестах», откуда он недавно вышел и где продолжал томиться брат Людмилы Степановны.

Постепенно колония пополнялась новыми членами. Прибыл варшавский студент О. С. Антокольский, милый, застенчивый юноша.

Вслед за Антокольским появился врач Я. М. Ляховский, осужденный по делу ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

С ростом колонии стала более существенной ее помощь проходящим через Верхоленск партиям ссыльных.

В конце января 1897 г. стало известно, что скоро должна проехать на Якутск партия старых народовольцев, много лет томившихся в Шлиссельбурге. Три дня и три ночи в лютый мороз караулили ее верхоленцы, пока она, наконец, не прибыла 2 февраля ночью.

В этой партии были Янович, Мартынов, Шабалин и Суровцев. Оказалось, что двое из них едут без шуб, в легких арестантских тулупчиках. Верхоленцы снабдили всех провизией и деньгами, сбегать же домой за теплой одеждой не успели. Однако успели предупредить киренцев, и те вынесли им навстречу две шубы.

Особенно волнующей была встреча с П. И. Войнаральским, одним из инициаторов широко развернувшегося в начале 70-х гг. «хождения в народ». Войнаральский побывал и на Каре, и в Верхоянске, а всего провел в тюрьмах и ссылках 36 лет, в том числе 7 лет в кандалах. И, несмотря на все, этот ветеран революционного народничества имел «довольно бодрый вид и сохранил светлый ум». Теперь его везли из Якутии в Россию.

В половине мая 1897 г. с партией политических ссыльных в Верхоленск приехал Николай Евграфович Федо-

сеев. Верхоленцы уже слышали о нем как о замечательном человеке и одном из пионеров марксизма в России. Теперь они сразу почувствовали, что это человек, необычайно глубоко знающий и понимающий марксизм, и вместе с тем чуткий, обаятельный товарищ. Федосеев сразу завоевал симпатии всей колонии, несмотря на ее пестрый по политическим настроениям состав.

Людмила Степановна, вспоминая о жизни Федосеева в Верхоленске, рассказывала:

— Николай Евграфович был удивительно интересный собеседник с большим, тонким критическим умом и красивой речью; с ним всегда находились темы для разговора и никогда не бывало скучно. В теоретических спорах он отличался большой сдержанностью и мягкостью, не раздражался, не задевал ничьего самолюбия и не давал чувствовать своего умственного превосходства.

В ту пору это было особенно важно, так как «оппонентами» марксиста Федосеева были в подавляющем большинстве не закоренелые политические противники с прочно сложившимся мировоззрением, а молодежь, находившаяся на перепутье, стремившаяся все понять «до конца» и тогда самоопределиться.

Возможности для занятий самообразованием были неплохие: журналов и газет выписывали много, нужные книги присылали друзья и родные. Но, чтобы использовать эти возможности, требовалось много упорства — трудности быта то и дело отвлекали, грозили захлестнуть, поглотить целиком. Людмилу Степановну к тому же как фельдшерицу то и дело отрывали к больным, иногда за 30—40 верст, иногда на целую неделю.

С перебоями, но все же занимались упорно, целеустремленно. Прежде всего, конечно, хотели понять: кто прав — народники, народовольцы, народоправцы или марксисты. Разобраться в этом помог Ленин, его работа «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Тираж сборника, в котором напе-

чатаиа эта работа, был сожжен цеизурой, но иесколько экземпляров удалось спастн, н однн нз них совершил путешествие в Сибирь с партней ссыльиых, в которой шел О. С. Аитокольский. Так этот сборник попал в Верхолеиск.

Сколько нового иашел для себя Андрей Матвеевич в работе Леиина! Как миого оказалось здесь положеиий, которые ои раиьше или совсем ие зиал, илн в горячке споров поиимал иеправильио. Правда, работа была посвящеиа критике иародиичества; о группе иародовольцев и о иародоправцах в ией ие было речн, но, во-первых, миогое из того, за что Леиии критиковал народииков, было присуще и иародоправцам, а, во-вторых, Леиии излагал и обосиовывал позицию русскнх марксистов, и это было особеиио важио для Лежавы.

О самом дорогом — об идеалах свободы, справедливости и всеобщего равенства, которые Андрей Матвеевич до сих пор считал чисто народиическнмн, Леиин писал: «Эти идеалы чрезвычайио цеииы для маркснста».

Но кто же повииеи в том, что реальная русская жизнь так далека от этих ндеалов? На первый взгляд могло показаться, что иародники и маркснсты отвечают иа этот вопрос одииаково, иазывают общего врага — капитализм. Но углубившись в леииискне строки, Лежава поиял, что отиошеиие к этому врагу разное. Народиики, осуждая капитализм с точки зрения своих идеалов, обвиияют правительство в том, что оно ведет политику поддержки капиталистического производства, требуют от иего во имя высших идеалов создать благоприятные условия для развития «иародиого» проиэводства. Леиии показывает реакциоииость этих требоваиий, ибо так иазываемое «иародиое», т. е. мелкотовариое проиэводство — это тот же капитализм, только иеразвитый, его ннзшая стадия. Поэтому звать к «народному» производству, зиачит звать иазад, а ие вперед. Кроме того, политика правительства, которую иародники критикуют как ошибоч-

ную, в действительности отражает интересы могущественного класса. Глупо «усовещать» этот класс, требовать, чтобы он поступал вопреки своим интересам. Изменить положение может не добрая воля правителей, а сила и организованность того класса, интересы которого прямо противоположны интересам капитала.

И еще одну чрезвычайно важную для себя мысль нашел Лежава у В. И. Ленина. Оказалось, что, отвергая реакционные черты программы народников, марксисты не только принимают общедемократические пункты этой программы, но и хотят проводить их «точнее, глубже и дальше».

Стало ясно, что марксисты совсем не собираются перечеркивать все прошлые завоевания передовой общественной мысли. Напротив, они намерены продолжать борьбу за идеалы, которые выработало не одно поколение передовых людей России. Но идеалы эти они воспринимают не как оторванную от реальной жизни абстракцию, а как жизненные интересы определенного класса общества. Только этот класс и может бороться за них самоотверженно и до конца. Помочь ему в этой борьбе — вот задача, которую ставят перед собой марксисты.

Ленин не назвал в данной работе этот класс, но Лежаве было ясно, что речь идет о пролетариате.

Найдя столь много убедительного в работе Ленина, Андрей Матвеевич принялся за изучение «самого» Маркса[1]. В его трудах он искал и находил исчерпывающий анализ капитализма как определенной общественной формации, постигал законы развития капитализма и его неизбежной гибели от рук «могильщика» капитализма — рабочего класса.

Приезд Н. Е. Федосеева, его работа, с которой он

[1] В семейном архиве А. М. Лежавы сохранился 1-й том книги Карла Маркса «Капитал» изд. 1898 г. Книга была куплена братом Людмилы Степановны — Н. С. Александровым и прислана в Верхоленск. На книге автограф А. М. Лежавы.

охотно знакомил товарищей, дали новые доказательства правильности ленинского утверждения, что в классовом обществе политика правительства определяется не доброй волей правителей, а их классовыми интересами. Федосеев изучал эпоху, предшествовавшую падению крепостного строя. Он переписывался с учеными, занимавшимися этой эпохой, получал от них много ценных материалов.

Из собранных им писем, записок и докладов помещиков было ясно, что на отмену крепостной зависимости их толкала только выгода, а вовсе не какие-то гуманные соображения.

О все возрастающем интересе друзей Н. Е. Федосеева к марксизму говорят многие их письма. А. М. Лежаву и Л. С. Александрову из всех журналов теперь больше всего интересовало «Новое слово». Это примечательно, потому что с апреля 1897 г. «Новое слово» было первым легальным марксистским журналом в России, а в апреле — июле 1897 г. в нем печатался Ленин (за подписью К. Т — н). Журналы либерально-народнической интеллигенции — «Русское богатство», «Русская мысль», «Вестник Европы» они находили теперь «бесцветными», им стало «как-то даже противно брать в руки» их.

Они не только теоретически усваивали марксизм, но уже могли пользоваться им при оценке текущих событий. Когда в мае 1898 г. газеты принесли известие о том, что США вступили в войну с Испанией на стороне кубинских повстанцев, якобы желая помочь Кубе освободиться от испанского владычества, они сразу поняли, что отнюдь не гуманные соображения руководят правительством США, а самое прозаическое желание «прикарманить» Кубу. Как показал дальнейший ход событий, эта война значительно усилила позиции американского капитализма, а демократическое движение на Кубе, оккупированной американцами, должно было уйти глубоко в подполье.

Через полтора года после приезда в Верхоленск Людмила Степановна писала: «...в настоящее время вижусь часто только с двумя товарищами — Лежавой и Федосеевым, наиболее симпатичными и интересными для меня».

Н. Е. Федосеев не мог бы быть «наиболее симпатичным и интересным» для бывшей народоправки Людмилы Александровой, если бы его марксистское мировоззрение не стало и ее мировоззрением...

Писем А. М. Лежавы из ссылки, как уже было сказано, не сохранилось. А в автобиографии он пишет: «Здесь (в ссылке) я стал марксистом, близко сошелся с такими марксистами, как Н. Е. Федосеев, К. К. Бауэр, Ляховский и другие» [1].

Вскоре «видеться часто» стало уже недостаточно для Людмилы Степановны и Андрея Матвеевича. Они решили соединить свои жизни навсегда. Четыре года испытания их преданности революции были одновременно и годами испытания прочности их любви.

6 февраля 1898 г. в метрической книге Воскресенского собора г. Верхоленска появилась запись о бракосочетании Андрея Матвеевича Лежавы и Людмилы Степановны Александровой. В графе: «Кто были поручители» значится: «По женихе купеческий сын Иван Михайлов Зобнин, по невесте дворянин Николай Евграфов Федосеев». Все четверо были убежденными атеистами, любили песню «Нас не в церкви венчали...». Церковное же оформление брака было необходимо для того, чтобы избавить будущих детей от тернистого пути «незаконнорожденных».

С Н. Е. Федосеевым Лежава любил не только вести теоретические беседы, но и бродить по тайге, охотиться. Иногда уходили на 3—4 дня. Николай Евграфович был отличный стрелок, иногда приносил много дичи, но боль-

---

[1] Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. 1. Приложение. Стлб. 300.

шей частью трофеи их были невелики — одна-две утки, пара бекасов, да несколько дупелей и куликов.

Тяжелым ударом для всей колонии была трагическая смерть Н. Е. Федосеева. В первые же дни по приезде в Верхоленск Николай Евграфович рассказал товарищам об отвратительной травле, которую начал против него некто Юхоцкий еще в Московской пересыльной тюрьме и не прекращал на протяжении всего долгого этапного пути. Новые друзья Николая Евграфовича поначалу отнеслись к этому рассказу довольно легкомысленно. Им представлялось просто явной нелепостью, что Федосеева можно обвинить в буржуазных замашках. Нелепым было и само обвинение и такие его мотивировки, как, например, утверждение, что поскольку Н. Е. Федосеев имеет собственные книги для литературной работы, значит он владеет средствами производства, а потому он — представитель буржуазии. К сожалению, Юхоцкий тоже был водворен в Верхоленск, и здесь он не только не прекратил грязной клеветы, а, напротив, старался раздуть дело, рассылая свои клеветнические письма о Федосееве колониям политических ссыльных в Сибири, Архангельской и Вологодской губерниях, а также в Петербург, Москву и другие крупные города.

Николай Евграфович переживал все это страшно тяжело. Он требовал от верхоленской колонии тщательно разобраться в выдвинутых против него обвинениях и сделать выводы. Все верхоленцы, как единомышленники, так и политические противники Федосеева, были глубоко убеждены в его правоте, безупречной моральной чистоте и глубочайшей преданности делу рабочего класса. На этом основании Лежава, например, категорически отказался от разбора этого дела. В своих воспоминаниях он писал: «...я один из всей колонии отказался войти в разбирательство дела Федосеев — Юхоцкий... Я заявил, что низость и пошлость поведения Юхоцких и К° столь очевидна, как для меня, так и для всей колонии, что

о нашей оценке их поведения надо довести до сведения интересующихся товарищей и дело похоронить, дабы не сгущать еще более атмосферы ссылочных дрязг и бесконечных судбищ по всяким вздорным поводам»[1].

Остальные товарищи некоторое время колебались, но, видя, как мучается Федосеев, уступили его настойчивым требованиям и занялись разбором его «дела».

Товарищеский суд признал все обвинения Юхоцкого, выдвинутые против Федосеева, «гнуснейшей клеветой», а самого Юхоцкого «сознательно вредящим революционному делу». Но вопреки решению суда, клеветник продолжал травлю Федосеева.

Нервы Николая Евграфовича, измотанные многими годамй тюрьмы и ссылки, не выдержали. Обманув бдительность товарищей, он ушел в лес и там покончил с собой выстрелом из револьвера. Это было 21 июня 1898 г.

О гибели Федосеева узнал В. И. Ленин. Он глубоко скорбел и негодовал. В письме к А. И. Елизаровой Владимир Ильич писал: «Ужасно это трагическая история! И дикие клеветы какого-то негодяя Юхоцкого (политический!) сыграли в этом финале одну из главных ролей. Н. Е. был страшно поражен этим и удручен... Черт знает, что такое! Хуже всего в ссылке эти «ссыльные истории», но я никогда не думал, чтобы они могли доходить до таких размеров. Клеветник был открыто и решительно осужден всеми товарищами, и я никак не думал, что Н. Е. (обладавший некоторым опытом по части ссыльных историй) берет все это так ужасно близко к сердцу...»

Смерть Федосеева и все предшествовавшие ей события оставили тяжелый след в душе Андрея Матвеевича и Людмилы Степановны.

---

[1] Федосеев Николай Евграфович: Сб. Истпарта. 1923. С. 133.

В январе 1899 г. состоялось знакомство А. М. Лежавы с М. С. Александровым (Ольминским). До этого их знакомство было заочным: в феврале — августе 1898 г. они обменялись лишь коротенькими записочками. Теперь же, направляясь к месту ссылки — г. Олекминск Якутской области — Миханл Степановнч задержался на несколько месяцев в Верхоленске в ожидании навигации. Радостн, разговорам не было конца. А. М. Лежава крепко подружился с Михаилом Степановичем. Они оба переживалн в это время одно н то же — переход от народничества к марксизму. Это их сближало. Правда, ломка установившихся взглядов у Михаила Степановича протекала тяжелее, отказ от идей «Народной воли» давался ему труднее. Может быть, потому что он был старше, успел больше сродниться с ними, а может быть, потому что ему меньше повезло. В Петербурге, до ареста, ему приходилось принимать участие в схватках народовольцев с социал-демократами. При этом, как и во всякой схватке, стороны в горячке не стеснялись в выражениях, иной раз не только опровергали, но и высмеивали взгляды противника. Этого, насмешки над своими идеалами, Михаил Степанович стерпеть не мог и невольно «ощетинивался». Чтобы признать марксизм, ему пришлось не только умом понять его правоту, но еще и преодолеть в себе чувство обнды за любимых героев «Народной воли».

А. М. Лежава был в лучшем положении. В Верхоленске споры между народниками и марксистами велись в узком дружеском кругу. Идеи марксизма защищал очень умно, спокойно и убедительно Н. Е. Федосеев, а также Я. М. Ляховский, о котором даже такой заядлый народник, как А. В. Гедеоновский, писал, что он всей душой предан социал-демократии и защищает ее с большим умением н тактом, без обычного задора.

Так нлн иначе, один легче, другой трудней, и Андрей Матвеевич, и Михаил Степанович стали в ссылке марксnстами, а после II съезда партии — большевиками. Их

дружба, основанная на полном единомыслии и на родственных отношениях, никогда ничем не омрачалась и обоим доставляла много радости...

НА ПУТЯХ К ОКТЯБРЮ

По возвращении из ссылки А. М. Лежава почти 3 года не мог найти постоянной работы — бумага о том, что он находится под особым надзором полиции, шла за ним по пятам. Людмила Степановна недолго работала статистом в Воронежской губернской земской управе, откуда была уволена по распоряжению губернатора. Наконец, с помощью своего товарища Н. М. Флерова Андрею Матвеевичу удалось получить работу помощника инспектора в пароходстве «Надежда» в Н. Новгороде. Жизнь здесь началась с вызова в канцелярию полицмейстера, где «отечески пожурили» и дали совет: «У Вас теперь жена, двое детей. Потеряете работу, попадете снова за решетку — что с ними будет? Пора Вам образумиться». Но «образумиться» Лежава уже не мог.

В Нижнем Новгороде он быстро сдружился с П. М. Керженцевым, Н. А. Семашко, П. И. Лебедевым-Полянским, М. Ф. Владимирским. В предгрозовые дни 1904 г. вступил в партию большевиков и вскоре вошел в состав Нижегородского комитета РСДРП. Его часто можно было видеть выступающим на рабочих собраниях и митингах. «Речи его являются крайне возбуждающими» — так характеризует выступления А. М. Лежавы один из жандармских документов[1].

В. И. Ленин, считавший нижегородскую организацию одной из сильных, внимательно следил за ее деятельностью. В одном из первых номеров газеты «Вперед», издававшейся в Женеве, была опубликована корреспонденция из Н. Новгорода о полицейской расправе с участниками

[1] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 1800. Ч. 6. 1905. Л. 48.

вечера в Народном доме. В корреспонденции говорится и об аресте А. М. Лежавы [1].

Просидел он на этот раз недолго — около месяца. Его выпустили до суда под залог в тысячу рублей, которые внесли его хозяева. Они не хотели терять хорошего работника, а за внесенные деньги были спокойны: обстановка складывалась так, что революционеру не было смысла скрываться — революция нарастала.

В декабре новый арест, а в июле 1906 г.— освобождение, благодаря вмешательству социал-демократической фракции Государственной думы. Выйдя из тюрьмы, Лежава поспешил исчезнуть из пределов Нижегородской губернии.

Вскоре удалось устроиться страховым инспектором в «Российском Транспортном и Страховом Обществе» в Саратове. Осенью 1909 г. в Саратов приехали Марк Тимофеевич Елизаров и его жена Анна Ильинична — сестра В. И. Ленина. В начале 1910 г. перебралась в Саратов Мария Александровна, а несколько позднее и Мария Ильинична Ульянова — мать и сестра В. И. Ленина [2]. С приездом Елизаровых и Ульяновых оживилась партийная работа. Мария Ильинична и Анна Ильинична информировали Владимира Ильича о положении дел в Саратове. Советы Владимира Ильича помогали сплачивать большевиков, налаживать подпольную работу. Адрес Лежавы использовался для пересылки из-за границы нелегальных изданий.

Близко сошлась с семьей Ульяновых и Елизаровых и Людмила Степановна. Связанная детьми, она в партию не вступала, но выполняла ее поручения, вела общественную работу — была казначеем, а затем секретарем Общества трудящихся женщин, работала в просветительном обществе «Маяк», занималась организацией яслей для детей мобилизованных... Мы, дети, больше всего

[1] См.: «Вперед» и «Пролетарий» — первые большевистские газеты 1905 г. Вып. 1. М., 1924. С. 86.

[2] См.: Семья Ульяновых. М., 1989. С. 155. *Ред.*

«дружили» с Марией Ильиничной. С ней всегда было весело, она знала много песен, игр, загадок. Отношения с семьей Ульяновых были настолько близкими, что, когда одна из нас заболела корью, другую взяли к себе Ульяновы. Здесь, в этой замечательной семье, она прожила в декабре 1911 г. больше недели.

М. И. Ульянова, А. И. Елизарова и их друзья были очень осторожны, все правила конспирации соблюдали неукоснительно, но все же охранка знала об их связях в рабочей среде и решила принять срочные меры. В ночь с 7 на 8 мая 1912 г. были арестованы А. И. Елизарова и М. И. Ульянова. В ту же ночь пришли с обыском в квартиру Лежавы. В жандармском документе значится: «8 мая 1912 г. при ликвидации местной группы Рос. с.-д. рабочей партии по имеющимся указаниям на партийные сношения Лежавы с состоящей во главе группы дочерью Действительного Статского Советника Марией Ильиничной Ульяновой, в квартире Лежавы (у него и его жены Людмилы Степановны Лежава) был произведен обыск, оказавшийся безрезультатным» [1]. Обыск оказался безрезультатным потому, что Людмила Степановна заметила повышенный интерес шпионов к нашей квартире и поспешила частью уничтожить, а частью надежно спрятать все компрометирующее.

После ареста дочерей и отъезда зятя Мария Александровна осталась совсем одна. В письме от 27 мая Владимир Ильич с тревогой спрашивает ее: «Есть ли у тебя знакомые, моя дорогая? Навещает ли тебя кто-нибудь?» [2] Об этом же беспокоится и Мария Ильинична: «Навещает ли тебя кто-нибудь из знакомых? — спрашивает она Марию Александровну в письме от 19 мая и добавляет: — Поцелуй от меня тех, кто это делает» [3]. Словно пред-

[1] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 15. Ед. хр. 5. Ч. 69. Л. 6.

[2] Любящий тебя В. Ульянов. Письма В. И. Ленина к матери. М., 1970. С. 206.

[3] Переписка семьи Ульяновых. М., 1969. С. 259.

видя эти вопросы, Мария Александровиа пншет Марин Ильиничие 18 мая: «Заходила ко мие Людмила Степановна Лежава...» [1]

Полицейский разгром наиес большой урои партийной работе. Положение изменнлось лишь в начале 1915 г., когда в Саратов съехалась большая группа большевиков: М. С. Ольминский, В. П. Ногин, В. П. Антонов (Саратовский), С. И. Мнцкевич, Г. И. Оппоков (Ломов), Ю. К. Милонов, М. А. Савельев и другие.

М. С. Ольмнискнй поселился у нас. Ю. К. Милоиов вспомннает: «Квартнра Лежавы, где жил «дядя Мнша», была вторым «Маяком», где под видом безобидиой вечеринки, за чашкой чая обсуждалнсь уже в узком кругу партийиого актива возинкшие вопросы современиости» [2].

К этому времени в служебных делах Лежавы произошло существенное изменение. Страховое общество, в котором он работал, оказалось в руках крупиого банкира и афериста Мануса, скупившего огромное количество акций этого общества. Манус был связаи с Распутнным н имел через него влияние при Дворе. «Биржевый делец Манус, разбогатевшнй на бирже, награбивший состоянне в несколько миллионов...» — так писал В. И. Ленин об этом мракобесе [3]. Работать с махровым черносотеицем Лежава коиечно не мог. И он, н его помощники демонстративно ушлн с работы. Найтн иовую работу ему было теперь нетрудно — к этому времеии он уже был крупным специалистом в своей области, проявнл иезаурядиые организаторскне способности, изучил «деловой мнр» н экоиомнку страны, прнобрел хозяйственные навыкн. Северное страховое общество сразу же предоставнло ему место окружного инспектора в том же Саратове, а спустя год перевело в Москву на работу в Правление.

---

[1] Переписка семьи Ульяновых. С. 257.
[2] Старый большевик. 1934. № 2(10). С. 130.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 7.

В Москве наша семья вместе с М. С. Ольминским встретила Февральскую революцию 1917 г. Трудно описать волнение, охватившее всех нас при первом известии о событиях в Петрограде. Андрей Матвеевич сразу же начал работать сверх службы (бесплатно) в Продовольственной комиссии Моссовета. Домой приходил за полночь.

В мае 1917 г. он должен был уехать по делам службы в Петроград. Там встретил Великий Октябрь и сразу же включился в работу по подготовке к национализации страховых обществ. Главным комиссаром по страхованию был назначен М. Т. Елизаров, а А. М. Лежава вошел в состав Совета по делам страхования.

Большим счастьем для Андрея Матвеевича Лежавы была работа под руководством В. И. Ленина на постах председателя Центросоюза, заместителя наркома внешней торговли, председателя комвнуторга при СТО, наркома внутренней торговли СССР.

Известно, как трогательно заботился Владимир Ильич о товарищах, нуждавшихся в помощи. Эту заботу довелось почувствовать и Андрею Матвеевичу Лежаве. В 1921 г. его свалил тяжелый приступ ишиаса, и он попал в больницу. Владимир Ильич навестил его и, увидев как много сотрудников Наркомвнешторга приходят к нему по служебным делам, написал записку заведующему телефонной станцией Кремля: «Прошу в срочном порядке поставить телефон в Кремлевскую больницу в палату больного т. Лежавы (с верхнего коммутатора Кремля). Об исполнении сообщить мне. Председатель Совета Труда и Обороны, Ленин» [1].

Когда Лежава смог встать на ноги, Владимир Ильич направил его для лечения за границу, а М. С. Ольминский обратился к Владимиру Ильичу с запиской, в кото-

[1] Ленинский сб. Т. 23. С. 332.

рой рассказал о тяжелых квартирных условиях, в которых находился Лежава до заболевания.

5 августа 1921 г. Владимир Ильич дает распоряжение: «Напомнить мне *по* приезде *Лежавы* (а с е й ч а с заказать починку его квартиры и проверить)» [1].

Людмила Степановна работала после Октябрьской революции в Замоскворецком райсовете г. Москвы (1919 г.), а в 1920—1925 гг. была научной сотрудницей Истпарта, участвовала в составлении сборника «Памятник борцам Пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.». Ее статья о Н. Е. Федосееве опубликована в изданном Истпартом сборнике «Федосеев Н. Е. Один из пионеров революционного марксизма в России». Несколько заметок, сообщений и рецензий Людмилы Степановны напечатаны в журнале «Пролетарская революция».

ЦГАНХ СССР.
Ф. 92. Оп. 1. Д. 146. Л. 3—19,
а также личный архив
О. А. Лежава-Куйбышевой

О. А. Лежава-Куйбышева

НА БОЛЬШОЙ ПОЛЯНКЕ

С 1916 г. наша семья жила в Замоскворечье на улице Большая Полянка. Вначале вместе с нами жил только М. С. Ольминский — дядя Миша (1916 г.). После революции, когда вся страна пришла в движение, население нашей квартиры начало быстро расти.

Первой приехала Настя — мамина племянница из Харькова. Двадцатилетняя девушка страстно увлекалась поэзией, мечтала стать поэтессой. Ей обязательно надо было видеть и слышать Маяковского, Хлебникова, Есенина, Мариенгофа. Это было достаточным основанием, что-

[1] Ленинский сб. Т. 23. С. 323.

бы приехать в холодную и голодную Москву. Настя поступила учиться иа литературиый факультет, работала в Наркомпросе и еще иаходила время посещать все вечера поэзии. Поселилась оиа в кабииете Андрея Матвеевича.

В 1919 г. проездом через Москву в Самару, где в это время жила его семья, у иас остаиовился близкий друг родителей Егор Васильевич Барамзин. Ои был тяжело болен, истощеи, едва передвигался. В таком состояиии его, коиечио, нельзя было иикуда отпускать. Его уложили в постель. Только когда ои иемиого окреп и врачи разрешили ему двииуться дальше, иаши родители отпустили его. Поиимая иенадежиость своего здоровья, ои просил Андрея Матвеевича, Людмилу Степаиовиу, Аииу Ильииичну Елизарову и Ф. В. Ленгиика в случае его смерти помочь семье — жеие Алексаидре Всеволодовие, сыиу Мите и дочурке Ниие. Предчувствия Егора Васильевича были ие иапрасиы. В декабре 1919 г. пришло известие, что Егор Васильевич и Алексаидра Всеволодовиа умерли в одии день. Ребята были срочио вызваиы в Москву, ио Митя вместо Москвы уехал в Петроград, где они раньше жили, где у них была квартира, и иачал самостоятельиую жизнь; в Москву ои переехал зиачительио поздиее и поселился у Аииы Ильииичиы Елизаровой. Нииа сразу приехала в Москву, в иашу семью, спала иа двух связаииых креслах. Была оиа миииатюриая и очеиь уютио устраивалась в этом гиездышке. В иашей семье оиа была самая младшая, ее все любили, все баловали; с легкой руки Андрея Матвеевича иазывали «малявка». Времеиами оиа кочевала: то у Аины Ильиничиы, то у Леигников. Затем вновь возвращалась к иам.

Как-то зимой 1920 г. раздался звоиок. Дома была только моя сестра. Оиа открыла дверь. Перед ией стоял малеиький, худеиький человечек в тулупчике и огромиых валеиках, со смешиыми рыжими усами и иеобыкиовеиио живыми, веселыми глазами.

— Это квартира Андрея Матвеевича? — спросил он, переступая порог.
— Да.
— Вот и отлично. Я буду у вас жить.
Маленький человечек сбросил на пол заплечный мешок и начал раздеваться. Сестра усадила его пить чай и из другой комнаты позвонила по телефону Андрею Матвеевичу на работу.
— Кто-то пришел и собирается у нас жить.
— Да, да,— радостно ответил Андрей Матвеевич,— это Васька, чудесный человек. Покорми его и устрой хорошенько.
Оказалось, что это Василий Исаевич Браудо, действительно чудесной души человек. Родители познакомились с ним еще в сибирской ссылке. Человек высокой внутренней культуры, Василий Исаевич много читал, знал несколько языков, а к своей работе шифровальщика Наркомвнешторга относился как к священнодействию.
Ко времени приезда Василия Исаевича дядя Миша перебрался в Кремль, и Василий Исаевич занял его комнату.
Вслед за Василием Исаевичем неожиданно из Саратова приехал Женя Иванов, брат моей умершей гимназической подруги Вали Ивановой. У него были большие способности к рисованию, но еще больше, чем живописью, он увлекался химией и приехал в Москву учиться. Вскоре из Тифлиса также неожиданно приехала дочь друга юности Андрея Матвеевича Варя Дандурова для поступления на медицинский факультет. Она была очень живая, остроумная хохотушка. И Женя, и Варя с первого взгляда расположили к себе всех нас, были встречены очень сердечно, и так как, конечно, никакой жилплощади в виду у них не было, они сразу были приняты в нашу семью. Впоследствии Евгений Алексеевич Иванов стал крупным химиком, специалистом по красителям. Варвара Степановна стала врачом.

Вот такой была наша «коммуна». Правда, тогда мы не называли себя так, но, оглядываясь теперь назад, я думаю, что можно так назвать наш коллектив. Все работали, молодежь, кроме того, и училась. Собирались поздно вечером голодные, возбужденные, полные впечатлений.

Наше домашнее хозяйство было одновременно и сложным и крайне примитивным. Керосина не было, дров для большой кухонной плиты тоже не было. Пищу готовили на крошечной (на одну конфорку) чугунной «буржуйке». Тот, кто первый приходил домой, разжигал ее и ставил чайник или кастрюльку. Меню было не очень богатое, преимущественно пшенная или чечевичная каша да картофельные оладьи (часто из мороженой картошки). Иногда кто-нибудь из друзей или родных привозил или присылал посылки. Помнится, оставили одного полученного в посылке гуся, который вываривался многократно, прежде чем с ним решили расстаться! Наши изысканные блюда мог приготовить каждый из нас, но больше всех приходилось возиться у печурки все же маме, которая тоже много работала, и все же ей приходилось больше, чем другим, тратить время на хозяйство.

Трудно было отоваривать продовольственные карточки. Очереди в магазинах были огромные, на ладонях чернильным карандашом писали трехзначные числа. Трудно было доставлять домой то, что выдавали по месту работы и месту учебы. Обычно это были дрова, соленые огурцы, квашеная капуста. Трамваи не ходили, другого транспорта вообще в те времена в Москве еще не было, приходилось все возить на себе, на санках. Хорошо помню, как я получала паек в редакции газеты «Беднота», где работала в 1919 г. Из замерзших бочек мы вырубали куски льда с огурцами или капустой, складывали их в какие-то старые скатерти или простыни или в кадочки и на санках везли домой. Особенно трудно было тащить на санках через всю Москву паек отца — те же дрова, огур-

цы, капусту. Это с Гаврикова переулка в конец Большой Полянки. В то время у Андрея Матвеевича была «персональная» кляча и «персональный» кучер Сергей, прозванный нами «великомученик Сергей». По заснеженной Москве они добирались до Гаврикова переулка час, а то и дольше.

Все, что получали члены нашей коммуны по карточкам, в пайках, в посылках, шло в общий котел.

Центральное отопление в те годы не работало, печей не было, установили железную печурку в коридоре и небольшую кирпичную в кабинете, но они не могли обогреть всю квартиру. От холода и дома, и на работе спасали валенки. Иметь валенки — это было большое счастье, никого не смущали их размеры, часто не по ноге, и их вид. Никого, кроме иностранных коммерсантов. В одном из писем Людмила Степановна писала брату: «Нина берет себе валенки Андрея Матвеевича, которому на службе выдали бурки, так как нашли, что принимать иностранных представителей в валенках неприлично».

Много неприятностей причиняла нам крыша. При дождях и оттепелях она протекала, как решето. Приходилось лазить на чердак, подставлять тазы и кастрюли.

Пилка дров и колка их на маленькие чурочки для «буржуйки» и комнатных печурок была хорошей физической зарядкой, но отнимала тоже немало времени. На самую нелюбимую работу — мытье посуды — была установлена очередь.

Условия жизни были нелегкие, нагрузка большая, но все же находилось время и для развлечений. Обычно в дни получки Василий Исаевич торжественно объявлял:

— Ну, молодежь, сегодня я приглашаю всю компанию в кино!

И все, кто был в этот вечер освобожден, шли в кино «Великан». Билеты тогда были ненумерованные, и надо было «захватывать» хорошие места. Большой компании это удавалось без особого труда.

Андрей Матвеевич очень любнл оперу, симфонические концерты. Пойти вместе с инм в театр нли на концерт — для каждого из иас было большой радостью. Только обычно получалось так: мы, конечно, приходилн к началу, а он успевал только к середине или к концу спектакля.

Много интересных людей бывало иа Большой Полянке. Андрей Матвеевич был дружен с Красиным. Приезжая из-за граннцы в Москву, Леоинд Борисович приходил к Андрею Матвеевнчу на Большую Полянку, чтобы в спокойной домашней обстановке поговорить о глубоко волновавших обоих вопросах внешней торговли. Бывал Петр Лазаревич Войков — веселый, блещущнй остроумием. Продолжалась дружба отца с Кржижановским, Глеб Максимилианович и Зинанда Павловна часто бывалн у нас. Мы, молодежь, особенно любнли сестру Зинаиды Павловны — Августу Павловну Невзорову. Она была одновременно строгой, собранной и в то же время мягкой, доброй, веселой. Она как-то больше, чем другне родительскне друзья, была овеяна романтикой революцнонного прошлого. Весь ее облик — молодые лучнстые глаза, пышные волосы с нитями ранней седнны — был необыкиовенно женственным и милым.

Помню, как муж Августы Павловны С. А. Лозовскнй жил у нас некоторое время перед нелегальной поездкой за граннцу (легально «заграннца» не пускала его к себе) по делам Профинтерна. У нас он «менял» свой облик — сбрил бороду, усы. Выждал время, пока снизится «бдительность» граннцы.

Приезжая с Укранны, бывал у отца Иван Адамовнч Саммер. Нередким гостем был Иван Иванович Скворцов-Степанов.

Новикова А. Молчаливые собеседники. М., 1987. С. 99—104

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

8 июня 1920 г. Совет Народных Комиссаров вынес решение о преобразовании и переименовании Народного комиссариата торговли и промышленности в Народный комиссариат внешней торговли и сформировал коллегию нового наркомата во главе с Л. Б. Красиным. А. М. Лежава в тот же день был назначен членом коллегии Наркомвнешторга, а 29 июля — заместителем наркома.

С Л. Б. Красиным у Лежавы сразу же сложились самые дружеские отношения. Их связывало единство взглядов по всем принципиальным вопросам организации советской внешней торговли и взаимное уважение. Л. Б. Красин знал, как прекрасно разбирается Лежава в вопросах торговли, транспорта, финансов, как хорошо он знает экономику страны, как самоотверженно работает в труднейших условиях. А. М. Лежава уважал Красина за его эрудицию, выдающиеся организаторские способности, прямоту и неиссякаемую энергию. Их дружеским отношениям и деловому сотрудничеству нисколько не мешало то, что Л. Б. Красин большую часть времени проводил за границей, выполняя еще и функции дипломата, а на плечи Андрея Матвеевича легла главная тяжесть забот о создании нового наркомата и налаживание его работы.

Для установления торговых отношений со странами, которые юридически нас не признавали и были готовы в любую минуту возобновить военные действия, большое значение имело укрепление связей с пролетарскими организациями капиталистических стран. В одном из выступлений в первые же месяцы работы в Наркомвнешторге Лежава говорил:

— Республика Советов, выходя на Европейский рынок, вступая в торговые отношения с буржуазией, не мо-

жет, разумеется, превратиться в такого же торговца, с каким она имеет дело. Необходимо ориентироваться на пролетарские организации этих стран, на кооперацию, профсоюзы. Таким путем нам удастся укрепить эти организации и одновременно получить их поддержку в борьбе с их капиталистами. Передавая заказы германским и скандинавским металлургическим заводам, мы ставим об этом в известность соответствующие профсоюзы, и это дает нам уверенность в том, что наши заказы будут осуществляться с сознанием важности выполняемой работы.

Как показала практика, наиболее жизненным оказалось привлечение представителей зарубежных профсоюзов к участию в комиссиях, принимающих на фабриках и заводах товары, заказанные Наркомвнешторгом. Помощь зарубежных профсоюзов облегчала положение, но не снимала главной задачи — создания своего четко работающего внешнеторгового аппарата.

На X съезде партии Лежава говорил о высоких требованиях, которые предъявляются к аппарату внешней торговли:

— Вступая при помощи этого аппарата в исключительно тесное соприкосновение с капиталистическим миром, мы оказываемся вынужденными строить его так, чтобы он был вместе с тем остро отточенным оружием, направленным против наших врагов [1].

Из кого же приходилось формировать этот высокоответственный аппарат?

В наследство от старого строя Наркомвнешторгу осталась, по выражению Лежавы, «целая армия спекулянтов разных степеней и марок». Андрей Матвеевич говорил: «Эти люди могут быть нами использованы очень осторожно, так как мы рискуем вместо оружия для борьбы с нашим врагом получить предательский меч, направленный против нас».

[1] См.: Десятый съезд Российской Коммунистической партии: Стенографический отчет. М., 1921. С. 256.

Среди спекулянтов и дельцов преобладали прожженные жулики, но у них был опыт, были связи, они могли достать все, что угодно, заламывая при этом баснословные цены. Пока еще не были созданы свои квалифицированные кадры, приходилось использовать этих старых дельцов. Неудивительно, что первое время, когда надо было одновременно и строить аппарат и производить операции, получалось немало ошибок и неразберихи.

Характерна в этом отношении история заказа экскаваторов. Еще до организации Наркомвнешторга бывший Наркомат торговли и промышленности пытался купить за границей экскаваторы. Предложение поступило только от спекулянтов, которые запросили цену в 800 (!!) раз выше заводской. От такого предложения было решено отказаться. Не надеясь на аппарат нового наркомата — Наркомвнешторга, Горный Совет ВСНХ решил действовать самостоятельно и командировал за границу какого-то дельца с доверенностью на покупку экскаваторов. Делец занялся в Англии своими коммерческими делами и не спешил выполнять поручение Горного Совета. А когда он случайно наткнулся где-то на Красина, Леонид Борисович тотчас отобрал у него доверенность и переслал ее в Москву Лежаве для вразумления тех, кто пытается нарушать только что провозглашенную монополию внешней торговли...

Письма А. М. Лежавы к В. И. Ленину, хранящиеся в Центральном партийном архиве, могут служить примером того, каким простым, нормальным, человеческим, а не бюрократическим языком обращались к Владимиру Ильичу его помощники. Вот одно из них. Оно было вызвано тем, что т. Смилгу, противника концессий, пришлось по ряду соображений послать в Германию по внешнеторговым делам. Лежава сообщает В. И. Ленину: «Тов. Смилга поехал в Берлин. Я написал Стомонякову ввести Смилгу в курс всех нефтяных вопросов и познакомить со всеми китами. Однако, зная специфический уклон Смилги в кон-

цессионных вопросах, считал бы ие бесполезиым сообщить ему некоторый толчок от Вашего имени, дабы предостеречь его от расхолаживающего воздействия на немецкие головы».

На следующий же день В. И. Леиин иаправил т. Смилге телеграмму, которая дала ему необходимый «толчок» [1].

С первых дней работы в Наркомвиешторге А. М. Лежава оказался в гуще дел, имевших первостепеиное зиачение для молодой Советской Республики, едва-едва начавшей выкарабкиваться из страшной разрухи... Нет возможности перечислить хотя бы важнейшие вопросы, которыми заиимался А. М. Лежава в 1920—1922 гг. по заданиям Ленина, Совнаркома. Многие из них он выполнял совместно с Г. В. Чичериным и М. М. Литвиновым. Мы зиали, если до 1—2 часов ночи Андрей Матвеевич не пришел домой или если среди ночи его поднимает телефонный звонок, значит какой-то большой вопрос ои прорабатывает совместно с Наркоминделом. Всем было известно, что Чичерин считает самым подходящим времеием для серьезной работы иочные часы.

Вместе с Наркоминделом Андрей Матвеевич работал иад выяснением убытков, причиненных Советской Республике войной и блокадой. Неоднократно он выступал по этому вопросу докладчиком в Совнаркоме. Зиачение этой работы, в которой принимали участие многие оргаиизации, огромно. На Генуэзской конференции иа требование об уплате царских долгов советские представители имели возможность ответить контрпретензией: тридцать девять миллиардов рублей — такой ущерб принесла России интервенция.

Лежава много сил и времени отдал и другой большой работе — выяснению местонахождения русского торгового флота, захваченного белогвардейцами и интервентами. Доклад Лежавы, представленный Совнаркому, содержит

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 139—140.

подробнейшие сведения не только о количестве, названиях, тоннаже и местонахождении судов русского Добровольного флота и различных акционерных обществах, но и о составе белогвардейских правлений этих обществ, а также биографические сведения о многих их членах. В этой работе Лежаве очень помог его дореволюционный опыт: в портах Японии, Англии, Франции и Турции оказалось теперь немало хорошо знакомых ему судов Ространса, Северного страхового общества и других транспортных и страховых обществ. И среди членов правлений этих обществ было немало известных ему лиц.

Нарком иностранных дел Чичерин обнародовал собранные сведения, заявив от имени правительства РСФСР, что оно оставляет за собой права на суда русского торгового флота, в каком бы месте и в чьих руках они ни находились [1].

Выступая с отчетным докладом на IX Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин отметил, что в 1921 г. «в деле торгового оборота с заграницей мы чрезвычайно шагнули вперед» [2]. Успех этот был результатом прежде всего строжайшего соблюдения монополии внешней торговли. Хорошо известно, какое большое значение придавал В. И. Ленин монополии внешней торговли, как мощному орудию классовой борьбы социалистической системы против капиталистической, как барьеру, ограждающему еще слабую социалистическую промышленность от конкуренции иностранных фирм, от влияния постоянно меняющейся конъюнктуры мирового рынка.

Лежава полностью разделял ленинский взгляд на монополию внешней торговли, он на практике видел, какую огромную роль она играет в поднятии престижа Республики Советов и нормализации отношений с капиталистическим миром. Он писал об этом: «...выдержав монополию

[1] См.: Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. 4. С. 272—273.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 302.

внешией торговли, мы выиудили западноевропейские страны в той или иной степени признать Советскую власть и вступить с нею в торговые отношения...»

ЧЕЛОВЕК НЕИССЯКАЕМОЙ ЭНЕРГИИ

В одиом из стихотворений Юлии Друииной есть такие строки:

И ей-богу, просто некогда стареть,
Хоть мелькают полустаиками года.
Допускаю, что меня нагоиит смерть,
Ну, а старость не догонит иикогда!

Вечная молодость души — счастливый удел тех, кто увлечен любимой работой служением великой идее. К их числу прииадлежал и Аидрей Матвеевич Лежава. «Эиергия этого человека была поистине иеисчерпаемой,— писали об Аидрее Матвеевиче хорошо знавшие его старые большевики Л. Фотиева, М. Сулимова и М. Ефремов,— его увлечеииость работой с годами иисколько ие ослабевала»[1].

Очеиь точная характеристика! Энергия Андрея Матвеевича, его увлеченность работой действительно казались безграничными. Он никогда не мог «пройти мимо», если в поле его зрения появлялось дело, которое он считал жизнеиио важным, требующим безотлагательиого решения. Оно, как магиит, притягивало к себе его внимание, беспокоило, захватывало.

Лежава с радостью брался за каждое новое задание партии, потому что всем своим существом чувствовал жизненную необходимость поручаемого дела, ие говоря уже о том, что нередко сам он вместе с другими товарищами выступал перед Цеитральным Комитетом партии инициатором того или иного начинания.

[1] Цит. неточно. См.: Советская Россия. 1965. 17 февр.

...Как-то июльским утром 1927 г. Андрей Матвеевич, развернув «Правду», обратил внимание на статью Н. Осинского «Американский автомобиль или российская телега».

— В конце этой статьи,— вспоминал позднее Андрей Матвеевич,— Осинский как бы вскользь бросил мысль, сразу озарившую мне путь, который я долго искал и не мог найти... Я немедленно взял телефонную трубку, вызвал т. Осинского и предложил встретиться для обсуждения практических вопросов, вытекающих из его статьи. В этот же день мы с ним сговорились об организации общества [1].

Что же это за статья, так взволновавшая заместителя председателя Совнаркома Российской Федерации, и что за общество, за организацию которого он взялся так оперативно?

В статье Н. Осинского речь шла о необходимости форсированного развития в нашей стране автомобильного транспорта и, как одно из средств решения этой проблемы, предлагалось создать добровольное общество содействия автомобилестроению. Скорейший переход от телеги к автомобилю Лежава тоже считал важнейшей задачей, так как без этого нельзя было развивать нужными темпами ни одной отрасли народного хозяйства. Но главную трудность решения этой проблемы он видел не в отсутствии у нас автомобильной промышленности, а в вековом российском бездорожье. Именно вопрос борьбы с бездорожьем давно и очень сильно беспокоил Андрея Матвеевича.

— Когда я был в Германии еще в 1921 г.,— рассказывает он,— на меня самое сильное впечатление произвели немецкие дороги. Я был уверен, что строительство заводов и фабрик, подъем сельского хозяйства — все это мы осуществим у себя сравнительно быстро. Но дороги...

---

[1] За рулем. 1932. № 22. С. 4.

У немцев дороги — это колоссальный капитал, накопленный многими столетиями. Немцам нетрудно было создать прекрасное дорожное хозяйство на своей небольшой территории. Наше же вековое бездорожье, обширность нашей страны делали для нас дорожное строительство особенно сложной и трудной задачей. Эти мысли меня все время беспокоили, я искал разрешения этого трудного вопроса, но не мог ни на чем остановиться. Ясно было для меня одно, что решить их только ведомственным путем невозможно, что нужна помощь общественности, широкая самодеятельность населения.

Добровольное общество, которое Осинский предлагал создать для содействия автомобилестроению, по мысли Лежавы, могло и должно было одновременно помочь решению и другой, самой трудной задачи — строительству современных дорог, необходимых для автотранспорта. Эта задача по его предложению была включена в устав нового общества, получившего сокращенное название Автодор.

Идея создания Автодора встретила полную поддержку со стороны ЦК партии и правительства. В число членов учредителей Автодора вошли И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, Н. А. Семашко, М. И. Ульянова, Я. Э. Рудзутак, А. С. Енукидзе и другие государственные и партийные деятели [1].

Лежава вместе с Осинским, Дмитриевым и другими энтузиастами нового дела провел всю подготовительную работу по организации Автодора. Поразительно, как быстро это было сделано. 20 июля появилась первая статья Осинского, а уже 22 сентября в Кремле под председательством Лежавы происходило собрание членов-учредителей, принявших устав общества. 5 октября устав был утвержден в правительстве, а 23 октября «Правда» сообщила, что председателем Центрального совета Автодора избран А. М. Лежава.

[1] См.: Правда. 1927. 21 сент.

К многочисленным обязанностям Андрея Матвеевича прибавилась еще одна, добровольно взятая им на себя. Будучи бессменным председателем Автодора со дня его организации до дня ликвидации в октябре 1935 г., Андрей Матвеевич отдавал ему очень много сил и энергии и получал от этой работы огромное удовлетворение. 8 лет жизни Автодора были годами бурного развития экономики и острой классовой борьбы. Быстро изменялась обстановка, возникали все новые и новые задачи.

Сначала главным было собирание немногочисленных кадров автомобилистов и дорожников, страстная агитация за быстрейшее создание автотранспорта и нужных для него дорог. В своей программной статье Лежава писал о неотложных задачах дорожного и автомобильного строительства:

«Страна не может ожидать, пока будут разрешены эти вопросы хотя бы и в относительно недалеком будущем, так как нам дóрог каждый день, каждый час... Автомобили и дороги нужны немедленно, нужны сегодня».

Автодор публиковал цифры, ошеломлявшие даже тех, кто хорошо знал состояние дорог и транспорта. Громогласно, на весь СССР, Автодор заявил, что 20 тыс. километров замощенных дорог из трех миллионов всех дорог — это реальная угроза дальнейшему развитию страны, что весь наш автомобильный парк — 19 тыс. машин, включая «барахло на ходу»,— меньше двухдневной выработки заводов Форда. Отставание от передовых капиталистических стран вопиющее: в США один автомобиль приходится на 5, а у нас на 7000 жителей; в США на 1 кв. км территории приходится 2,85, а у нас 0,00097 автомобиля [1].

Подсчитывались и публиковались убытки, которые терпит государство из-за бездорожья. Все это ставило

[1] См.: За рулем. 1928. № 1. С. 1.

3 Заказ № 2803

автодорожную проблему в число важнейших задач, от решения которых зависело будущее страны. Борьба за автомобиль и дорогу сталовилась частью общей борьбы за то, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Этим жила тогда вся страна, и поэтому автодоровское движение сразу приобрело необыкновенно притягательную силу. К Автодору потянулись кадры специалистов. В состав центрального совета вошли профессора Е. А. Чудаков, Д. Крынин, И. В. Грибов. Секцию зимнего и водомоторного транспорта возглавил А. Н. Туполев. Особенно активное участие в работе Автодора приняли военные деятели — они знали, что без автомобиля и хороших дорог нельзя укрепить оборону. С. С. Каменев, П. И. Баранов, И. А. Халепский, В. А. Зарзар возглавили важнейшие секции Автодора.

Среди членов-учредителей общества и членов его президиума находим фамилию замечательного советского журналиста Михаила Кольцова. Его усилиями был создан весьма популярный в те годы автодоровский журнал «За рулем». К участию в журнале Кольцов привлек В. Маяковского, Н. Погодина, В. Шкловского, Л. Никулина, Р. Кармена. Ячейки Автодора возникали всюду, их члены горели желанием быстрее освоить автомобиль, мотоцикл, трактор. Они верили, что недалек тот час, когда вся эта техника хлынет на поля и дороги страны. Лежава провел через правительство постановление, согласно которому ведомства и учреждения должны были передавать Автодору машины, имеющие по причине износа простой больше 50%[1].

Ячейки, которые Автодор не мог обеспечить изношенными, но все же «живыми» автомобилями, раскапывали на «автомобильных кладбищах» автомобильные «трупы» и коллективно оживляли их. На них учились будущие шоферы и трактористы. В печати оживленно дискутиро-

[1] ЦГА РСФСР. Ф. 259. Оп. 23. Д. 158.

вался вопрос — можно ли учиться на таких машинах? Автодор горячо доказывал — можно! Его журнал «За рулем» писал: «Барахло на ходу» — прекрасная школа ремонта машины для начинающего автомобилиста, а постоянные поломки — лишняя практика для членов ячейки» [1].

Одну из машин, извлеченных с «кладбища», дали на лето председателю Автодора, чтобы он мог на практике изучить конструкцию автомобиля. Изношенный, разбитый «фордик» стоял на даче, и по выходным дням Андрей Матвеевич любил копаться в его «чреве». Делал даже попытки выезжать за ворота, дальше не решался. С этим «фордиком» связан такой эпизод. Как-то в соседнем дачном поселке поднялся переполох — массовое отравление грибами. Прибежали к Андрею Матвеевичу:

— У Вас, кажется, есть машина, довезите самых тяжелых больных до больницы!

Андрей Матвеевич минуту колебался: «фордик» еле дышит, сам он шофер «никакой», а больше сесть за руль некому. Но ведь как-то надо помочь больным! И он решился.

В машину вместе с больными набились родственники. Больные стонут, родственники торопят «шофера». А дорога лесная, извилистая, сосны, точно нарочно, лезут под колеса. Андрей Матвеевич призвал на помощь все хладнокровие. На чихающем, фыркающем «фордике» он все же дотянул до больницы, убедившись на опыте, что и «барахло на ходу» может приносить пользу...

В недрах автодоровской общественности родились идея и план первого автомобильного завода. В 1927 г., когда появился на свет Автодор, контрольные цифры Госплана не предусматривали ассигнований на строительство автомобильных заводов. На ближайшее время

[1] За рулем. 1928. № 2. С. 45.

проблему увеличения парка автомашин предполагалось решать только за счет импорта. Строить автомобильный завод, да еще своими силами, без привлечения иностранного капитала, многим представлялось делом совершенно не реальным. В США уже велись переговоры с компаниями Форда и «Дженерал Моторс» о сооружении на территории СССР крупного автомобильного завода.

Лежава от имени Автодора выступил с горячей защитой идеи немедленного развертывания автомобилестроения своими силами.

— Не дожидаясь никого и ничего,— говорил он,— мы должны заняться собственным автостроением. Если мы создали Волховскую ГЭС, сооружаем Днепровскую ГЭС, то мы можем развернуть собственное автостроение.

После того как правительство приняло решение строить автозавод в Нижнем Новгороде собственными силами, у Автодора появились новые боевые задачи — установление типа машины, мощности завода и т. п. Изучался иностранный опыт, проводились испытательные пробеги машин разных марок, проверялись предложения советских изобретателей. Автодоровская общественность зорко следила за ходом строительства первенца автомобильной промышленности. Журнал «За рулем» в каждом номере печатал боевые сводки «На фронте автостроительства». Автодор посылал в Нижний бригады своих активистов для помощи строительству, заслушивал доклады начальника Автостроя т. Дыбеца, помогал ему преодолевать бесчисленные препятствия — и так до самого дня пуска автозавода. Автодор был застрельщиком и принимал горячее участие в решении множества проблем, связанных с моторизацией транспорта. Создание отечественных трехосных автомобилей и вездеходов, велосипедов, глиссеров и лодочных моторов, аэросаней, газогенераторов и дизельных моторов для тракторов и

автомобилей — в борьбу за каждое из этих начинаний Лежава вложил немало сил, энергии, инициативы и боевого задора.

В январе 1933 г. А. М. Лежава от имени Автодора рапортовал Центральному Комитету партии, Совнаркому и Реввоенсовету Союза ССР: «...Мы догнали и перегнали капиталистические страны, дав Стране Советов универсальный вездеход, преодолевающий глубокие пески, снега и бездорожье осенних и весенних распутиц» [1].

Лежава имел право делать такой вывод потому, что в испытательном пробеге советские вездеходы превзошли по всем показателям вездеходы мировой фирмы «Ситроен-Кегресс». Рапорт помечен 1933 г. А каким долгим и трудным был путь, отделяющий эту дату от того дня в 1928 г., когда, поверив в творческие силы молодого инженера-изобретателя т. Сонкина, Автодор решил оказать ему всемерную помощь в осуществлении его идеи. Разработка конструкции вездехода проводилась в Научном автомоторном институте (НАМИ), над которым шефствовал Автодор. Затем полтора года испытаний, доделок, усовершенствований и, наконец, заключительный Каракумский пробег в наитруднейших условиях.

В том же рапорте Лежава сообщает: закончились испытания глиссера «Автодор-13», сконструированного активистами Автодора. Результаты испытания позволяют утверждать, что и в развитии глиссерного дела мы имеем преимущества перед капиталистическими странами. Нелегким был путь создания и отечественных глиссеров: Автодор объявил конкурс, одобрил предложение студента-парттысячника В. Гартвича, помог ему осуществить его идею, для чего направил его в НАМИ. Автодор же организовал изготовление моделей, затем первой опыт-

[1] За рулем. 1933. № 1. С. 2.

ной партии глиссеров. В 1931 г. первый испытательный глиссерный поход, в котором участвует и глиссер «Андрей Лежава», названный так в честь председателя Автодора. В том же году Автодор передал в дар пограничникам первые 11 глиссеров. Вскоре в Чувашии начала работать организованная Автодором первая глиссерная линия. Спрос на глиссеры со стороны лесосплава, рыбной промышленности, органов связи и других организаций рос с каждым днем. Автодор начал борьбу за массовое промышленное производство этого нового вида водного транспорта.

Между Автодором и НАМИ существовали самые тесные связи. Тогда Автодор считался шефом НАМИ, пользуясь же современной терминологией, его (Автодор) можно было бы назвать «фирмой» по внедрению научных работ в области безрельсового транспорта и дорог. Работала «фирма» на общественных началах, а средства для изготовления и испытания различных моделей и механизмов давали членские взносы и автодоровские лотереи. Нередко рабочие выполняли заказы Автодора бесплатно, в свободное от работы время. Автодор не имел ни лабораторий, ни опытных цехов и предприятий, но он подхватывал каждую новую идею, организовывал ее разработку и проверку, а затем, при наличии положительных результатов, доводил дело до широкого внедрения. «Всякая новая техническая идея, всякий новый вопрос, касающийся того или другого вида безрельсового транспорта и дорожного строительства, находят активную, реальную помощь Автодора... Нет ни одной острой технической задачи, нет ни одной новой технической идеи, которая не была бы подхвачена Автодором»,— так охарактеризовал работу Автодора директор НАМИ Е. Л. Зелинский.

В организации разработки и внедрения новой техники Андрею Матвеевичу вначале помогло то, что он занимал пост заместителя председателя Совнаркома РСФСР.

Но и после 1930 г., не занимая высокого поста, он так же энергично и так же успешно, как и раньше, проводил все автодоровские начинания. Ему помогал в этом его прочно сложившийся авторитет делового, умелого организатора, понимающего государственные интересы и умеющего бороться за них. Когда требовали интересы дела, Лежава выступал очень резко и, если не мог справиться своими силами, обращался в ЦК партии, в правительство. Так было, например, при решении самой трудной — дорожной проблемы. Автодор сделал многое: тщательно изучался иностранный опыт, было положено начало производству машин и материалов для постройки дорог, проводились конкурсы на лучшее дорожное строительство. Большим событием явилась приемка первого гудронированного километра Ленинградского шоссе. В первый же год Автодор организовал выставку по дорожному строительству и провел первый дорожный съезд.

Во всех этих мероприятиях А. М. Лежава принимал самое горячее участие. 10 октября 1928 г., сообщая в письме к жене о начале работы двух съездов — Госплана и дорожного, он добавлял: «Ты понимаешь, как все это интересно!» Автодор выступил инициатором постройки первой образцовой автомобильной дороги Москва—Нижний, которая явилась школой конкретного участия общественности в дорожном строительстве. Мероприятий проводилось много, но в масштабе страны это было очень мало. Строительство новых дорог шло медленнее, чем разрушение старых. Жизнь подтверждала то, что предвидел Лежава — борьба с бездорожьем оказалась во много раз труднее, чем создание автомобильной промышленности. Выход был только один — надо было превратить дорожное строительство в ударную общенародную стройку.

От имени Центрального совета Автодора Лежава обратился по этому вопросу в начале 1931 г. в Центральный

Комитет партии и в Совет Народных Комиссаров[1]. Это «обращение» — документ, проникнутый острой большевистской тревогой за дело огромной государственной важности. В нем отмечается, что вековая привычка к бездорожью и трудность охвата миллионов километров давят на хозяйственников. Они отмахиваются от этой проблемы, как от задачи, которая может подождать. Но «проблема» не может ждать. На дороги выходят первые отечественные автомобили, и они вязнут в размытых колеях, терпят аварии из-за неисправных мостов, дорожных ухабов и рытвин. Если дорожная революция не поспеет за революцией транспортной,— говорится в «обращении»,— то последняя будет поставлена под жесточайший удар. Из всего сказанного вывод: «Нужен самый резкий поворот всей страны лицом к дорожной проблеме, к дорожному строительству». Далее перечисляются и обосновываются конкретные мероприятия, требующие незамедлительного осуществления.

Руководство Автодора принимает все меры к тому, чтобы совершился поворот всей страны к дорожной проблеме. В каждом выступлении, адресованном автодоровцам, Лежава требует, чтобы они шли в наступление на бездорожье непременно вместе с партийными, советскими и комсомольскими организациями и чтобы не ждали, когда их пригласят, а сами являлись застрельщиками этого наступления.

— Никуда не годится автодоровская организация,— говорил Лежава на Всесоюзной дорожной конференции,— которая жалуется на отсутствие поддержки со стороны местных партийных, советских и профсоюзных организаций. Именно она, автодоровская организация, и должна привлечь внимание всех местных организаций к борьбе на дорожном фронте.

---

[1] См.: За рулем. 1931. № 5. С. 3—5.

И еще одно требование:

— Задача всех автодоровских организаций — теснейшая связь с печатью, вовлечение ее в систематическую борьбу с бездорожьем последовательно и до конца [1].

Страстно, горячо выступил Андрей Матвеевич перед журналистами, собравшимися 18 октября в Доме печати. Он поставил перед ними вопрос:

— Почему наша боевая советская печать, показавшая такие блестящие примеры борьбы на многих участках хозяйственного фронта, не раз доказавшая, что она умеет мобилизовать общественное мнение всей страны в тех случаях, когда это необходимо, почему она до сегодняшнего дня уделяет ничтожное внимание такому важнейшему вопросу, как борьба с бездорожьем?

Закончил свой доклад председатель Автодора требованием:

— «Заговор молчания» нашей печати в отношении дорожного строительства должен быть безоговорочно ликвидирован и притом немедленно! [2]

1932 г. стал переломным: резко увеличилось производство техники для дорожных работ, впервые получило полное законодательное оформление обязательное участие населения в ремонте и устройстве дорог, печать широко освещала опыт передовиков и бичевала виновников срыва планов дорожного строительства. В 1934 г. IV сессия ВЦИК отметила положительную роль Автодора в организации дорожного строительства...

1974 г.

ЦГАНХ СССР.
Ф. 92. Оп. 1. Д. 146. Л. 148—164.
Подлинник

---

[1] За рулем. 1932. № 11. С. 2.
[2] Там же. 1931. № 21. С. 24.

Н. А. Лежава

ОТЕЦ БЫЛ НАШИМ БОЛЬШИМ ДРУГОМ

Знакомство матери с Андреем Матвеевичем произошло на подпольной революцнонной работе в 1894 г. В один н тот же день, но в разных городах, по одиому делу они былн арестованы, прнвезены в Петербург, посажены в одниочные камеры Петропавловской крепости. Через полтора года одним этапом былн отправлены на 5 лет в ссылку в Верхоленск, там поженнлнсь. С тех пор на всю жизнь между нимн сохраннлась большая любовь н дружба.

Вот этой дружбой между роднтелямн окрашена вся жизнь нашей семьн. И не только нашей семьи. Все, кто соприкасался с моимн родителямн, ощущалн эту дружбу н как бы прнобщалнсь к теплу н душевному уюту.

Папа, очень общительный, веселый, доброжелательный человек, любил детей и молодежь. И в детстве, и в юности к нам постоянно приходнло миого друзей. Нн мама, нн папа ннкогда не выражали никакого иеудовольствня от прнхода «детворы». Шум, гам, беготия не раздражалн взрослых, они умели прниять участие, иаправить веселье по какому-то правнльному руслу без окрнков, без обндных замечаний. Вся компания усаживалась за стол, чаепнтие проходило оживленно, весело.

Никогда в нашей семье не могло быть противоречий между родителями в вопросе воспитаиия детей.

Никогда никаких бранных слов, нн одного грубого слова не было сказано родителями ни между собой, ии по отношению к нам нлн кому-нибудь другому. Мысленно возвращаясь на полвека иазад, я внжу перед собой глаза отца, полные упрека в тех случаях, когда в моем поведении или в моих словах было что-то, что его огорчало. Он никогда ие кричал на меия, ие ругал, ие иаказы-

вал. Такого не было ни разу. Но выражение его глаз давало мне почувствовать мою вину и было во много раз тяжелее и действеннее любого наказания или выговора.

В семье не было лжи. Я не помню случая, чтобы кто-либо из родителей нас обманул. Сказать отцу или маме неправду, обмануть их было немыслимо. Невозможно было обмануть их доверие.

В детстве, в юности и позже отец был нашим большим другом и учителем, причем очень чутким и внимательным другом. Он никогда не говорил «не смей этого делать!», «сделай вот так и так!». Нет, он говорил по-другому: «Как ты думаешь поступить в этом случае? А не правильнее ли сделать вот так?» Он охотно и терпеливо обсуждал тот или другой жизненный вопрос или поступок, постепенно подводя нас к принятию правильного решения.

В студенческую пору я всегда очень волновалась перед экзаменами, всегда мне почему-то казалось, что я ничего не знаю, что обязательно «провалюсь». Один экзамен был особенно трудный, профессор очень строгий. Я несколько раз шла на экзамен, слушала, как отвечают другие, как некоторые «проваливаются», и не решалась сдавать, трусливо уходила домой. Возвращаясь с работы, чаще всего очень поздно, иногда за полночь, отец всегда интересовался нашими делами. Ну, естественно, спрашивал: «А как твоя фармакология? Сдала?» Приходилось признаться в своей трусости. «Ну, знаешь ли,— сказал отец,— если ты опять не будешь сдавать, опять струсишь, я просто перестану тебя уважать! Уж лучше «провались», но нельзя же быть такой нерешительной, такой трусихой». Потерять уважение отца — это было страшно. В результате через два дня экзамен был сдан.

Очень хороший жизненный урок я получила уже после окончания университета. Как молодой врач я получила направление на стажировку на один год в одну из

московских больниц. Работой я очень увлекалась, проводила в клинике не только все дни без всяких выходных, но и многие ночи, так как хотелось больше узнать, большему научиться. Очень сдружилась с товарищами по работе. Быстро пролетел год, стажировка заканчивалась. Теперь я должна была ехать на работу в деревню, так как, получая направление на стажировку в больницу, дала письменное обязательство за год стажировки отработать один год в сельской местности. В отделе кадров Наркомата здравоохранения, к моему удовольствию, мне сказали: «В этом году был очень большой выпуск в медицинских институтах, и в настоящее время вы нам собственно не нужны. Устраивайтесь, где хотите». Старшие товарищи и мое начальство предложили мне остаться в штате клиники на постоянную работу. Радостная, я пришла домой и рассказала об этом родителям. Вечером был разговор с отцом. Беседа наша была очень мирной, очень серьезной. Речь шла об ответственности за свою подпись, об ответственности за обещание, кому бы оно ни было дано — организации, коллективу или отдельному человеку. Основной мыслью беседы было: ты дала обязательство год за год отработать на селе, значит, ты должна выполнить свое обязательство и ехать работать в деревню. Вот если ты всегда, подумав, будешь так относиться к своим обещаниям и поступкам, у тебя всегда будет чиста совесть, а люди будут тебе верить и уважать тебя.

Разговор имел такой характер, что после него у меня не было не только чувства горечи, сожаления, обиды на отца, наоборот, было чувство, пожалуй, какой-то гордости от сознания, что я исполняю свой долг. Уехала работать в село Рамонь Воронежской губернии.

Все, что было сказано отцом при этом разговоре, запало на всю жизнь в душу, закрепилось в сознании.

Андрей Матвеевич очень любил все виды искусства, особенно же музыку — и песни, и симфонические произ-

ведения. С детства, не балуя нас ничем другим, он часто ходил с нами на концерты, в театр, на художественные выставки, приобщая к миру прекрасного.

Новикова А. Молчаливые собеседники. М., 1987. С. 96—99

ПОСЕЩЕНИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ БОЛЬНОГО А. М. ЛЕЖАВЫ

А. Я. Кузнецова

...Я видела В. И. Ленина в больнице в Кремле, летом 1921 г., когда Владимир Ильич пришел навестить Андрея Матвеевича Лежаву. Перед входом в палату стоял мой маленький стол и несколько стульев. Я пропускала к Андрею Матвеевичу начальников отделов из Внешторга, которые приходили к нему с докладами. Как-то неожиданно зашел Владимир Ильич. Я его сразу узнала. Он поздоровался со мной и попросил доложить Андрею Матвеевичу, что хочет его видеть. Я, конечно, сказала Владимиру Ильичу: «Да Вы проходите, пожалуйста!» А он все-таки попросил доложить. Андрей Матвеевич услышал голос Владимира Ильича и радостно позвал его. Разговаривали они приблизительно полчаса.

Н. А. Лежава

В мае 1921 г. А. М. Лежава находился в доме отдыха «Чайка» под Москвой (обострение радикулита). С ним жила и мама — Людмила Степановна. Я часто к ним приезжала, вернее — приходила, так как, насколько помню, ехать было не на чем.

В тот памятный для меня день к Андрею Матвеевичу приехал Владимир Ильич. Я, конечно, была очень взволнована,— до этого я видела Ленина только один раз: в Большом театре на съезде Советов, когда он выступал о плане ГОЭЛРО.

Папа представил маму, а потом и меня: «Вот, Владимир Ильич, моя младшая дочь». Видя мое смущение и растерянность, он тут же добавил: «Организуй-ка нам чай». Когда через некоторое время я вошла в комнату, они оживленно беседовали. Я поставила маленький столик у кровати отца, поставила стаканы с чаем. Было ли что-нибудь к чаю, я не помню, но, принимая во внимание, что это было в доме отдыха,— вероятно, был хлеб, сухарики.

Видя мое смущение, папа в шутку сказал: «Представляете себе, Владимир Ильич, что делается с ее сердцем от волнения, что она угощает чаем самого Ленина!» Оба они громко рассмеялись, что еще больше смутило меня, и я поспешила уйти, а у них сразу вновь возобновилась беседа.

Когда мама проводила Владимира Ильича до машины, я ее спросила: «О чем они так долго беседовали?» Она ответила: «Ну, конечно, о внешторговских делах».

Из личного архива
О. А. Лежава-Куйбышевой.
Публикуется впервые

В. И. Михайлова

НЕ БОЯТЬСЯ ТРУДНОСТЕЙ

Я узнала семью Лежавы в 1916 г., после приезда ее из Саратова в Москву.

Жили они на Большой Полянке, 43, во дворе на втором этаже двухэтажного дома. Две дочери Андрея Михайловича, Ольга и Нина, учились со мной в одной школе и поэтому я часто бывала у них в семье.

До революции я знала Андрея Матвеевича «издалека», он работал в Страховом обществе и много разъезжал, а после революции я узнала его очень близко.

Андрей Матвеевич сыграл большую роль в моей жизни — в 1920 г. он рекомендовал меня в партию.

Андрей Матвеевич отличался большой чуткостью, бескорыстием и любовью к людям. В его доме постоянно и подолгу жили люди, которые особенно нуждались в человеческом тепле. Так, например, жила у них и училась в медицинском институте грузинка Варя, Нина Барамзина, у которой умерли родители; также постоянно жил у них старый холостяк революционер Василий Исаевич Брауде. Поэтому квартира Андрея Матвеевича была всегда полна и его кабинет на ночь превращался в спальню.

Много внимания Андрей Матвеевич уделял воспитанию молодежи, вел с ней постоянные беседы, дискуссии, споры, давал советы по разным вопросам.

Несмотря на большую занятость и большую руководящую работу, он находил время читать лекции на политические темы. В памяти у меня сохранилась одна такая лекция, которую Андрей Матвеевич блестяще прочитал группе студентов Тимирязевской сельскохозяйственной академии (в нее вошли Ужанский, Вильдо, Романова, Кондратьева, Коган, Михайлова и др.) у себя на квартире на тему о монополиях, росте монополистического капитала и империализме.

Андрей Матвеевич учил нас не бояться трудностей и опасностей, работать не там, где много платят и где легко и сладко, а идти туда, где надо скорее ликвидировать недостатки.

Вспоминается следующий случай: 20-й год. Москва холодная, голодная. Повсюду бушует эпидемия тифа. В Поволжье голод, и тысячи людей тронулись с насиженных мест. Московские вокзалы полны беженцами — женщины с детьми, больные, дети, потерявшие родителей. В эти дни группа студентов, близко стоящая к Андрею Матвеевичу, по его совету начала работать в организации помощи голодающим.

В ее задачу входило дежурство на вокзалах, помощь в раздаче питания, отправка больных в больницы, а беспризорных в детские дома. Как-то вечером я об этом рассказывала дома у Андрея Матвеевича и при этом высказала страх, боязнь, что заболею, умру, а умирать-то не хочется. Он внимательно выслушал меня, посмеялся над моей трусостью, сказав, что смерть не надо допускать, надо против нее бороться, но что прежде всего надо провести большую и тяжелую работу по оказанию помощи голодающим.

При этом двух своих дочерей Ольгу и Нину он не стал оберегать. Обе они работали в Помголе. Многие студенты, и в том числе младшая дочь Андрея Матвеевича, Нина, заразились на вокзале тифом и тяжело болели.

Вспоминается другой случай: в 1923 г. у меня умер отец. Осталась большая семья — восемь человек детей. Надо было скорее зарабатывать, а диплом агронома я еще не получила. С трудом устроилась я на работу в Сельскосоюз, в агрономический отдел. Платили там хорошо, а делать было нечего. Сидели в этом отделе старики агрономы, целые дни обсуждали и критиковали сельские дела.

Андрей Матвеевич высмеял мою канцелярскую работу и сказал, что меня ждет большая и трудная работа в деревне. Я так и сделала.

Месяца через два-три, к удивлению своих «старых коллег», я уехала работать участковым агрономом в бывшую Костромскую губернию.

В памяти моей сохранился еще такой случай.

Я работала уездным агрономом в Костроме. Однажды в земельном управлении меня стали разыскивать и говорят, что звонит «Москва»,— у телефона Андрей Матвеевич и обращается ко мне с просьбой узнать, есть ли в Здравотделе место участкового врача для его дочери Нины, так как он считал, что ей надо поработать в глуши, на самой трудной работе. Ни под Москвой, ни в

Кремлевской больнице ее устраивать Андрей Матвеевич не стал.

Вот такой он был.

Последний разговор об Андрее Матвеевиче у меня был летом 1953 г.

Вызвали меня в Военную прокуратуру Союза, и молодой следователь (фамилии его я не помню) попросил меня рассказать все, что я знаю об Андрее Матвеевиче Лежаве, так как ему известно, что я хорошо знаю всю его семью. Я рассказала ему примерно то, что рассказала сейчас, и кончила вопросом: «За что же вы его арестовали?»

Следователь отвечает: «Вот за то, о чем вы и рассказывали сейчас. За то, что он был хороший и кому-то мешал».

Андрей Матвеевич был большой человек, с большим сердцем, бескорыстный, отличался большой человечностью и любил людей.

Из личного архива
О. А. Лежава-Куйбышевой.
Публикуется впервые

Н. В. Нелидов

УДИВИТЕЛЬНО ОБАЯТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

С Андреем Матвеевичем Лежавой я познакомился в 1922 г. в клубе старых большевиков, где он выступал с воспоминаниями о революционной работе в Нижнем Новгороде. Удивительно скромный, располагающий к себе какой-то особенной душевной открытостью и искренностью, только вскользь упомяная о себе, он нарисовал тогда очень верную и яркую картину событий.

Жизнь в Нижнем началась с вызова его в канцелярию полицмейстера, где ему объявили, что дело, возбуж-

денное против него и его жены в Иркутске в 1899 г., еще не кончено, а потому распоряжение об отдаче его под особый надзор полиции пока не отменено. Ему «отечески» посоветовали «образумиться». Но образумиться Лежава не захотел. В 1904 г. он стал большевиком и вскоре вошел в состав нижегородской организации РСДРП.

Вместе с Я. М. Свердловым, Н. А. Семашко и другими большевиками А. М. Лежава блестяще выступает на митингах и собраниях, которые в 1905 г. возникали очень часто. По донесениям жандармов, «речи его являются крайне возбуждающими». Он участник и один из организаторов многочисленных демонстраций и Декабрьского вооруженного восстания, начатого в поддержку рабочих Москвы. После подавления восстания П. М. Керженцев, А. М. Лежава, А. П. Невзорова, Н. А. Семашко и другие члены Нижегородского комитета РСДРП были арестованы и брошены в тюрьму. Так бурно началась партийная деятельность Андрея Матвеевича Лежавы. Этой деятельности предшествовали годы боевой и идейной закалки.

...В середине 80-х гг., находясь под сильным влиянием нелегальной народовольческой литературы, вместе с одним из своих товарищей Лежава торжественно поклялся отдать жизнь на борьбу с тиранией и остался верен этой клятве.

В 1894 г. за участие в организации подпольной типографии Андрей Матвеевич был арестован и заключен в одну из самых страшных тюрем царской России — Петропавловскую крепость. Через два года, после долгих изнуряющих этапов, он был водворен в Верхоленск, куда был сослан на 5 лет. Чтение марксистской литературы, личные связи с такими выдающимися марксистами, как Н. Е. Федосеев, перевернули его революционную судьбу. «По возвращении в Россию,— пишет он в автобиографии,— я принял участие в рабочем движении уже марксистом».

Все годы реакции Андрей Матвеевич продолжал вести революционную работу, оставаясь на ленинских позициях. В это время очень расширились его партийные связи. Он встречается с М. И. Ульяновой, А. И. и М. Т. Елизаровыми, Г. М. Кржижановским, И. И. Радченко. В самый канун революции Лежава с семьей переезжает в Москву, а вслед за ним и брат его жены М. С. Ольминский. М. С. Ольминский организует партийную литературную группу, в которую входили И. И. Скворцов-Степанов, В. П. Ногин, В. А. Обух, А. М. Лежава, М. А. Савельев, П. Н. Лепешинский, П. Г. и С. Н. Смидович.

Огромный опыт партийной и общественной работы Андрея Матвеевича, а также его служебной деятельности в качестве страхового инспектора, позволившей ему хорошо изучить экономику России, был исчерпывающим образом использован партией после Октябрьской революции.

Входя в Совет по делам страхования, созданный Совнаркомом, и возглавляя в нем комиссию по объединению всех страховых организаций страны, он много сделал, участвуя в подготовительной работе, позволившей Совету Народных Комиссаров принять 28 ноября 1918 г. декрет, объявивший страхование во всех его видах и формах государственной монополией. Еще шире раскрылись таланты Лежавы тогда, когда партия послала его на хозяйственный фронт, наиболее в то время трудный. Делясь со своими близкими, он говорил, что эту часть своей жизни он считает особенно счастливой и плодотворной. Такой ее сделало постоянное общение с В. И. Лениным, могучее влияние которого пронизало все ее стороны.

С именем А. М. Лежавы связаны первые шаги во многих отраслях хозяйственного возрождения страны и социалистического строительства. В марте 1919 г. по поручению партии он возглавил «Всероссийский хозяйственный центр городских и фабрично-заводских потребитель-

ских коммун» — «Центросекцию», а через несколько месяцев стал председателем Центросоюза. В июле 1920 г. Лежава назначается заместителем наркома внешней торговли.

Известно, какое значение придавал В. И. Ленин монополии внешней торговли, считая ее одной из командных высот диктатуры пролетариата. Лежава был одним из тех, на кого опирался Владимир Ильич в борьбе против ее противников. Андрей Матвеевич был автором документа, защищавшего монополию и получившего название «Тезисы о внешней торговле», которые одобрил В. И. Ленин, написавший секретарю ЦК Молотову: «Надо принять тезисы Лежавы без изменения».

Нет возможности перечислить хотя бы самые важные вопросы, которыми занимался Лежава в 1920—1922 гг. по заданию В. И. Ленина и Совнаркома. Десятки записок и писем в эти годы адресует Владимир Ильич А. М. Лежаве. Многие из них опубликованы сейчас в Полном собрании сочинений В. И. Ленина. Учась непосредственно у Ленина, Лежава глубоко впитывал в себя ленинское понимание задач хозяйственного строительства и активно участвовал в выработке ряда партийных решений.

В мае 1922 г. А. М. Лежава назначается председателем Комвнуторга и Главконцескома при СТО, а в 1924 г. наркомом внутренней торговли, затем заместителем председателя СНК РСФСР. Одновременно ему была поручена организация Госплана РСФСР.

А. М. Лежава умер в 1937 г., когда ему шел 68-й год. С годами ни его энергия, ни увлеченность работой нисколько не ослабели. До самого конца жизни он сохранил верность ленинизму, преданную любовь к Владимиру Ильичу Ленину и как к вождю партии, и как к человеку...

Все, кто знал его, никогда не забудут этого общительного, живого, удивительно обаятельного человека. «Он

быстро располагал к себе той особой душевной опрятностью,— писал о нем Г. М. Кржижановский,— которая свойственна всем богато одаренным душевными свойствами людям».

1970 г.

Из личного архива О. А. Лежава-Куйбышевой. Подлинник. Публикуется впервые

А. Н. Чувикова

ТРИ ВСТРЕЧИ

Андрея Матвеевича Лежаву я знала со студенческих лет в Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Андрей Матвеевич был человеком большого организаторского таланта, большой душевной доброты, горячего сердца, целиком отдавшим себя делу нашей партии и народа. Он очень любил молодежь и не жалея сил помогал политическому ее росту.

В моей памяти особенно хорошо сохранились три встречи с ним, о которых мне и хочется поделиться с вами.

Первая встреча. В нашей студенческой коммуне был организован кружок политэкономии, которую мы изучали по марксистским первоисточникам. Это было для нас крайне необходимо, так как политэкономию в ТСХА читал профессор Железнов (буржуазного направления).

Во время изучения доклада В. И. Ленина и решения X съезда партии о новой экономической политике у нас в кружке разгорелись сильные споры.

Чтобы правильно понять этот вопрос, я обратилась к Андрею Матвеевичу с просьбой помочь нам разобраться с ним. Андрей Матвеевич согласился провести беседу на эту тему и назначил занятия у себя дома. Причем провел

не одну, а две беседы, делая это за счет короткого времени своего отдыха.

В первой беседе он подробно объяснил нам значение и необходимость перехода от продразверстки к продналогу. Указал, что это мероприятие поможет поднять производительность в сельском хозяйстве, послужит делу развития торговли и укрепит союз города и деревни.

Во второй беседе он особо остановился на вопросах кооперации всех видов. Государственная торговля и потребительская кооперация должны развиваться и в городе, и в деревне. Они должны противостоять частной торговле. Мы должны научиться торговать.

Особо Андрей Матвеевич остановился на вопросах сельскохозяйственной кооперации и кооперировании кустарей. Беднота, говорил он, обретет свое благополучие только через производственную кооперацию. Развивая эту мысль, он прочитал высказывание В. И. Ленина из его доклада «О продовольственном налоге» на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г.[1], на котором я имела счастье присутствовать. «Вы как будущие специалисты советского хозяйства,— сказал Андрей Матвеевич,— должны твердо усвоить это и проводить в жизнь в своей практической деятельности. Вам придется строить социализм».

Андрей Матвеевич говорил об этом с большой убежденностью, конкретностью. Приводил по памяти много фактического материала о недостатках и начавшихся достижениях в торговле.

После беседы с Андреем Матвеевичем у членов нашего кружка отпали все разногласия по этой теме. Более того: усвоив политику партии, мы помогали и другим товарищам разобраться в этом вопросе.

Вторая встреча. Зимой 1923/24 учебного года Андрей

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 146—161.

Матвеевич командировал меня в Казань обследовать торговые организации.

Перед отъездом он подробно меня инструктировал. В мои обязанности входило побывать в государственных, кооперативных и частных торговых точках. Записать номенклатуру продаваемых товаров, цены, по которым они продавались, побывать на городских базарах, посмотреть, чем торгуют в ларьках, что продают крестьяне и что они покупают или на что обменивают свою продукцию.

Пробыв 10 дней в командировке, я привезла несколько сведений по этим вопросам, а особенно много личных впечатлений, о которых, конечно, сообщила Андрею Матвеевичу.

Докладывая Андрею Матвеевичу о результатах своей работы, я поняла, что, руководя торговлей, надо знать не только о том, как учимся торговать, но главное — надо уметь организовать руководство торговлей, чтобы в государственной и кооперативной торговле устанавливать единые цены, снижать их. Надо постоянно следить за развитием частной торговли и держать ее в соответствующих пределах. Особенно много он думал о потребительской кооперации (о членстве, о товарах, о ценах). Все материалы и факты, привезенные мною, анализировал сам, а не через своих помощников. Такой стиль в работе на меня произвел сильное впечатление и сказался в дальнейшем на моей самостоятельной работе после окончания Тимирязевской академии.

Третья встреча. Прошло несколько лет после окончания Тимирязевки. Я работала в Костромском губземуправлении.

В одно из воскресений, зимой 1928 г., Андрей Матвеевич (он в то время работал в Совнаркоме РСФСР) приехал в Костромскую губернию для ознакомления с работой местных организаций. Все ответственные советские и партийные работники были собраны на совещание. Я не знала, что Андрей Матвеевич приехал в Кострому, и бы-

ла крайне удивлена и обрадована, когда он встал из-за стола и, выйдя мне навстречу, обнял за плечи и спросил: «Ну, как живется губернскому агроному?» Я немного растерялась, но ответила: «Да как будто хорошо». «Ну, ладно, ладно, вот посмотрим, как отчитаешься».

На совещании Андрей Матвеевич внимательно слушал каждого выступавшего. Делал замечания или тут же давал практические советы, как улучшить работу...

Дошла очередь и до меня. «Ну-ка, губернский агроном, расскажи-ка нам да поподробней, что удалось сделать за время пребывания в Костромской губернии»,— сказал Андрей Матвеевич.

Я встала и говорю: «Перед вами, Андрей Матвеевич, отчитаюсь за всю свою работу со дня своего приезда сюда»... Я отметила, что в отделе сельского хозяйства Губземуправления особое внимание уделялось подбору агрономических кадров. В частности, уездным агрономом в Костроме, а потом моим заместителем был П. П. Лобанов (впоследствии президент ВАСХНИЛ), полеводом А. Г. Трутнев (потом академик ВАСХНИЛ), коневодом П. Г. Власов, выросший в известного ученого. Директором Губсельтреста был назначен В. А. Чуников (впоследствии зам. наркома и член коллегии Наркомзема) и т. д.

Нам приходилось бороться не только за укрепление сельхозкооперации и колхозов, но и за сохранение совхозов, так как нашлись работники даже в Губземуправлении, которые хотели избавиться от них, предлагая передать совхозы в волостные исполкомы, а по сути, ликвидировать их.

Костромская губерния имела развитое не только полевое хозяйство, но и животноводство. Естественно, мы стали организовывать и племенную работу. Потребовалось развитие кормовой базы, оживилась работа мелиоративных товариществ, но недостаток тягловой силы (не было тракторов) мешал необходимым темпам в этом деле.

Андрей Матвеевич внимательно выслушал мое сообщение, сделал ряд замечаний, но в общем одобрил нашу упорную борьбу за создание крупного сельскохозяйственного производства и выразил желание посетить ближайший колхоз или совхоз. Ближе всего к Костроме находился совхоз «Караваево». Туда мы и поехали сразу же после совещания.

Андрей Матвеевич осмотрел хозяйство самым подробным образом. Даже присутствовал при вечерней дойке коров. А потом долго беседовал с директором совхоза Шабаровым и мною на сельскохозяйственные темы... Через 4—5 часов он собрался в обратиый путь. Я спросила его: «Андрей Матвеевич, далеко теперь поедете или вернетесь в Москву?» Ои шутя ответил: «Вниз по матушке — по Волге, только не от Нижнего Новгорода, а от Костромы». Вскоре мы расстались...

Прошло почти полвека после последней встречи с Аидреем Матвеевичем, ио я не забыла ее, так как эта встреча окрылила меия, заставила с еще большей эиергией заниматься строительством социализма в сельском хозяйстве.

1976 г.

Из личного архива
О. А. Лежава-Куйбышевой.
Подлинник. Публикуется впервые

С. Я. Улановская

В СЕМЬЕ А. М. ЛЕЖАВЫ

Я, Улановская Софья Яковлевиа, член КПСС, № п/б 06069743, бывшая красиогвардейка, партизаика, № билета 67, персональная пеисионерка с 1950 г. Хочу дать свои воспомииаиия об Андрее Матвеевиче Лежаве. Он достоии вполие, чтобы о ием была написана книга, о жизнеиом пути большевика-лениица. Я глубоко верю, что такая

книга будет написана. Это очень важно для всех, особенно для молодежи. Пусть узнают о замечательном коммунисте, посвятившем всю свою жизнь партии, революции, народу, и так трагически оборванную.

Весной 1922 г. месяц я жила в доме А. М. Лежавы, который был тогда зам. наркома внешней торговли. Наркомом был т. Красин. Жили они, как мне помнится, на Большой Полянке. Была я командирована Горздравом для ухода за дочерью Лежавы 18-летней Ниной, которая была больна сыпным тифом, а в больнице мест не было. Лечила ее врач Канель из Кремлевской больницы. Я сама была после фронта и после тяжелой контузии. Работала в инфекционной больнице, которая называлась «Брестской» и находилась на Красной Пресне. Кажется, для арестованных. Условия работы были ужасные, а обеспечение материальное очень плохое...

У меня нет таких слов, чтобы выразить, как встретили меня в этом доме. Была я крайне истощена, потому что голодала, и очень плохо была одета. Шла я туда с ужасом, думала, что вообще меня не примут, а это было бы для меня ужасно унизительно и больше всего страшило меня. Но встретили, приняли меня так, как будто я была долгожданным и самым желанным гостем. Через час я, при всей своей застенчивости, чувствовала себя, как дома. Не помню, как звали жену Лежавы. Но это была удивительно милая, ласковая, простая в обращении женщина, которая незаметно, но настойчиво старалась меня подкормить и сделать так, чтобы я себя чувствовала хорошо. Она подменяла меня, чтобы я отдохнула: Нина болела очень тяжело.

Андрей Матвеевич при всей своей занятости сумел уделить мне большое внимание и заботу. Возвращаясь иногда после заседаний уже под утро, он заставлял меня покушать и лечь отдохнуть, а он, мол, побудет возле Нины и в случае надобности меня разбудит. Был тогда нэп, и многое было неясно для меня. Андрей Матвеевич

подолгу беседовал со мной, объяснял роль партии и значение Ленина в партии. О нем он говорил с захватывающей любовью и восторгом. Объяснял мне, для чего нужен, необходим нэп и многое, многое другое. Эти беседы с Андреем Матвеевичем имели огромное значение для всей моей жизни. В партии я не была, хотя до этого, кроме фронта, в 1919 г. и в первый месяц 1920 г. в Одессе, до прихода большевиков 26 февраля, я была связана с большевистским подпольем, выполняя разные поручения. Но повторяю, что во время нэпа для меня многое было неясно. Неясно было, почему нужно вступить, то есть быть членом партии.

Вообще весь уклад дома Лежавы был удивительный. Простота, чуткость, нежность и доброта царили в этой семье, в этом доме. Только истинный ленинец мог создать такую атмосферу, такой уклад в семье.

Я никогда не видела Ленина. Но когда я читаю, слушаю беседы о нем, я неизменно соединяю свои впечатления с воспоминаниями об Андрее Матвеевиче Лежаве. Потом я ясно и твердо знала, что мне делать, как мне жить, куда и как направить свою жизнь. Вскоре я сама заболела сыпным тифом, в очень тяжелой форме. А когда выздоровела, то уехала в Артемовск (Донбасс). В 1923 г. я вступила в кандидаты партии. Была принята общим собранием, было это в сентябре. Весь материал отослали в горком. До января 1924 г. я еще не была принята горкомом. В январе 1924 г. умер Ленин, прием в партию интеллигенции был приостановлен. А потом оказалось, что материал мой в горкоме затерялся. В апреле 1925 г. я снова вступила в кандидаты, а 14 мая 1927 г. была принята в члены партии. Вся моя жизнь была отдана партии, Советской власти, за что до последних дней я буду благодарна Андрею Матвеевичу.

17 июня 1968 г.

Из личного архива
О. А. Лежава-Куйбышевой.
Подлинник. Публикуется впервые

М. А. Ефремов

РОЖДЕНИЕ СОВКИНО

Впервые я встретнлся с Андреем Матвеевнчем в конце 1924 г. В то время он был зам. председателя Совиаркома РСФСР. Под его председательством 10 декабря 1924 г. Совнарком решал вопрос об органнзацнн акцнонериого общества Совкнно.

Андрей Матвеевич в свонх выступленнях проявил полное знание положення дела в кнно того времеин, высоко оценил культурное и воспнтательное значеине нскусства кнно и отнесся со всем внниманнем к тем хозяйственным задачам органнзацин н развнтня советской книематографни, которые мы, кннематографисты, выдвигалн. Он горячо поддержал нас, и по его предложенню Совнарком принял решенне, которое весьма облегчнло нашу задачу скорейшего подъема и должного развнтня советской кинематографнн.

В пункте 3 постановлеиия СНК было запнсано: «Та часть прибылн Совкнно, которая должна быть обращена в доход государству, подлежнт в течеиие трех лет использованню иа развитне деятельностн общества Совкино». Однако, проведя на первом этапе объеднненне кннопроката всех действующнх до того временн книоорганнзаций, Совкино, начнная свою деятельность, получило от нних долговые обязательства на сумму 1 317 152 руб. н ннкакой налнчностн, то есть Совкино было органнзовано без должных оборотных средств.

Снова прншлось идтн с докладом к Андрею Матвеевичу. Ои со всем вннманием н благожелательностью нас выслушал (Ефремова н Шведчикова) н сказал: «Я вас вполне понимаю н верю в перспектнвность вашего дела, но оборотных средств по бюджету СНК вам дать не может, постараюсь помочь по лнннн Госбаика».

По постановленню СНК РСФСР от 17 марта 1925 г. баик открыл Совкнио шестимесячный кредит под поступ-

ления по прокату кинофильмов в размере 650 тыс. руб. Андрей Матвеевич не ошибся, отнесясь с большим доверием к советской кинематографии. По отчетам Совкино прибыль за первые шесть месяцев 1925 г. составила 1 334 тыс. руб. и за следующие два года соответственно 4 893 тыс. и 5 754 тыс. руб.

Создалась возможность объединить и широко развивать производство программных художественных кинофильмов, культурфильмов и хроники. Удалось выполнить двухэтажную надстройку особняка правления Совкино (Малый Гнездниковский переулок) и заложить в день первого десятилетия грандиозное киноателье в Москве, на Потылихе, появились средства для решения вопроса производства киноаппаратуры и собственной отечественной кинопленки...

1965 г.

ЦГАНХ СССР.
Ф. 92. Оп. 1. Д. 143. Л. 1—2

М. Н. Леонтьева

РАБОТА ПО СУБТРОПИКАМ

Впервые мне довелось встретиться с Андреем Матвеевичем Лежавой в конце 1929 г. В это время он был председателем льнопенькового комитета при Совете Труда и Обороны СССР.

Я, как молодой специалист, только недавно окончивший Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, была командирована вместе с другими агрономами в Бельгию и Германию для изучения льноводства и главным образом способов его механизации. Возвратясь из этой командировки, я должна была делать отчетный доклад о ней на заседании льнопенькового комитета. Были приглашены многие видные ученые, практики и

специалисты льняного дела. Естественно, что я основательно робела и чувствовала себя довольно неуверенно.

Ведь я была еще малоопытным работником, хотя я знала, что привезенный нашей группой материал представляет большой интерес и является новым для тогдашнего советского льноводческого хозяйства.

Андрей Матвеевич председательствовал на этом заседании.

И вот, когда он мне предоставил слово и я с радостью в душе вышла к столу, где сидел президиум, и увидала ободряющую улыбку и какие-то удивительно лучистые глаза Андрея Матвеевича, ласково глядящие из-под седеющих бровей, почувствовала его доброжелательность — вся моя робость исчезла, и я уверенно и смело начала свой доклад.

Я резко критиковала консервативность наших ученых, слишком осторожно в то время подходивших к вопросам механизации льноводства, рассказывала о виденных нами за границей орудиях и машинах, описывала способы их применения.

Андрею Матвеевичу, видимо, нравилось мое выступление. Он вставал из-за стола, подходил и знакомился с моими материалами, рисунками, фотографиями. Весело подбадривал меня: «Так, так, Маруся, смелее давайте ваши новости!»

Окрыленная этими бодрыми словами, я с успехом закончила свой доклад. Впоследствии, по указанию А. М. Лежавы, он был издан отдельной брошюрой.

После этой первой встречи в моей памяти навсегда остался образ этого обаятельного человека, который умел создавать вокруг себя атмосферу доброжелательности к людям, вселял доверие и глубокую симпатию.

Вновь мне пришлось встретиться с Андреем Матвеевичем уже только в 1933 г. В то время я работала в Президиуме Всесоюзной академии сельскохозяйственных на-

ук имени В. И. Ленина, руководила сектором растениеводства.

В этот период состоялось постановление Совнаркома СССР об организации Всесоюзного комитета по субтропикам при Совете Труда и Обороны СССР.

Председателем комитета был назначен А. М. Лежава.

Летом 1933 г. Андрей Матвеевич вызвал меня и предложил перейти на работу во вновь созданный комитет, руководить организацией научно-исследовательской работы и подготовки кадров. Я не решалась принять это предложение, так как была совершенно незнакома с субтропиками, не знала субтропических культур.

Я говорила об этом Андрею Матвеевичу, а он со своей покоряющей манерой убеждал меня взяться за это дело: «Все равно,— говорил он,— в Москве нет почти специалистов коммунистов, знающих субтропические культуры, всем нам придется заново учиться, а условия для учебы будут созданы безусловно». Заманчивая перспектива работать под руководством Андрея Матвеевича Лежавы, интересное, новое дело, о котором он говорил с таким увлечением, заставили меня согласиться на это предложение, и я была переведена из Президиума ВАСХНИЛ в Комитет по субтропикам — Субтропком, как тогда его называли [1].

Началась исключительно увлекательная и интересная работа. Более четырех лет, до самого трагического конца Андрея Матвеевича, я проработала в Субтропкоме.

Годы, которые мне пришлось проработать под непосредственным руководством Андрея Матвеевича, в повседневном соприкосновении с ним и его творчеством, широкими замыслами, с его государственным подходом к разрешению всех вопросов, были для меня огромной жизненной школой. Это были, пожалуй, самые плодотворные годы за всю мою трудовую жизнь.

[1] Впоследствии, в начале 1934 г. Субтропком был реорганизован в Главное управление субтропических культур Наркомзема СССР, но название Субтропком так и осталось бытовать. *М. Л.*

Андрей Матвеевич сумел собрать в Субтропкоме, наряду с крупными специалистами, хорошо знающими дело субтропиков, большое количество молодых работников. Это были люди, не очень-то знакомые собственно с субтропическими культурами, но горячо желающие и способные их узнать, умеющие учиться, энергичные и полные решимости с энтузиазмом приняться за порученное дело. Отличительной чертой Андрея Матвеевича было его большое доверие к молодежи. Он не боялся поручать нам самые ответственные дела. Он знал, что молодежь приложит все силы и всю энергию, все знания, какими она обладает, чтобы сделать порученное дело. А там, где этих знаний не хватает, она со всей энергией, свойственной молодости, будет их приобретать.

И Андрей Матвеевич не жалел ни времени, ни средств, ни усилий для создания благоприятных условий роста молодых кадров.

Нас, новых работников Субтропкома, направляли в длительные командировки в субтропические районы, совхозы и колхозы и в научные учреждения для того, чтобы мы на практике познакомились с субтропиками на месте — в Грузии, Азербайджане и в Средней Азии. В Субтропкоме была создана прекрасная библиотека отечественной и иностранной литературы по субтропическим культурам, организовывались переводы иностранной литературы, приглашались самые видные ученые для консультаций, чтения лекций и оказания научной помощи в разрешении трудных специальных вопросов.

Андрей Матвеевич добился в правительстве разрешения на посылку в длительные заграничные командировки наших специалистов в те страны, где субтропические культуры имеют широкое распространение: Италию, Испанию, США, Японию, Турцию и другие. Словом, кто хотел и кто способен был учиться, имел для этого богатейшие возможности, созданные благодаря заботам Андрея Матвеевича.

Забота не только об учебе, но и о личных делах работников, внимание к их нуждам, всегдашняя готовность Андрея Матвеевича выслушать мнение или предложения того или иного товарища, и если не согласится с ним, то разъяснит товарищу — почему именно; словом, настоящая атмосфера по-ленински хорошего демократизма была характерной для работы в Субтропкоме. Этот демократизм нисколько не умалял строжайшей дисциплинированности работников. Я с уверенностью могу сказать, что все мы готовы были по первому слову Андрея Матвеевича выполнять любое задание, каким бы сложным и трудным оно ни было. Раз сказал Андрей Матвеевич — значит это закон.

Таким же авторитетом Андрей Матвеевич пользовался и у работников других учреждений и организаций. К кому бы он ни обратился с какой-либо просьбой или предложением, как правило, он не получал отказа. Люди всегда стремились пойти ему навстречу и выполнить его просьбу.

При всей своей благожелательности, чуткости и внимании к людям, Андрей Матвеевич был очень требователен и строг в работе. Он совершенно непримиримо относился ко всяким проявлениям мелкобуржуазного индивидуализма, расхлябанности, небрежности, недисциплинированности. Он требовал высокой культуры во всякой работе и в особенности в работе научных работников и специалистов.

В одном из своих выступлений на Всесоюзном совещании по защите цитрусовых от морозов (28 июля — 3 августа 1934 г.) Андрей Матвеевич, обращаясь к научным работникам, упрекал их в секретничаньи, в стремлении замкнуться в свою скорлупу и утаить свои достижения от товарищей. Он говорил: «Эту подлую мелкобуржуазную индивидуалистическую душу мы должны в этой области вытравить, нам нужны герои — сильные индивидуальности, работающие на науку, на коллектив, на

широкие массы, на социалистическое строительство...»

И далее, о культуре во всякой работе, и в частности в научной, Андрей Матвеевич говорил: «Пропитать свою собственную работу и работу окружающих его этой культурой — это значит дать действительную научную работу, которую нам нужно поставить на надлежащую высоту...»

Говоря о задачах работников субтропического хозяйства и давая им строгие установки, Андрей Матвеевич предупреждал: «Сегодня мои слова не надо принимать с обидой; я хотел, чтобы вы сделали для себя выводы, что завтра они будут звучать обвинениями. Нужно расширять свой кругозор, свои интересы...»

А как не терпел он двурушничества, неискренности в людях. Если он видел, что человек пытается сказать неправду, что он неискренен и что-то крутит, не хочет признаться в своих проступках, Андрей Матвеевич становился резок, мрачнел и буквально гнал долой с глаз такого человека. Вот таким, с одной стороны, внимательным и чутким к людям, а с другой — строгим и требовательным, человеком широких взглядов, большой культуры и высокой большевистской принципиальности и сохранился в моей памяти образ Андрея Матвеевича Лежавы.

Не только высокое служебное положение и авторитет старого большевика — соратника В. И. Ленина, но и личное обаяние Андрея Матвеевича способствовало тому, что вокруг Субтропкома собралась большая группа виднейших ученых нашей страны — знатоков субтропического растениеводства и крупных специалистов по смежным отраслям науки: академик Н. И. Вавилов, профессор Г. Т. Селянинов, академик Б. А. Келлер, профессор Т. К. Кварцхели и много других ученых были постоянными консультантами Субтропкома по важнейшим проблемам. Большое количество научных учреждений Академии наук СССР, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина по инициативе

А. М. Лежавы были привлечены к работам Субтропкома. Дело развития советских субтропиков было тогда совершенно еще новым и без науки двигать его вперед было немыслимым.

Сам Андрей Матвеевич с большим увлечением относился к проблемам развития субтропических районов СССР. Он отчетливо видел будущее наших субтропиков, прекрасно понимал их необычайные возможности. Он знал, что самое важное — это вначале заложить правильную научную основу этого прекраснейшего и перспективного дела. Своей верой в блестящие перспективы советских субтропиков и своей любовью к этому делу он заражал и окружающих его работников. Были ли то практические работники совхозов из субтропических районов, или научные работники — всех Андрей Матвеевич умел вдохновить, заинтересовать, увлечь, поставить перед ними конкретные задачи.

Его огромный опыт старого большевика-ленинца, проделавшего в своей жизни много больших и трудных дел, участвовавшего в разрешении крупнейших государственных проблем, помогал ему и в организации работы по субтропикам. Прежде всего он поставил вопрос о самом детальном изучении субтропических районов. «Не изучив субтропические районы, мы не сможем сколько-нибудь рационально хозяйничать в них,— писал он в одной из своих статей.— Мы имеем множество печальных опытов, когда, начиная хозяйство с субтропическими культурами без знания почвы, климата, без знания требования самого растения, губили напрасно силы, средства и разочарованные, часто с неправильными выводами о культуре, бросали хозяйство...»

Широко, по-государственному была поставлена задача изучения и освоения новых субтропических районов в Средней Азии и в Азербайджане, а также о расширении насаждения субтропических культур в районах Грузинской ССР. Проблема освоения так называемых сухих

субтропиков была тогда совершеино еще ие изучеиа. Если в районах Грузии и отчасти Азербайджана кое-что уже к тому времени было сделаио, были создаиы уже промышлениые плантации чая, цитрусовых и других субтропических культур в совхозах и колхозах, то в сухих субтропиках почти никакой работы ие проводилось и проблема их освоения была совершеиио ие изучеиа.

И вот по инициативе А. М. Лежавы и по его указаниям была организована сначала широкая экспедициоиная работа по изучению районов сухих субтропиков. Такими были отдалениые, самые южные районы среднеазиатских республик: Узбекской, Таджикской и Туркменской, а также Азербайджана. Эту работу возглавил видный учеиый растениевод-субтропист профессор Н. Д. Костецкий. К ней были привлечены кадры молодых учеиых-энтузиастов: Г. Т. Гутиев, В. П. Алексеев, Б. М. Розанов, Н. В. Смольский и другие. Был организован массовый завоз саженцев и семян из старых субтропических районов Грузии и Азербайджаиа, а также из-за рубежа в субтропики Средней Азии. В Ташкенте был создаи Всесоюзный иаучио-исследовательский институт сухих субтропиков с разветвленной сетью специальных опытиых станций и опорных пунктов.

По инициативе Аидрея Матвеевича со всей остротой была поставлена проблема механизации процессов возделывания субтропических культур, в первую очередь культуры чая, создаиия комплекса машин для горного земледелия, террасироваиия склонов и прочее. Вопросы повышеиия урожайности субтропических культур, разработки рациоиальиых приемов агротехиики и удобрений также были поставлеиы в порядок дня повседневной работы в субтропических районах. Правильная оргаиизация крупных социалистических хозяйств, рациоиальиое размещение и сочетаиие различных культур с учетом почвенно-климатических и экономических условий являлись важиейшей задачей развития субтропиков.

По указанию Андрея Матвеевича создавались специальные бригады ученых-экономистов и практических работников, которые выезжали на места в субтропические районы Грузии и Азербайджана и совместно с местными организациями и работниками изучали и разрабатывали мероприятия по организации субтропического хозяйства. В этот период оно начало быстро развиваться. Создавались новые субтропические совхозы, строились чайные фабрики, росли плантации в колхозах.

Исключительно важной задачей было изучение микроклиматических условий в субтропических районах, так как теплолюбивые субтропические культуры нужно было высаживать с учетом их требований к климату. Андрей Матвеевич ставит вопрос перед Советским правительством о специальных ассигнованиях для изучения микроклимата и почвенных условий субтропической зоны. По ходатайству Главного управления субтропических культур Народного комиссариата земледелия СССР в 1935 и 1936 гг. были ассигнованы крупные суммы для создания широкой сети агрометеорологических станций и пунктов. Они охватили неисследованные до того районы субтропической зоны СССР и положили начало систематическому изучению их микроклимата.

Андрей Матвеевич мечтал в ближайшие годы сделать наши субтропики поставщиком большого количества плодов и сырья для страны. Он знал, что наступит время, когда наше чайное хозяйство будет в значительной мере удовлетворять потребности населения в чае, а цитрусовые плантации дадут миллиарды плодов для трудящихся СССР. Он стремился быстрее ликвидировать еще имевшуюся тогда культурную и техническую отсталость в субтропическом хозяйстве. Прилагал огромные усилия к тому, чтобы оказывать самую широкую помощь местным партийным, советским и производственным организациям в выполнении трудных задач по развитию субтропиков. Со всей энергией он мобилизовал внимание обществен-

ности, печати, радио, кино к этой интересной и важной проблеме.

При непосредственном участии писателя М. Кольцова по инициативе А. М. Лежавы в 1934 г. был выпущен специальный номер журнала «Огонек», посвященный субтропикам. Он был необыкновенно красочно, художественно оформлен. В нем приняли участие многие видные художники, писатели, журналисты, ученые и практики. Теперь этот номер является очень ценной библиографической редкостью. В этом же году возобновилось издание журнала «Советские субтропики», в котором широко освещались все производственные и научные проблемы развития субтропических районов СССР.

Со своей неизменной любовью к молодежи и верой в ее творческие силы Андрей Матвеевич сумел втянуть в субтропические дела и комсомол. В Закавказье, в Средней Азии комсомольские организации с энтузиазмом ринулись в бой за субтропики. Они стали шефами субтропиков и повели упорную борьбу за лучшие достижения в субтропическом хозяйстве.

Кругозор Андрея Матвеевича был необыкновенно широк. Его интересовали не только практические вопросы получения большего количества продукции субтропических культур, необходимой для народного хозяйства, он хотел, чтобы вместе с тем субтропические районы стали красивейшими местами отдыха трудящихся. Он очень многое делал для того, чтобы украсить их чудесными декоративными растениями. Была поставлена задача создания новых парков и красивых архитектурно-декоративных ансамблей, используя благоприятные природные условия субтропиков. Субтропики должны были стать неисчерпаемым источником и поставщиком красивейших декоративных растений для всех районов нашей страны. В одной из статей Лежава писал: «Можно считать уже наступившим то время, когда архитектор-строитель не имеет права проектировать, не учтя нужды озеленения...»

Благодаря его усилиям в Грузии и в других местах была развернута серьезная работа по подготовке кадров специалистов декоративного садоводства: в Сухуми были созданы специальные отделения в субтропическом учебном сельскохозяйственном институте и в субтропическом техникуме. В Харьковском архитектурном институте и в Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве были открыты факультеты декоративного садоводства. Около г. Адлера на базе известного совхоза «Южные культуры» было создано крупное хозяйство и питомник декоративных культур. Это хозяйство поставляло декоративные растения в различные города и районы СССР.

Как и во всех своих начинаниях, Андрей Матвеевич и в этом деле стремился опереться на широкую общественность. Он сумел привлечь к этому делу внимание ученых, широкого круга садоводов-любителей, комсомола и даже юннатов. Ребята были частыми гостями в кабинете Андрея Матвеевича. Они приносили ему свои растения, рассказывали о своих достижениях, и он всегда находил время их принять и побеседовать с ними. Частенько он садился в машину, забирал с собой кого-нибудь из сотрудников и отправлялся к ребятам на опытную станцию юннатов в Измайлове.

А какую работу он проводил с садоводами-любителями! Он разыскивал их по Подмосковью, посещал их сады, привлекал их к консультациям, оказывал им всяческую помощь. Я помню, как летом 1935 г. с ним вместе мы разыскивали в Измайлове любителя ирисов, который был по специальности преподавателем восточных языков; он жил в ветхой старой даче, а его чудесная коллекция поистине сказочно красивых ирисов росла где-то за помойкой на дворе и в малюсеньком палисаднике.

В районе Ленинградского шоссе мы посетили домик т. Колесникова, знаменитого теперь селекционера по сиреням, лауреата Государственной премии, а тогда скром-

ного шофера, собирателя лучших видов и сортов сирени. Там же мы разыскали бухгалтера, розиста, обладателя большой коллекции роз. И всех этих людей Андрей Матвеевич так или иначе привлекал к общему делу и старался помочь им в их начинаниях. «...Ясно, что на сегодняшний день в интересующей нас области мы должны всячески рационализовать использование наличных носителей опыта и теоретических знаний...» — писал Андрей Матвеевич в указанной выше статье.

Несмотря на свой тогда уже преклонный возраст, Андрей Матвеевич был полон энергии, энтузиазма и жизненных сил. Если бы ему довелось еще несколько лет поработать над проблемой советских субтропиков, как много мог бы он сделать, как далеко бы шагнуло субтропическое хозяйство...

1965 г.

ЦГАНХ СССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 144. Л. 1—13

ХАРАКТЕРИСТИКА А. М. ЛЕЖАВЫ, НАПИСАННАЯ Г. М. КРЖИЖАНОВСКИМ 30 МАРТА 1956 г.

Я знал А. М. Лежаву со времени примерно 1915—1916 гг. Причем некоторое время он, до приезда семьи, жил у меня на квартире в г. Москве... Он тогда служил не то в банке, не то в страховых обществах. Могу характеризовать его только с положительной стороны. Он был очень живым, общительным человеком, но вместе с тем — с большим личным достоинством. Он быстро располагал к себе той особой душевной опрятностью, которая свойственна всем богато одаренным душевными свойствами людям, которым достаточно быть такими, какие они есть на самом деле.

С народовольством (главой которого был Натансон) он покончил в ссылке, где перешел идейно и практически на сторону нас — партийцев-ленинцев.

Будучи ленинцем, он репрессировался (1904—1905 гг.), но это не заставило его колебаться. Его советская работа, посты, которые он с честью занимал (председатель Госплана РСФСР, зампред СНК РСФСР и др.), свидетельствуют о его четкой политической позиции.

Лично он производил особо благоприятное впечатление до самого ареста своей стойкой советской настроенностью, и я не могу поверить, чтобы такой человек мог быть замешан в отступничестве.

Г. Кржижановский

ЦГАНХ СССР.
Ф. 92. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.
Заверенная копия

В. Казаков

В НИЖЕГОРОДСКОМ ПОДПОЛЬЕ

Штаб-ротмистр Трещенков, начальник Нижегородского жандармского охранного отделения, с утра был не в настроении. Медленно прохаживаясь по кабинету, он мысленно анализировал происходящие события. Да, в 1905 г. в России изо дня в день растет волна революционных выступлений рабочих и крестьян, значительно усилилась деятельность противозаконных партий.

Накал событий в Н. Новгороде и губернии также из месяца в месяц увеличивается. Только в этом году произошло около 120 стачек, в которых приняло участие свыше 53 тыс. рабочих. Тайные агенты завалили его письменными сообщениями, добывая все новые и новые сведения об активизации деятельности подпольных партий, особенно большевистской.

А губернатор медлит, и полиция чего-то ждет. Будь его воля, он не стал бы либеральничать.

Еще в июне он доносил Департаменту полиции: «К сему считаю долгом доложить вашему превосходительству, что о каждой сходке мною заранее докладывается его превосходительству г. нижегородскому губернатору, но со стороны чинов полиции не принимается никаких мер к недопущению сходок, между тем подобного рода массовые сходки являются крайне нежелательными, тем более в настоящее время ввиду приподнятого настроения сормовских рабочих». А что в результате?

Несколько успокоившись, он сел за стол, подвинул к себе папку с донесениями тайных агентов и стал читать записку одного из них от 19 ноября 1905 г.: «16-го и 17-го на собрании соц.-дем. большевиков, представителями Нижегородского комитета фракции большинства Андр. Матв. Лежавой, Лопатиным, Борис. Павл. Позерном, Ник. Ал. Семашко, Сергеем К. решались следующие вопросы: 1) о выборах делегатов на конференцию в Москве, которая состоится 21-го числа сего месяца. Те же делегаты поедут и на 4-й съезд в Питер 10 декабря сего года...»

Быстро дочитав текст до конца, ротмистр довольно улыбнулся. Вот как сумел он поставить дело! Один из его агентов работает в самой организации большевиков. Быстро схватывает и толково излагает суть дела. Такому агенту цены нет. Не забыть бы выписать ему дополнительные наградные.

Ротмистр окончательно успокоился. Посмотрел еще несколько донесений и остановил взгляд на фамилии Лежава, которая несколько раз встречалась в них. Лежава? Фамилия редкая. Однако он ее где-то уже встречал. Да, да, припоминается: это он был арестован в декабре 1904 г. во время разгона полицией участников вечера в Народном доме. Лежава выступал на этом вечере. Правда, много ему говорить не дали. Старый знакомый...

Надо еще раз посмотреть его дело. Ротмистр попроснл прннестн. Открыл дело. Стал чнтать.

Андрей Матвеевич Лежава роднлся 19 февраля 1870 г. в г. Сигнахи (Грузня) в семье крестьяннна. Отец позднее стал железнодорожным рабочнм. Окончнл Тбнлнсскнй учнтельский инстнтут. Ротмистр брезгливо поморщнлся: «Выучнлся людей баламутнть».

Он быстро дочнтал сухне строчки бнографнн А. М. Лежавы. Так... начал как народник. В 1893 г. работал в Смоленске. Органнзовал подпольную типографню. Был арестован. Два года просндел в Петропавловской крепостн. Затем 5 лет пробыл в якутской ссылке. Прнмкнул к марксистам. Соцнал-демократ. Большевнк. Ротмнстр раздраженно броснл «Дело» на стол. Было ясно, что А. М. Лежава опытный революцнонер, с нзбранного нм путн вряд лн свернет. В этом жандармскнй ротмнстр был совершенно прав.

До переезда в Нижннй Новгород нз Воронежа Лежава имел уже большой опыт революцнонной работы. Но оставаться в Воронеже становилось невозможно, н он решнл переехать. Друзья помоглн ему устронться помощнником нnспектора пароходства «Надежда» в Н. Новгороде. Как позднее вспомннал Андрей Матвеевнч, «протнв моего переезда в Н. Новгород снльно возражал внце-губернатор барон Фредерникс, исполнявшнй в то время обязанностн ннжегородского губернатора, он уступнл лншь после того, когда я ему сказал, что я заключнл договор с акцнонерным обществом «Надежда», в котором предусмотрена неустойка в случае моей неявкн к установленному сроку на службу, н что, заключая этот договор, я руководствовался отсутствием возраженнй со стороны Департамента полнции». Ссорнться с влнятельнымн, а главное, денежнымн хозяевамн Лежавы у барона желания не было.

С августа 1903 г. А. М. Лежава жнл в Н. Новгороде. Находнлся под особым надзором полицни, что, однако,

не мешало ему вести активную агитационную работу. Установив связь с большевиками, он близко сошелся с Н. А. Семашко, А. П. Невзоровой, П. М. Керженцевым, П. И. Лебедевым, М. Ф. Владимирским. Проводил работу среди водников.

Здесь, в Н. Новгороде, более семидесяти лет назад, в 1904 г., у Андрея Матвеевича произошло знаменательное событие. Он стал членом большевистской партии, вошел в состав Нижегородского комитета РСДРП. Его революционная деятельность приняла целенаправленный характер. А. М. Лежава стал страстным агитатором и пропагандистом, постоянным оратором на рабочих собраниях и митингах. Выступать он умел. Это было подмечено тайными агентами царской охранки. В одном из жандармских документов было записано: «Речи его являются крайне возбуждающими».

Для выступлений большевик-подпольщик использовал любой удобный момент. Так было и 29 декабря 1904 г. В Народном доме шел вечер, на котором присутствовало более 1000 человек. В зале стихийно возник митинг. Успели выступить лишь два оратора, вторым из них был Лежава. Около 20 минут он горячо призывал не доверять обещаниям правительства и объединять свои усилия в борьбе с самодержавием. Внезапно в зале погасили свет и полиция зверски начала избивать присутствующих. Полицейские грубо стащили Лежаву со сцены и арестовали...

Около месяца он провел в тюрьме, был выпущен под залог. Обретя свободу, Андрей Матвеевич вновь в гуще революционных событий.

С октября 1905 г. революционная борьба рабочих и крестьян поднимается на новую, более высокую ступень. События с каждым днем нарастали, и в декабре вылились в вооруженное восстание. Большую работу проводили в тот период нижегородские большевики. Но силы оказались слишком неравными, и вооруженное восстание

было жестоко подавлено. Началась полоса репрессий. В тюрьму попали члеиы Нижегородского комитета РСДРП Н. А. Семашко, А. П. Невзорова, П. М. Лебедев-Кержеицев и другие. Был арестован и А. М. Лежава. В июле 1906 г. его освобождают из тюрьмы и он уезжает в Саратов.

В 1907 г. Лежава, по предложению Нижегородского комитета РСДРП, на некоторое время вернулся в Н. Новгород. Принял участие в избирательиой кампаиии во II Государствеиную думу. Был избраи в выборщики, но в Думу ои не прошел из-за вероломства эсеров, которые, вопреки соглашению, отдали голоса за своего каидидата.

В дни Великой Октябрьской социалистической революции А. М. Лежава участвовал в национализации страховых обществ.

В советское время он находился на ответственных постах государственной деятельности: был заместителем иаркома внешией торговли, наркомом виутреией торговли, заместителем председателя Совнаркома Российской Федерации и одновремеиио председателем Госплана РСФСР.

С 1930 по 1937 г. работал начальиком Главного управления субтропических культур СССР. Делегат X, XIII—XVII съездов партии, избирался членом ЦКК, членом ЦИК и ВЦИК ряда созывов.

Горьковчане помнят и чтут память Андрея Матвеевича Лежавы, верного сына Коммуиистической партии, в которую он вступил семьдесят лет назад в Нижием Новгороде.

Горьковская правда. 1975.
17 января

Л. А. Фотиева, М. Л. Сулимова,
М. А. Ефремов

ПЛАМЕННОЕ СЕРДЦЕ КОММУНИСТА

Комната небольшой кремлевской больницы, где находился внезапно заболевший Андрей Матвеевич Лежава, была мало похожа на больничную палату. Скорее она напоминала рабочий кабинет — так часто толпились у постели больного работники Наркомата внешней торговли, согласовывая и решая неотложные дела. К большой радости Андрея Матвеевича, весной 1921 г. побывал у него и Владимир Ильич Ленин.

Трудной была эта весна 1921 г. Тысячи дел требовали личного ленинского вмешательства, решений. И все же Владимир Ильич выбрал время, чтобы навестить своего старого товарища. Увидев, что у постели больного целыми днями толпится народ, В. И. Ленин тут же распорядился поставить в комнате телефон, а по выходе Андрея Матвеевича из больницы настоял на его отправке за границу для лечения. Ленинский образ и стиль работы, ленинская чуткость и простота — вот идеал, верным которому остался навсегда Андрей Матвеевич.

Начало жизненного пути сына железнодорожного рабочего Лежавы характерно для целого поколения российских революционеров. В ранней юности он увлекался идеями «Народной воли». Участвовал в революционных кружках, распространял нелегальную литературу, работал в подпольной типографии. В 1894 г. был впервые арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Позже в верхоленской ссылке познакомился с марксистской литературой и под влиянием ссыльных революционеров, в первую очередь Н. Е. Федосеева, стал социал-демократом.

Важнейшее событие, происшедшее в жизни А. М. Лежавы, связано с Нижним Новгородом. Здесь в 1904 г. он

вступил в партию, здесь проводил в жизнь ленинскую тактику революции 1905 г., дважды был арестован. Выйдя из тюрьмы, Андрей Матвеевич вновь на большевистской работе. И в годы реакции, и в годы подъема революционного движения он выполняет задания партии. Узы большой, настоящей дружбы связывали его с М. С. Ольминским, Г. М. Кржижановским, Марией Ильиничной и Анной Ильиничной Ульяновыми, с М. Т. Елизаровым и другими старейшими большевиками.

После Великого Октября Андрей Матвеевич — активный участник национализации страховых акционерных обществ, возглавляет Всероссийский центр рабочей кооперации, а в июне 1920 г. назначается заместителем наркома внешней торговли.

Владимир Ильич Ленин придавал исключительно большое значение монополии внешней торговли, считая ее одной из командных высот диктатуры пролетариата. А. М. Лежава был одним из тех, на кого опирался Владимир Ильич в борьбе против Сокольникова, Бухарина и других, выступавших за отмену монополии. «Нельзя нам теперь дальше отступить от монополии внешней торговли, чем то предлагал и предлагает Лежава в своих тезисах,— указывал Владимир Ильич в одном из документов и предлагал: — ...принять завтра же тезисы Лежавы».

В этот период Владимир Ильич дает А. М. Лежаве множество поручений, связанных с вопросами внешней торговли, требует справок, запрашивает его мнение. В своих выступлениях и письмах он не раз ссылается на сведения, полученные от Лежавы, считая их проверенными и достоверными, а его предложения — обоснованными. В одном из писем Владимир Ильич, в частности, замечает: «...поправка, внесенная Лежавой, вытекает из правильно понятых хозяйственных интересов России».

В 1923 г. партия поручает Андрею Матвеевичу организацию внутренней торговли, а весной 1924 г. он наз-

начается народным комиссаром внутренней торговли СССР. Сын рабочего не имел высшего образования. Но природные способности, помноженные на многие годы самообразования в тюрьмах и ссылках, помогли ему стать высококультурным человеком. Работая еще до революции в страховых обществах, он хорошо изучил экономику страны, организацию капиталистической торговли и промышленности. Эти знания слабых и сильных сторон частного капитала во многом помогли Андрею Матвеевичу. В свою очередь он учил молодых советских работников торговли выполнять требования партии — культурно торговать, учитывать и удовлетворять многообразные запросы и вкусы потребителя.

В декабре 1924 г.— новое назначение. А. М. Лежава становится заместителем председателя Совнаркома РСФСР, одновременно он организует и возглавляет Госплан Федерации.

Те, кто близко знал А. М. Лежаву, всегда отмечали широкий диапазон его интересов. Неустанно занимаясь решением проблем первой пятилетки, он в то же время с увлечением работает над проведением в жизнь ленинских идей создания советской кинематографии. Именно в эти годы советский кинематограф прочно становится на ноги и завоевывает мировую славу. Много сил отдает Андрей Матвеевич развитию курортного дела, созданию новых научных учреждений и множеству других вопросов.

Энергия этого человека была поистине неисчерпаемой. В 1927 г. в стране развернулось мощное общественное движение по борьбе с бездорожьем, за быстрейшее развитие автотранспорта. Без этого нельзя было решить огромных задач, поставленных партией в области индустриализации страны и подъема сельского хозяйства. Было организовано Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог. Автодор объединил в своих рядах крупнейших ученых, инженеров, техников, сотни тысяч энтузиастов города и деревни. Руководителем его

стал заместитель председателя Совнаркома РСФСР Лежава. Андрей Матвеевич очень любил эту работу, увлекался ею, говорил, что она дает ему большое удовлетворение. Он организовал и с напряженным вниманием следил за Каракумским автопробегом, показавшим высокое качество первых советских автомашин.

В 1930 г. Андрею Матвеевичу исполнилось 60 лет, но увлеченность работой с годами нисколько не ослабевала. С необычайной энергией трудится он и на посту члена коллегии Наркомснаба СССР, и в должности начальника Управления рыбной промышленности. Горячо принимает к сердцу трудности осенних и весенних путин, борется за их успех так же, как позднее отдает все знания и энтузиазм организации субтропического хозяйства СССР. Андрей Матвеевич с большим увлечением относился к проблеме развития южных районов, ясно видел их необычайно богатые возможности, как и во всех своих начинаниях, опирался на широкую общественность — ученых, садоводов-любителей, комсомол, юннатов.

Жизнь А. М. Лежавы оборвалась трагически в 1937 г. Он погиб, став жертвой произвола периода культа личности.

А. М. Лежава был делегатом XIII, XIV, XV, XVI и XVII съездов партии, избирался членом ЦКК, был членом ЦИК и ВЦИК ряда созывов. Все, знавшие Андрея Матвеевича, горячо любили его и хорошо помнят обаятельный образ этого энергичного, приветливого и отзывчивого человека. Он очень любил жизнь, полную кипучей деятельности. И он многое сделал для жизни, для поколения, которое сегодня продолжает дело своих отцов.

Советская Россия. 1965.
17 февраля

Выступления и статьи

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1870 г. в г. Снгнахе Тифлисской губерини. Отец мой, из крестьян Кутансской губерннн, еще мальчиком 14 лет бежал нз родительского дома, скитался довольио долго по разиым местам Сигнахского уезда, попал, иакоиец, в услужеине к священиинку, у которого он обучился грамоте, а впоследствии, юношей, стал псаломщиком. Однако вскоре после женитьбы он броснл духовиую карьеру н пошел в приказчики в торговое предпрнятне, сиачала в Снгиахе, а затем в Тифлнсе, куда он перевез семью: мою мать н меня трех лет, н с намн переехали моя бабка по матери и ее едннственный сыи, мой дядя, тогда, вероятно, лет пятнадцати.

Года через два моя мать умерла от брюшного тнфа, и я остался на попечеиии бабушкн. Отцу по службе, видимо, не везло,— ои часто менял хозяев и коичил поступлеиием на железиую дорогу, сиачала линейиым сторожем на Закавказских жел[езных] дор[огах], а под конец, до самой смерти, служил стрелочииком на станцни Батум. Приблизительно с десятилетнего возраста, когда отец перешел иа жел[езио]доро[жную] службу, я видел его лишь урывками, во время его приездов в Тифлис н во время моих поездок к иему в каиикуляриое время. Овдовев молодым человеком, он отказался от второго брака, объяснив моей бабке, что при его заработке ои едва мо-

жет уделять деньги на мое воспитание, и о семье ему думать не приходится.

Мы с бабкой существовали на деньги, зарабатываемые дядей и присылавшиеся моим отцом. Бабка была очень добрая женщина, любила меня и баловала безгранично, ни в чем меня не ограничивая. Мой отец мечтал сделать из меня врача или инженера. Меня рано потянуло к книжке. Пяти или шести лет, по моему настоянию, бабка определила меня в армянскую школу, где преподавателем был П. И. Катаньян, который меня очень полюбил и, когда я заболел оспой, проявлял большое внимание к моей судьбе, а когда я стал поправляться, несколько раз навещал меня. Светлый образ этого педагога на всю жизнь остался в моей памяти.

Потом меня определили в прогимназию, вскоре ставшую 2-й Тифлисской гимназией. Моими товарищами и теперь продолжали оставаться уличные мальчики Авлабара. Впрочем, в этой гимназии тоже было немало ребятишек из той же среды, к которой принадлежал и я. И наряду с нами, детьми семи — десяти лет, в одном и том же классе сидели бородатые верзилы в двадцать и более лет, отпрыски княжеских фамилий или богатых торговцев. Такой состав, вероятно, имел хорошее воспитательное значение для нас, ибо мы все время обретались в противоположных лагерях, между собой враждовавших.

Дойдя до третьего класса, я стал увлекаться литературой — особенно Пушкиным и Гоголем. На почве увлечения чтением лучших писателей у нас образовался маленький кружок гимназистов, где, между прочим, стали у нас дебатироваться разные этические вопросы. Результатом этих дебатов было то, что я однажды неожиданно объявил своей бабке, что не желаю больше учиться в гимназии, что хочу жить своим трудом и что я решил поступить на телеграф (влияние соседа-телеграфиста). Бедная старушка сделала слабую попытку отговорить меня,

но, вероятно, не выдержав моих настояний, а может быть, и капризов, пошла к моему классному наставнику И. Е. Гамкрелидзе, который всячески отговаривал от этого шага и ее и меня, так как я был одним из лучших учеников. Но ничто не помогло.

На государственный телеграф меня не приняли («до ключа ты еще не дорос»). Я тогда поступил на ж[елезно]д[орожный] телеграф, но вскоре бросил телеграф и начал учиться столярному ремеслу. На ж[елезно]д[орожном] телеграфе, а впоследствии в столярных мастерских моя жизнь потекла совсем по-иному: я покинул бабушку (чтобы совсем стать самостоятельным), поселился с товарищем столяром где-то на чердаке, голодал, холодал. Терял работу, опускался на дно, пьянствовал, отбился от большинства прежних товарищей и, потеряв таким образом около трех лет, спохватился, вернулся вновь к бабке и объявил, что хочу учиться. Об истинном характере этого периода моей жизни мои родные почти ничего не знали. Больше знала бабка, которая терпеливо ждала, когда у меня пройдет эта дурь. Дурь, видимо, прошла, и я признал, что я далеко ушел от мечты о самостоятельной трудовой жизни. Вероятно, пришлось над собой сделать большое усилие, так как поворот у меня вышел очень крутой. Обрел новых товарищей, связался с новыми кружками. Среди моих товарищей теперь были и рабочие, и интеллигенты. Это было в середине 80-х гг.

К этому времени относится мое первое знакомство с подпольной литературой, листками «Народной воли» — «Письма из Петропавловской крепости». Эти «Письма» на меня и на ближайшего моего товарища Сергея Вартанова произвели огромное впечатление, и мы с ним торжественно поклялись отдать жизнь на борьбу с тиранией. В то же время в Тифлисе много было революционной интеллигенции и рабочих из России, или высланных, или заблаговременно удравших на далекую окраину от шпи-

онских преследований. Я быстро втянулся в эту среду, в ней стали складываться мое сознание и мои общественные и политические симпатии.

Очутившись перед лицом нескольких рабочих кружков, среди которых я играл роль руководителя, я скоро понял недостаток своей подготовки для новой своей роли. Я окончательно решил учиться, причем от гимназии отказался, а решил идти в Учительский институт, где, мне казалось, я мог получить как раз такое образование, какое нужно для пропагандистов, и где были хорошие революционные традиции. А для поступления в Учительский институт мне понадобилось два года, чтобы окончить шестиклассное городское училище. Последующие шесть лет учения полны самой напряженной работы над собственным развитием в различных легальных и нелегальных кружках. Одновременно приходилось давать уроки, чтобы зарабатывать на существование, но заработок получался пустяковый, и я жил вновь на средства дяди и отца.

К этому времени относится мое знакомство с находившимися в Тифлисе видными деятелями революции, с которыми я сблизился и к которым проникся величайшим уважением и любовью. Среди них должен назвать народовольцев, впоследствии руководителей армянского национального революционного движения — Семена Заварьяна и Христофора Микаеляна, в девяностых годах убитого на Балканах взрывом бомбы при ее испытании. Позднее приехал в Тифлис из березовской ссылки Н. М. Флеров, с которым я сдружился и с которым не терял связи почти до конца его жизни. Влияние Флерова на мое развитие в ту пору было весьма велико.

В 1893 г. я поехал в Москву, где рассчитывал приобщиться к революционным центрам. Одновременно в Москве я делал попытки слушать лекции в Московском университете по физико-математическому факультету, устро-

ился преподавателем в воскресной школе при Курских ж[елезно]д[орожных] мастерских, где быстро сошелся с группой революционно настроенных рабочих. Но все это пришлось прервать, так как ко мне явился Н. М. Флеров, переехавший в это время в Харьков, и предложил мне принять участие в устройстве нелегальной типографии только что организовавшейся партии «Народное право», которая, борясь за социализм, предполагала на ближайшей ступени объединить в борьбе против царизма самые разнообразные элементы революционные и даже оппозиционные. «Вот вам и возможность снабжать Тифлис социалистической литературой»,— говорил мне Н. М. Флеров.

«Народное право» начало складываться на меже двух эпох нашего революционного движения: распада «Народной воли» и реакции 80-х гг. и начала марксистского и широкого рабочего движения 90-х гг. В Москве я застал в кружках дебаты, посвященные критике народовольчества, пересмотру его программы, и споры между народниками и первыми марксистами. Не успев разобраться в этих теоретических спорах, я дал согласие Флерову на работу в типографии, и в связи с этим вскоре ко мне явился М. А. Натансон, один из организаторов «Народного права», и сговорился со мной о работе. Я отправился в Смоленск, где была устроена подпольная типография, и приступил к ее обслуживанию.

Через 4 месяца народоправцы провалились; по обнаружении близкого провала типография спешно начала ликвидироваться, я был послан в Харьков, где меня арестовали в апреле 1894 г. Два с лишком года провел в Петропавловской крепости, доме предварительного заключения и на этапах и в ноябре 1896 г. был водворен в Верхоленск, куда был сослан на 5 лет.

Пять месяцев этапного пути (тогда еще не было железных дорог) дали большое знакомство с различными революционными течениями, представители которых бы-

ли в составе арестантских партий. В этом отношении весьма поучительно было также продолжительное пребывание в Бутырской тюрьме (около 5 месяцев) в ожидании этапа. И в «Бутырках», и потом в пути мне пришлось близко познакомиться с М. А. Натансоном, Н. С. Тютчевым и из продолжительных бесед с ними почувствовать и осознать основные ошибки народничества, особенно же народоправчества.

В Верхоленске продолжалось мое дальнейшее политическое развитие. В верхоленской колонии были представлены различные революционные течения того времени и из различных местностей. Господствующей темой наших споров и дебатов были вопросы народничества и марксизма. Здесь я стал марксистом, близко сошелся с такими марксистами, как Н. Е. Федосеев, К. К. Бауер, Ляховский и другие. По возвращении в Россию я принял участие в рабочем движении уже марксистом. В 1901 г. после ссылки я был секретарем правления Потребительского общества Закавказской ж[елезной] д[ороги] в Тифлисе. Однако через несколько месяцев должен был покинуть Тифлис ввиду начавшейся за мной охоты со стороны охранки.

Я поселился в Воронеже, где работал в качестве заведующего складом сельскохоз[яйственных] орудий и семян Воронежского отд[еления] Московского о[бщест]ва сельского хозяйства. Через два года должен был покинуть эту работу, вследствие полицейских преследований, и попытался устроиться оценщиком при город[ской] управе, но и тут полиция мне не дала работать; тогда я перешел на службу в частное предприятие — в банк, где я проработал около полугода. К концу 1903 г. мои знакомые предложили мне место помощника инспектора в пароходстве К° «Надежда» на Волге, и я переехал в Нижний.

В Воронеже мне в качестве представителя третьего элемента пришлось участвовать в работах Воронежского

уездного комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, учрежд[енного] в Питере под председательством Витте. Этот воронежский комитет прогремел своими радикальными резолюциями. После продолжительных работ, в которых и я принимал участие, накануне официального заседания комитета, на котором должны были быть сделаны доклады и оглашены резолюции, на совещании группы руководящих либеральных земских деятелей уездный предводитель дворянства И. Т. Алисов, он же председатель комитета, заявил, что он мне завтра в комитете слова не даст, ибо «еще не пришло время для таких революционных заявлений». Произошло замешательство. Сколько земцы его ни уговаривали — он был непреклонен. Тогда один из земцев, врач и помещик С. В. Мартынов, когда-то народоволец, о котором Плеве говорил, что он, Мартынов, у него в 1881 г. с виселицы сорвался, обратился ко мне: «Вот что, нигилист, напишите на бумаге сегодня все, что хотите сказать, а я завтра прочту в комитете,— меня Алисов слова не может лишить».

Я в ту же ночь вместе с воронежским врачом Гинзбургом составил прокламацию, в которой говорилось, что ни о каком поднятии сельскохозяйственной промышленности не может идти речь, покуда не будет свергнуто самодержавие, и через временное правительство не будет созвано учредительное собрание. В битком набитой публикой зале, после речи знаменитого педагога Бунакова, призывавшего назад к реформам Александра II, Мартынов огласил нашу прокламацию, прочитав ее до конца без пропуска. Председатель делал попытки остановить его, но Мартынов, отмахиваясь от него рукой, делал свое. В эту же ночь Мартынов и Бунаков были арестованы. В это время в Воронеже была целая колония состоявших там под надзором полиции, в числе которых были: А. И. Любимов, Л. И. Карпов, Ф. И. Кривобоков (Невский), Н. А. Карташев с женой и другие. Там же я познакомил-

ся и близко сошелся с иыие покойиым Жилиным и А. И. Любимовым.

Против моего переезда в Н[ижний] Новгород сильно возражал вице-губериатор барои Фредерикс, исполиявший в то время обязанности нижегородского губернатора; он уступил лишь после того, когда я ему сказал, что я заключил договор с акционерным обществом К° «Надежда», в котором предусмотрена иеустойка в случае моей иеявки к установлеиному сроку иа службу, и что, заключая этот договор, я руководствовался отсутствием возражеиий со стороиы Департамента полиции.

По прошествии иекоторого времени я позиакомился с жившими в Н[ижием] Новгороде товарищами и постепеино стал втягиваться в работу местиой организации. Осеиью 1904 г. в Н. Новгороде происходил миоголюдный учительский съезд, который был использоваи нашим партийиым комитетом для агитации среди съехавшихся учителей. На различных иелегальных собраииях перед учителями выступали, с одной стороиы, эсеры, с другой стороиы, иаши товарищи. Помию, в это время в Нижием работал среди эсеров Е. Колосов, ие без успеха работавший и среди учителей.

Мне пришлось принять деятельиое участие в этой борьбе и закончить открытым выступлением в Народиом доме перед концертом с большой речью о текущем момеите (происходила войиа с Япоиией) и закоичить речь призывом к вооружеииому восстанию. Полиция ожидала подобного финала, своевремеино мобилизовалась и в битком иабитый зал во время моей речи ввела многочисленные отряды городовых. Полиция и жаидармы минут двадцать продолжали слушать мою речь до конца, а затем, по даниому ими сигиалу, свет в зале был погашеи, раздалась комаида «сабли наголо», и городовые принялись в темиом зале избивать людей. Я был по этому делу арестован, и было возбуждеио дело против меия. Но безобразия полиции были столь вопиющи, что прокурор ока-

зался вынужденным при резких протестах губернатора Унтербергера (организатор первых черносотенных погромов в России) возбудить дело и против полицмейстера Игнатьева — руководителя полицейского погрома в Народном доме. Меня взяли под залог мои хозяева, нижегородские купцы, а следствие по делу тянулось до конца 1905 г.

Продолжая работать в составе нашей организации весь 1905 г., я был арестован в декабре этого года, и в июле 1906 г., вследствие вмешательства с[оциал]-д[емократической] фракции Государств[енной] думы, постановлением Моск[овской] суд[ебной] палаты был освобожден. После этого я был вынужден скрыться из пределов Нижегор[одской] губ[ернии] ввиду приказа жандармов о моем аресте и привлечении в административном порядке.

По предложению Нижегородского комитета в 1907 г. я вновь вернулся в Нижний и принял участие в избирательной кампании во II Государственную думу. Не попав в Государственную думу лишь вследствие измены со стороны эсеров, которые, вопреки заключенному с нашим комитетом соглашению, свои голоса передали выдвинутому ими кандидату Долгопятову, я избежал каторги, в которую попали все члены с[оциал]-дем[ократической] фракции II Думы. Я поселился в Саратове и в течение ряда лет работал в страховом деле, находясь в разъездах по губерниям Юго-Восточной области. Служба в страховых предприятиях за это время дала мне возможность близко ознакомиться с экономикой всего этого обширного края.

В 1916 г. я переехал на службу в Москву и здесь через Ольминского связался с наладившимся кружком, в котором были Смидович, Ногин, И. И. Скворцов и другие. В начале 1917 г. по страховым же делам я переехал в Петроград, очень часто бывая и в Москве, где я принимал участие в рабочей группе Продовольственного ко-

митета, а с начала Октябрьской революции я отдал все свои силы на хозяйственное строительство, сначала в области страхового дела, а затем кооперации и торговли.

Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Изд. 7-е. Т. 41. Ч. 1. Приложение. Стлб. 296—303

ВОСПОМИНАНИЯ

О Н. Е. ФЕДОСЕЕВЕ[1]

Очень скоро по приезде Николая Евграфовича в Верхоленск у нас с ним установилась большая дружба, несмотря на то что я один из всей колонии отказался войти в разбирательство дела Федосеев — Юхоцкий, на самом обстоятельном разборе которого Николай Евграфович

[1] В. И. Ленин в статье «Несколько слов о Н. Е. Федосееве» 6 декабря 1922 г. вспоминал: «Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению. Помню, что на этой почве началась его полемика с Н. К. Михайловским, который отвечал ему в «Русском богатстве» на одно из его нелегальных писем. На этой почве началась моя переписка с Н. Е. Федосеевым. Помню, что посредницей в наших сношениях была Гопфенгауз, с которой я однажды виделся и неудачно пытался устроить свидание с Федосеевым в г. Владимире. Я приехал туда в надежде, что ему удастся выйти из тюрьмы, но эта надежда не оправдалась.

Затем Федосеев был сослан в Восточную Сибирь одновременно со мной и в Сибири кончил жизнь самоубийством, кажется, на почве тяжелой личной истории в связи с особенно неудачно сложившимися условиями жизни.

Насколько я помню, моя переписка с Федосеевым касалась возникших тогда вопросов марксистского или социал-демократического мировоззрения. Особенно осталось в моей памяти, что Федосеев пользовался необыкновенной симпатией всех его знавших, как тип революционера старых времен, всецело преданного своему делу и, может быть, ухудшившего свое положение теми или иными заявлениями или неосторожными шагами по отношению к жандармам.

Возможно, что у меня где-либо остались некоторые обрывки писем или рукописей Федосеева, но сохранились ли они, и можно ли их разыскать — на этот счет я не в состоянии сказать ничего определенного.

чрезвычайно настаивал и придавал ему большое значение. Я заявил, что низость и пошлость поведения Юхоцких и К° столь очевидна как для меня, так и для колонии, что о нашей оценке их поведения надо донести до сведения интересующихся товарищей и дело похоронить, дабы не сгущать еще более атмосферы ссылочных дрязг и бесконечных судбищ по всяким вздорным поводам.

Николай Евграфович такого отношения не мог переваривать. Тем не менее мы стали большими приятелями. Мы были людьми разного происхождения и разного воспитания. Он — из русской дворянской семьи с тонкой душевной организацией и изящными манерами, благодаря удивительной природной чуткости к чужому страданию и выдающимся умственным способностям «сверху» понял правду жизни и пришел к социализму. Я с 14 лет начал посещать рабочие кружки народовольцев и работать в них, а со временем почувствовал потребность в освещении практики знанием и наукой. Мы были ровесники, но как марксист он был старше и богаче меня, зато опыта у меня было больше.

Когда мы встретились, мы были единомышленники. Он кончал свою в высшей степени интересную работу о падении крепостного права. Это был истинно научный труд.

Об этом труде разговоров у нас было без конца. Для того времени и замысел и выполнение такой работы были необычны. Это свидетельствовало о выдающихся дарованиях Николая Евграфовича.

Он был в переписке с профессорами и учеными, занимавшимися эпохой освобождения крестьян, и от них по-

---

Во всяком случае, для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 324—325). *Ред.*

лучил немало очень ценного для своей работы материала.

Я не знаю в нашей литературе ни одного труда, который мог бы равняться с произведениями Николая Евграфовича по глубине и исчерпывающей разработке вопроса.

Он отлично понимал значение своего труда, много над ним работал, дополнял, изменял отдельные его места; соединял в нем строгую научность с популярностью изложения. Он ни на минуту не забывал, что марксистская литература должна быть доступна рабочим, и потому писал весьма популярно. Это ему давалось тем более, что у него был прекрасный стиль письма.

Нравственный облик Николая Евграфовича обрисован в предыдущих статьях[1]. У меня с ним очень часто бывали горячие схватки из-за его болезненной чуткости к клеветам гг. Юхоцких. Для меня эти господа со своими одураченными двумя рабочими с самого начала попали в категорию наших врагов, которые не так еще должны поливать нас. И положение нисколько не менялось от того, что они также были политическими ссыльными. Николай Евграфович не мог забыть, что они вели социал-демократическую работу, что у них были связи с людьми, которые им доверяли и которые их не так оценивали, что с ними были рабочие, хотя бы и темные и развращенные демагогией Юхоцких. А раз так, говорил он, надо выяснить, надо разбирать, надо восстановить истину.

Что именно окончательно толкнуло его на роковой выстрел, я не могу сказать. В последнее время я очень опасался такой развязки, принимал всяческие меры отвлечения его. Заботились об этом и остальные товарищи. Несомненно лишь, что это не было актом минутного настроения.

Тяжело раненный выстрелом, Николай Евграфович прожил с нами еще несколько часов. С поразительно яс-

[1] **Имеются в виду статьи, вошедшие в сборник о Н. Е. Федосееве, вышедший в 1923 г. в Госиздате.** ***Ред.***

ным сознанием и удивительным спокойствием он говорил с нами, стоявшими безмолвно полукольцом вокруг его постели. Как ему хотелось жить! Как интересна для него была жизнь! «Начинается великая эпоха формирования и развертывания могучего русского пролетариата, нужна колоссальная работа...» «А не надо бы!..» — вырвалось у него признание ошибочности решения о самоубийстве. Мы стояли бессильные и ждали неминуемого конца. Никто из нас не мог проронить ни слова, спазмы в горле не давали говорить...

Русская революция и русский пролетариат в лице Николая Евграфовича потеряли большого человека.

Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России. (Сборник воспоминаний). М.; П., 1923. С. 133—134

О В. И. ЛЕНИНЕ

В бытность мою в Наркомвнешторге весной 1921 г. я тяжело заболел и слег в постель и лишь к концу лета, несколько оправившись, выехал за границу для полного восстановления здоровья. По окончании там курса лечения я остался за границей для ознакомления с делами наших торгпредств за границей. Владимир Ильич на это согласился и прислал мне телеграфное подтверждение своего согласия; однако в начале ноября я получил от Владимира Ильича несколько телеграмм, в которых он торопил меня возвратиться в Москву. О причинах такого спешного вызова в телеграммах ничего не говорилось, но из писем, получавшихся мною от моих сотрудников из НКВТ, я мог догадаться, что в связи с только что провозглашенной новой экономической политикой из различных ведомств стали нажимать на наш комиссариат в целях ослабления тисков монополии внешней торговли. Телеграммы Владимира Ильича меня застали в Лондоне,

где в это время находился нарком внешней торговли, он же полпред в Англии т. Красин. По поводу предстоявшего в Москве натиска на монополию внешней торговли мы с ним имели суждение и, сговорившись об общей линии защиты монополии, решили, что первый нажим ведомств и организаций на наш комиссариат приму на себя я, а если окажется необходимым, то подъедет т. Красин.

По приезде в Москву в тот же день я позвонил Владимиру Ильичу и получил от него приглашение зайти к нему немедленно. Мои предположения оправдались. Владимир Ильич в самом же начале сообщил мне, что Центросоюз и др[угие] организации требуют выхода на внешний рынок, что надо срочно с этими учреждениями вступить в сношения и достигнуть с ними соглашения, что нэп требует рассмотрения этих заявлений.

Мне хотелось в словах Владимира Ильича уловить, произошла ли у него какая-либо перемена под напором кооператоров и ВСНХ-цев по вопросу о монополии внешней торговли. Но мне ничего уловить не удалось. А когда я попытался в очень осторожной форме поставить этот вопрос, то понял, что он от беседы на эту тему уклонялся. При прощании, когда речь зашла о ликвидации весеннего спора моего с кем-то из товарищей по случаю нарушения нашей монополии, я, полушутя, кинул Владимиру Ильичу, что мои заграничные впечатления сделали меня еще более ортодоксальным монополистом внешней торговли. На это он мне заметил: «Ортодоксальным-то в этом деле не нужно быть». На другой же день я вступил в переговоры с председателем Центросоюза т. Хинчуком и в первую очередь постарался выяснить, в какой мере и на какой предмет Центросоюзу понадобилось поставить вопрос о непосредственном выходе на внешний рынок и какие операции в ближайшую очередь им намечаются.

Дело в том, что всего дней за 10 до этих переговоров, в бытность мою в Лондоне, я в качестве члена правления

Центросоюза имел совещанне с генеральным секретарем международного кооператнвного союза — мнстером Мэй и с представнтелем англнйского кооператнвного общества оптовых закупок, с которыми мы наметнлн путн организованной кооператнвной торговой связн между Центросоюзом н обществом оптовых закупок, с одной стороны, и об установленнн вообще взаимоотношений между Центросоюзом н др[угнмн] нацнональнымн кооператнвнымн учреждениямн.

Основываясь на этнх монх переговорах в Лондоне, я и повел переговоры с Центросоюзом в этом направленин и выработал соглашенне, подпнсанное мною н т. Хннчуком, которое Центросоюзу предоставляло право выхода на внешннй рынок для производства непосредственных торговых операцнй с заграннчнымн нацнональнымн кооператнвнымн объединеннямн под контролем н общнм руководством органов НКВТ.

Когда об этом соглашеннн я сообщнл Владнмиру Ильнчу, я опасался с его стороны упрека в том, что я не дал большего простора работе Центросоюза за граннцей. Но Владимир Ильнч, вннмательно выслушав мон объяснення, несколько раз переспроснл меня: «Центросоюзннкн обсуждалн этот вопрос — и согласнлнсь?» На мой ответ, что по этому основному вопросу у нас разногласнй нет, что осталнсь несогласованнымн лншь несколько второстепенных вопросов, Владнмнр Ильнч предложнл мне внестн достнгнутое соглашенне с пунктамн расхождення в Совет Труда н Обороны.

В Совете Труда н Обороны Владнмнр Ильнч в вопросе соглашения НКВТ с Центросоюзом держался чисто деловой точкн зрения, поддержал достнгнутое нами соглашенне, а спорные вопросы предложнл поручнть мне и Хннчуку на дальнейшую разработку н согласованне. Кажется, несколькнмн неделямн позднее н это соглашенне было нами достнгнуто. Одновременно с этой работой у меня шлн переговоры с ВСНХ по тому же поводу. И здесь

А. М. Лежава.
90-е годы.

А. М. Лежава
в ссылке.
1897 г.

Письмо
А. М. Лежавы
М. С. Ольмин-
скому
от 14 августа
1898 г.

ст. Михайловская
14 августа 1898 года

Дорогой Михаилъ
Степановичъ

До сего мѣста мы провожаемъ друзей, Андрея Ивановича и Анну Николаевну Фейтъ, ѣдущихъ въ Киренскъ. Друзья наши живы и здоровы и шлютъ Вамъ дружескій привѣтъ. Они принуждены были [illegible] въ Верхоленскъ [illegible], проведенные нами съ величайшимъ удовольствіемъ. Я и Людмила цѣлуемъ Васъ крѣпко.

Вашъ А. Лежава
Людмила Лежава
Крѣпко обнимаемъ васъ
Андрей } Фейтъ
Анна

Жена
А. М. Лежавы —
Людмила
Степановна
Лежава.

А. М. Лежава.
1900 г.
Верхоленск.

А. М. Лежава
с дочерьми Ольгой
и Ниной.
1915 г.

А. М. Лежава. 1916 г.

А. М. Лежава среди слушателей и преподавателей факультета общественных иаук МГУ (1924—1926 гг.).

Из семейного альбома.

А. М. Лежава на слете Автодора.

А. М. Лежава с детьми — участннками слета Автодора.

А. М. Лежава выступает на Московской губернской конференцни Автодора.

ОВЕТСКИЙ МОТОР

А. М. Лежава среди работииков Субтропкома.

А. М. Лежава. Последние годы жизни.

Владимир Ильич, когда я докладывал ему о ходе переговоров, интересовался практическими вопросами в наших дебатах и был очень доволен, когда вопрос о наших переговорах с ВСНХ был перенесен в Высшую экономическую комиссию под председательством т. Каменева. Он очень интересовался исходом нашей работы в этой комиссии; то по телефону, то характерными маленькими записочками справлялся о ходе дела и был вполне удовлетворен, когда узнал о состоявшемся у нас с ВСНХ соглашении. Казалось, что в этот период Владимира Ильича больше всего интересовал сам факт исчерпания разговоров ведомств и кооперации о предоставлении им выхода на внешние рынки. Он знал, что мы в наркомате твердо защищали принцип монополии внешней торговли, знал он также, что на нашу монополию со стороны торговли и промышленности велась атака, и наш компромисс, казалось, не вызвал с его стороны критического отношения. Позднее, когда борьба вокруг монополии внешней торговли разгорелась и приняла острые формы, когда принципиальный спор о монополии связался с реальными внешними торговыми операциями, Владимир Ильич подошел к принципу монополии внешней торговли и в конце концов твердо и определенно сказал свое веское слово за эту монополию.

Молодая гвардия. М., 1924. № 2—3. С. 105—106

* * *

Перед X съездом партии, не помню, недели за две или за три, Владимир Ильич вызвал меня вечером специально для беседы по вопросу о замене продразверстки продналогом.

Он меня спрашивал, как «фритредера». Первый вопрос, который Владимир Ильич мне поставил, заключался в том, как я представляю себе товарообмен после того, как будет отменена продразверстка. Я высказал Влади-

5 Заказ № 2803

миру Ильичу то предположение, что, по моему мнению, товарообмен на первых порах окажется в руках частного посредника, но что Советская власть, имея в своих руках национализированную промышленность и железные дороги, может частному посреднику противопоставить, наряду с государственным аппаратом — реформированным Компродом — кооперацию.

Владимир Ильич с усмешкой спрашивал меня, намекая на продолжительные стычки, происходившие иногда и в его присутствии, по поводу нашей кооперативной политики в 19—20 годах: «А осталось ли у вас что-либо от кооперации?» Далее, Владимир Ильич поставил вопрос относительно того, какими же средствами будут располагать кооперативные организации для борьбы с частным посредником. Я тогда сослался на остающийся в руках государства некоторый «товарный фонд», находящийся на складах Главпродукта и Центросоюза с его отделениями, а также на те товары, которые имелись на складах различных фабрик и заводов.

Владимир Ильич очень подробно расспрашивал меня о том, как я представляю себе, в этой новой обстановке, работу кооперации, что реально осталось у нас от кооперации и как, по моему мнению, она будет пропускать имеющийся товарный фонд и обменивать его на продукцию крестьянского хозяйства. Помню, что я в этом разговоре несколько раз употребил слово «торговля» и интересовался отношением к этому Владимира Ильича, но он никак не реагировал на это употребленное мною слово, и я, уйдя от него, так и остался в неведении, представлял ли Владимир Ильич в этот момент проектируемый товарообмен в виде торговли или действительно думал о «натуральном обмене в пределах местного оборота».

Однако вскоре после X съезда партии, когда в присутствии Владимира Ильича рассматривался доклад комиссии т. Каменева об одном из первых декретов о това-

рообороте, мне удалось вставить слово «торговля», благодаря активной поддержке Владимира Ильича.

Таким образом, «товарный фонд», о котором здесь говорит Владимир Ильич, им мыслился, как тот фонд, который должен превратиться в оборотный капитал торговли и промышленности.

1 апреля 1925 г.

Ленинский сб. Т. 4. С. 381—382

О М. С. ОЛЬМИНСКОМ

Я в течение многих лет близко и хорошо знал М. С. Ольминского[1], был проникнут к нему величайшей любовью и уважением. Вы понимаете, что у меня воспоминаний о Михаиле Степановиче много, но мои воспоминания не систематизированы. Сегодня я выступаю перед вами случайно, но я чувствую ответственность, беря на себя смелость говорить публично о Михаиле Степановиче. Ведь я должен дать некоторую частицу материала, из которого составится биография Михаила Степановича. Я буду краток и ограничусь только изложением отдельных случаев и некоторых характеристик. Прекрасно написал т. Савельев в своей статье о Михаиле Степановиче, что Ольминский был совестью большевистской партии.

Михаила Степановича нельзя себе представить вне партии большевиков и без партии большевиков. О чем бы вы ни говорили с Михаилом Степановичем, какие бы

[1] Ольминский М. С. (Александров М. С., Витимский А., Галерка) (1863—1933) — один из старейших деятелей революционного движения в России, литератор. В 1898 г. вступил в РСДРП. После II съезда партии — большевик. В годы реакции вел партийную работу в Баку. В 1911—1914 гг. принимал ближайшее участие в большевистских газетах «Звезда», «Правда», а также в журнале «Просвещение». В 1915—1917 гг. находился на партийной работе в Саратове, Москве, затем в Петрограде. Принимал активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции. Позднее заведовал истпартотделом ЦК РКП(б), был редактором журнала «Пролетарская революция», членом дирекции Института В. И. Ленина. *Ред.*

вопросы вы ни затрагивали, вы всегда чувствовали, что вы имеете перед собой принципиального человека и большевика. Это, конечно, не должно дать повода думать, что у Михаила Степановича это носило нарочитый характер, что его суждения были надуманными. Ни в малейшей степени к Михаилу Степановичу это не идет. Просто это был цельный человек. Это был действительно настоящий подлинный большевик, последовательный во всех своих суждениях и поступках.

Когда слушаешь людей, знавших его в детстве, которые рассказывают о его детских и отроческих годах, то в этих рассказах узнаешь Михаила Степановича взрослого, даже того, каким он был перед самой смертью. Прочтите отрывочные воспоминания его сестры, напечатанные на днях в «Комсомольской правде», прислушайтесь к характеристике отрока Михаила Степановича. Перед вами встает необычайно добродушный мальчик, ласковый толстячок, немножко увалень. Эти его качества служили окружающим поводом для постоянных острот, подтруниваний, иногда дружеских, а иногда и злостных. Толстячок необычайно добродушно реагировал на все эти остроты и задирания — он был невозмутим. В играх и забавах он был прекрасный товарищ. Однако все отмечают, что этот добродушный мальчик уже в самые ранние годы и в дальнейшем в юном возрасте превращался в свирепого и яростного противника, когда сталкивался с обманом, ложью, фальшью, он приходил в негодование, бранил виновника и вообще бурно и резко реагировал на всякую несправедливость. Михаил Степанович вырос, созрел, стал большевиком — соратником Ленина, а эта черта в нем сохранилась во всей юношеской свежести. Действительно Михаил Степанович был совестью большевистской партии.

В 1894, 95 и 96 гг. Михаил Степанович сидел в тюрьме. Это был очень тяжелый период в его жизни. После окончания следствия Михаила Степановича перевели в

только что открытую петербургскую тюрьму «Кресты». Правительство решило для политических заключенных создать усовершеиствоваииую каторжиую тюрьму тут же, у себя под боком, и завело в «Крестах» чудовищный режим. Михаил Степанович сразу определил положение. Для него стало ясно, что намерение правительства сделать «Кресты» местом, где будут калечить политиков, иужио во что бы то ии стало сорвать. И вот иачалась его продолжительная, систематическая, иечеловеческая борьба с тюремным режимом. В такой обстаиовке ои провел 2 года 8 месяцев. Это сильио подорвало его здоровье и оставило глубокий след. Вы видите, Михаил Степанович и здесь остался вериым самому себе. Забота о личиых удобствах и личиом спокойствии совершеиио уступила место прииципиальиому подходу к создавшейся обстаиовке, и ои свое положеиие использовал для большой политической борьбы.

Здесь товарищи уже говорили о его исключительной большевистской последовательиости и твердости. Это, безусловио, правильио. В связи с этим я хотел бы здесь вспомиить, как поиимал Михаил Степаиович большевистскую твердость и прямоту. Нужно ли говорить, что Михаил Степаиович любил, ценил и был предаи Ленину, как только мог быть предаи Леииιу такой большевик-коммунист, как Михаил Степаиович. Он, конечио, зиал цеиу большевистской твердости и последовательиости Владимира Ильича. Но как он возмущался, когда года два тому иазад в одиой из иапечатаииых характеристик Леиииа ои прочитал такое изображеиие прямоты и твердости Владимира Ильича, что, когда я зашел к иему, ои меия встретил восклицаиием: «Вот, полюбуйтесь, Леиина изобразили, как прямолинейно летящую вороиу!» Такой прямолинейности и такой твердости Михаил Степанович не выносил и, конечно, был страшио возмущен, когда увидал, в каком виде преподиосится широким массам твердость и иепреклоиность Леииιа.

Миханл Степановнч всегда указывал, что иепоколебнмый, твердый большевик Леннн, прямой и последовательный в руководстве партин и в разработке прнннципиальных вопросов, в практической борьбе н в построенни партни был необычайно гибок. Он решнл по поводу этой характеристикн написать заметку, и так как в то время ему самому рыться в книгах не позволялн, то он проснл меня... разыскать мысли Ленина по поводу Богданова н Плехаиова, из которых вндно, какие огромные усилия прилагал Владнмнр Ильнч, чтобы прнблнзнть этих людей к своей партин, чтобы не потерять Богданова.

Аналогнчных фактов нз жизнн н работы Леннна он приводнл много. Вот и сам Мнханл Степанович был твердый, выдержанный, прннцнпнальный большевнк. Но эти черты не должны давать ннкакого основания представлять его себе прямолннейно летящей вороной. Мягкнй, добродушный и ласковый Мнхаил Степаиович иногда с людьми бывал очень резок, доходнл даже до грубостн. Он умел неиавндеть и преследовать врага, прнчем понятие «враг» относилось только к врагу классовому.

Особую ненависть он питал к человеку, если обнаружнвал в нем не только врага, но врага, маскирующегося и прнкндывающегося другом. Мне нередко прнходилось быть свидетелем его личных бесед с отдельиымн рабочнмн нлн группами рабочих, приходилось быть свидетелем того, как нной раз кто-нибудь из этих собеседииков говорнл ему явио нелепые вещи, а иногда в разговоре и реакцнонные мысли. Это не меняло ласкового выражения глаз Мнхаила Степановнча, когда он такому собеседнику разъяснял его заблуждение н выводнл его на правнльную дорогу. Михаил Степанович никогда ие был блестящнм оратором, но его беседы отлнчалнсь необычайной теплотой, и он иеобыкновенно быстро завоевывал симпатин людей, внушал им доверие и мог вестн их за собой.

Тут товарищи говорили о длительиой и тяжелой болезии Михаила Степаиовича. Ои действительио 11 лет был тяжело болеи. Я уже говорил, какое влияиие иа его иервиую систему оказала тюрьма. Затем я хотел бы вам иапомиить, что Михаил Степаиович был в числе пострадавших в Леоитьевском переулке[1]. Взрывом в Леоитьевском пер[еулке] сильио его задело: с иего был сорван почти весь пиджак и выиесеи в окио. Его выиесли оттуда иа иосилках. Накоиец в 1922 г. за граиицей, куда его отправили лечиться, у иего был паралич, который иа долгое время оставил в его здоровье сильиые следы.

Но ие следует думать, что Михаил Степаиович за время всей своей продолжительиой болезии в какой-либо мере утратил свою большевистскую предаииость и веру или иитерес к партии и общественной жизии. За время этой болезии мы имели иередко его выступлеиия или перед партийиыми оргаиами, или в печати, которые иосили следы свежести мысли и оригииальности выдвииутых им вопросов.

Несмотря иа болезиь, без работы ои иикогда ие сидел и даже иакаиуие его смерти ои поставил свою подпись под первым томом Щедрина, который выходит под редакцией группы товарищей, возглавлявшейся Михаилом Степаиовичем. Михаил Степаиович свою подпись под литературиым произведеиием считал актом в высшей степеии ответствеииым и ие продумавши, ие взвесивши каждую фразу, каждую устаиовку, которая связывалась с его имеием, иикогда ои подписи ие ставил. Михаил Степаиович иад Щедриным миого работал, любил его, цеиил и чрезвычайио заботился о том, чтобы иовое издание Щедриаа было бы иастоящим большевистским издаиием.

---

[1] В результате взрыва, оргаиизоваииого аиархистами при участии эсеров-максималистов и левых эсеров 25 сеитября 1919 г. в здаиии МК РКП(б) в Леоитьевском переулке, погибло 12 человек, в том числе секретарь Московского комитета партии В. М. Загорский. *Ред.*

Вот почему, несмотря на его преклонный возраст, несмотря на действительные его страдания, мы должны признать, что потеря Михаила Степановича является для нас и для нашей партии чрезвычайно тяжелой утратой, ибо у него было еще достаточно свежих мыслей, достаточно преданности и любви к партии, и он мог нам еще многое дать.

Старый большевик:
Сб. М., 1934. № 2 (10).
С. 133—136

О В. В. КУЙБЫШЕВЕ

У нас тогда еще не было с Валерианом Владимировичем тех близких, товарищеских отношений, которые установились позднее. Я очень мало его знал. И вот на одном из первых заседаний ЦКК — РКИ я страшно волновался, бурно протестовал, никак не мог примириться с тем обвинением, которое мне было предъявлено, что я, будучи заместителем народного комиссара внешней торговли, по письменному предложению своего наркома принял на работу крупного по тому времени специалиста по нефтяным делам, не проверив как следует его личности. Все-таки было решено, что я неосмотрительно поступил, приняв на службу этого инженера, который, как это установлено было позднее судом, учинил подделку в выданной мною доверенности.

Через несколько дней меня пригласил к себе Валериан Владимирович и повел со мной беседу об этом деле. И на заседании Президиума, и во время этой беседы я обратил внимание на то, что Валериан Владимирович удивительно подробно, во всех мелочах был знаком с делом. Кроме того, его беседа со мной обратила на себя внимание еще удивительно теплым, внимательным, товарищеским подходом.

Впоследствии, ближе присматриваясь к жизни и работе Валериана Владимировича, я часто вспоминал эти свои первые впечатления.

Никогда он не принимал решения, никогда он не давал по делу оценки без самого тщательного и внимательного обследования вопроса. Часто приходилось его видеть обложенным со всех сторон штабелями дел, но он никогда не комкал даже самого маленького дела для того, чтобы ускорить проработку вороха бумаг.

Известия. 1936. 25 января

ЗАДАЧИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАШЕЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ МОЩИ

Выступление на X съезде РКП(б)
15 марта 1921 г.

Я воспользуюсь полученным словом для того, чтобы подчеркнуть ту исключительно чувствительную сторону нашей работы, которая должна стать предметом вашего особенного внимания. Здесь многие товарищи при обзоре вопросов внутреннего хозяйственного строительства и внешней политики затрагивали вопрос о том, какое исключительно важное значение имеет для нас использование более передовых капиталистических стран для наших строительных целей. Только что т. Каменев указал нам грандиозные цифры того, что должно было бы дать нам импортное дело для нашего плана электрификации. Эта программа рассчитана на ряд лет. На ближайшие годы она требует колоссальных ресурсов. Этим импортным планом, между прочим, предполагается удовлетворить далеко не все, а лишь первоочередные потребности нашей жизни. До сих пор мы эти ресурсы для выполнения наших импортных заданий черпали из нашего золотого фонда. Наши экспортные источники пока еще в ход не пущены... Между тем основная задача выполнения всех тех надежд и упований, которые мы возлагаем на наши ввозные операции, падает именно на нашу экспортную возможность, которая становится сейчас исключительно

ударной задачей, поскольку ударной является задача восстановления иашей хозяйственной мощи при помощи машнн из-за граиицы, поскольку становнтся необходимой задача экспорта за границу и наших ресурсов. Те ожндания и предположения, которые сегодня были высказаны в связи с докладом т. Ленина по налогу, ставят нашн экспортные перспективы в новую ситуацню. Так илн иначе какие бы методы разверсткн мы нн применялн, перед советским аппаратом становится колоссальной важности вопрос — самым напряжениым образом прнступнть к заготовке нашего экспортного сырья. Еслн мы не применим той исключительной силы, которую оказывалнсь до снх пор способнымн прнменять, мы не осуществим всех наших планов и нмпортных возможностей.

Тот аппарат, который Советская власть создала для осуществления внешней торговли, является совершенно новым н молодым аппаратом. Прн развнтни этого аппарата мы не можем руководствоваться теми формамн и прнемами, которыми мы руководствовались при создании внутреннних органов.

Вступая при помощи этого аппарата в исключительно тесное соприкосновенне с капиталнстическим миром, мы оказываемся вынужденными наш аппарат строить так, чтобы ои был вместе с тем остро отточенным оружнем, направленным против наших врагов. Это для иас трудная задача, так как, во-первых, мы имеем старое разрушенное хозяйство со старыми остатками человеческого материала, во-вторых, эта задача трудная потому, что старые остатки могут быть нами использованы очеиь осторожно, так как мы рискуем вместо оружня для борьбы с нашим врагом получить предательскнй меч, направленный против нас. Поэтому вполне понятно, что в первые месяцы, когда нам приходится строить аппарат и производнть операцнн, мы сделали очень много ошибок.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 470—471

КООПЕРАЦИЯ И ДЕРЕВЕНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Роль и значение кооперативной торговли в общем плане товарооборота в минувшем году по общим причинам установить цифрами весьма трудно. Различные же попытки хотя бы приблизительно установить относительную роль кооперативной торговли приводят к таким цифрам: в снабжении деревни различными продуктами роль кооперации достигает, примерно, 15—20% общей суммы стоимости товаров, коими снабжается деревня. Эти 20% передаются деревне, по предложению кооперативных статистиков, как всей сетью потребительской кооперации, так равно соприкасающимися с деревней непосредственно аппаратами губсоюзов и райотделений.

В биржевом обороте как столичных бирж, так и провинциальных удельный вес кооперативной торговли довольно устойчиво колеблется в пределах около 10—15% в среднем. Это берется из показаний биржевой статистики. Этих данных, конечно, слишком мало. Прежде всего нам трудно получить цифровой ответ на весьма важный вопрос об эволюции кооперативного оборота. Конечно, деловое чутье практических работников подсказывает, что кооперативная работа расширяется и растет, но выразить это цифрами, выявить характер и направление развития этих оборотов пока не представляется возможным.

Что же касается различных организационных вопросов кооперативной жизни, то из этой области имеются отрывочные сведения. В этом отношении в последнее время часто приходится слышать пессимистические заявления относительно потребительской кооперации, что она свертывает в деревнях свой аппарат, что торговля идет весьма вяло, что население относится индифферентно, и тому подобное. Сам по себе этот факт еще недостаточен для каких-либо пессимистических заключений, ибо за-

крываются и ликвидируются такие потреблавки и общества, которые до того хотя и состояли на учете, но действительной жизни в них никогда не было. Их закрытие во многих случаях, наоборот, можно рассматривать как положительное явление.

И если у нас закрылся десяток потребобществ, а оставшийся десяток развивает свои операции и укрепляет свое положение, то, несомненно, пессимизм должен уступить место обратному настроению. Если обратиться к имеющимся материалам, то факт укрепления потребительских обществ и лавок находит себе полное подтверждение. Но не этим приходится оценивать успех нашего кооперативного строительства.

В своих последних статьях, посвященных кооперации, товарищ Ленин великолепно выразил то, что нам в наших условиях прежде всего нужно от кооперации. «Действительное участие действительных масс населения» [1] — вот что такое кооперация. Вот с этой стороны и приходится изучать все виды нынешней кооперации и только по этому признаку судить об успехах нашего кооперативного строительства.

Сведения, идущие с мест по этой части, к сожалению, способны навести на некоторые пессимистические размышления. Из разных мест наблюдатели подтверждают почти одними и теми же словами, что крестьяне совершенно равнодушны к судьбам своих потребилок. Из некоторых мест указывают, что успех той или иной потребительской лавки зависит от того, что крестьяне в эту лавку посадили бывшего торговца-кулака, который своей ловкостью, своими связями с городскими торговцами быстро оборачивает товар, держит вполне соответствующий местным нуждам ассортимент товаров, пользуется кредитами и т. п. Констатируемый повсеместно недоста-

[1] Цит. неточно. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 371. *Ред.*

ток оборотиых средств у потребкооперации объисияют как этим равиодушием крестьян к потребилке, так равно н иедоверием к деловнтости кооператнвиого аппарата.

Тяжело нам говорнть об этом, но именно потому, что иам нужио развитие потребнтельской кооперацин до крайннх пределов на основе «действительного участия действнтельных масс иаселеиия», мы ие должиы закрывать глаза иа выявляющиеся дефекты нашего кооператнвного строительства н должны прииять все меры к тому, чтобы вывести гнгаитское дело потребнтельской кооперацин иа иадлежащую дорогу.

Из другнх вндов кооперацин сельскохозяйствеиная кооперация и ее разновндность — Льноцентр и другне в общем кооператнвном обороте пока играют слабую роль, но, несомненно, стоят на правнльиом пути н развиваются быстрым темпом. Здесь нельзя ие отметить одной особеиности, которая отлнчает сельскохозяйственную кооперацию от потребкооперацни. Поскольку потребкооперацня в первых же декретах иэпа была признана прнвнлегнроваииой формой кооперацни, ей были присвоеиы различные льготы н пренмущества, а сельскохозяйствеиная кооперация выступила иа открытую работу в более позднй срок, н ей пришлось прокладывать дорогу в значительиой степеин собствениыми уснлнями. По всем имеющимся данным, местные аппараты сельскохозяйственной кооперацин возинкают при непосредственном и деятельном участин самого заннтересованного крестьянства. Это, коиечно, является большнм плюсом и содействует наибольшей ее жнзнеиостн.

Кустарно-промысловая кооперация играет еще меиьшую роль в общем иашем хозяйстве. В этой областн нам предстоит большая работа самого элементарного характера. Это, прежде всего, иадлежащая широкая идейиая увязка кустарно-промыслового строительства к разработке вопросов оргаиизационых форм самого кустарио-промыслового строительства и взаимоотиошений с про-

чими отраслями нашей промышленности. Эта работа в настоящее время и проделывается работающими в этой области нашими товарищами.

В общем, весь кооперативный аппарат, как аппарат торговый, в нашем товарообороте играет все еще умеренную роль, и, конечно, главное объяснение этому — недостаток собственных средств у кооперации и недостаток средств в наших кредитных учреждениях для кредитования кооперативных операций. Если кооперативный оборот захватил лишь 20% всего деревенского снабжения, то, принимая во внимание почти полное отсутствие с[оветских] органов на сельском рынке, нужно признать, что остальные 80% приходятся на долю частной торговли, причем ясно, что эта частная торговля является деревенской частной торговлей, мельчайшим частным капиталом. Эта доминирующая роль мелкого сельского частного капитала подтверждается организованным Комвнуторгом обследованием отдельных уездов и волостей в различных губерниях.

Над этим вопросом приходится весьма и весьма задуматься. Если обратиться к тем грубым подсчетам, которые делаются, с одной стороны, кооперативными статистиками, с другой стороны, нашим ЦСУ, то по самому скромному расчету придется признать, что снабжение частным торговым аппаратом деревни в размере 80% в абсолютных числах составит около 500—600 млн золотых руб. Значит, эта мелкая частнокапиталистическая пыль весит в общей сложности так много, что она способна совершить столь значительный оборот. Какова наша экономическая программа организации этого капитала? Какие должны быть приняты меры к вовлечению мельчайших форм этого капитала в те самые кооперативные аппараты, в которых «действительно участвуют действительные массы населения». Ясно, что мы не можем в настоящее время рассчитывать на изобретение такого средства, с помощью которого внезапно вся эта ка-

питалистическая пыль была бы втянута в наши кооперативные организации. Кооперативные организации должны озаботиться перестройкой первичных кооперативов таким образом, чтобы в них втянуть те элементы деревни, которые владеют этой капиталистической пылью. Природа этого мельчайшего капитала неоднородна, и не весь этот мельчайший капитал может войти в кооперацию, но кооперация должна втянуть в себя весь тот элемент, который способен к кооперированию. Но мы хорошо знаем, что в крестьянской массе обращается значительная часть из этой капиталистической пыли, которая останется за пределами кооперативного строительства и которая производит, наряду с кооперацией, молекулярный процесс так называемой мелкой деревенской частной торговли.

Наша забота должна простираться на этот частноторговый аппарат. Он слишком значителен в своей совокупности, роль его слишком серьезна и, можно сказать, незаменима на сегодняшний день в чаемой нами смычке деревни с городом. Этот мелкий частный капитал наша госпромышленность и госторговля должны рассматривать как свой собственный, весьма серьезный придаток, как один из органов, с помощью которого производится в самой гуще потребительской массы этот капиллярный процесс товарооборота.

Товарищ Ленин правильно указывает, что преобразование нашего общества на началах «кооперирования» — дело не 1—2 десятилетий. Это наше преобразование есть процесс, и в этом предстоящем процессе формы эксплуатации нашей госторговлей мелкого частного капитала будут меняться и приспосабливаться к меняющимся формам организации самого крестьянского хозяйства.

Наше экономическое положение сегодняшнего дня не позволяет нам роскошь выбора — базировать нашу работу только на кооперации и отмести этот имеющийся налицо мощный распыленный и жизнеспособный частноторго-

вый аппарат. Перед нами императивно стоят расширение и ускорение оборота нашей госпромышленности и госторговли. С этой точки зрения сегодня для нас одинаково срочно стоят обе задачи — организовать «действительное участие действительных масс населения» в кооперативных организациях и, с другой стороны, приспособить весь имеющийся в частных руках распыленный частный капитал к осуществлению смычки города с деревней.

Известия ВЦИК. 1923. 9 июня

НОВАЯ СОВЕТСКАЯ КООПЕРАЦИЯ И ЕЕ ЗАДАЧИ

Тов. Ленин в своих январских статьях о кооперации писал: «Теперь у нас это свержение власти капиталистов состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью» [1]. Тов. Ленин здесь имел в виду те мечтания, которые заключаются в том, чтобы «научиться практически строить этот социализм так, чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь» [2].

Утопизм старых кооператоров заключался в том, что без завоевания власти классом трудящихся они предполагали осуществить такую кооперацию в недрах враждебного режима, чтобы избавить рабочий класс от необходимости революционного захвата власти.

Тов. Ленин настойчиво указывает нам на колоссальную нашу некультурность и предстоящую в этом направлении огромную культурную работу. И нашу кооперативную политику он представляет в виде обширной работы

[1] Цит. неточно. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369. *Ред.*

[2] Там же. С. 370—371. *Ред.*

по организации одновременно культуры и социализма. Он говорит: «Собственно говоря, нам осталось *«только»* одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в этой кооперации и находило это участие»[1]. По словам т. Ленина, работа эта потребует, на хороший конец, одно-два десятилетия.

Любопытно здесь отметить, что такая роль кооперации стихийно проводится нами почти с самого начала нэпа, и в такой тяжелый момент, как переживаемый ныне кризис, приходится видеть воочию самое несомненное проявление того, как этот взгляд глубоко внедрился в сознание самых широких руководящих кругов нашей экономической жизни. Недавно на многолюдном собрании представителей промышленности, госторговли и кооперации, несмотря на страстные прения между госторговцами и кооператорами, первые не только декларировали роль и значение для развития госпромышленности и всего нашего торгового оборота кооперативной организации, но видно было, что вся их страстная аргументация пропитана тем сознанием, что организация «всякого» крестьянина в кооперацию есть необходимое условие всего преуспеяния промышленности. Вследствие этого споры ведутся у нас не на принципиальной почве — нужна ли кооперация или нет, кооперативная ли организация должна быть организацией торгового посредничества при государственной промышленности или какая-либо другая, спор ведется на деловой почве — все ли сделано кооперацией для того, чтобы полнее осуществлять свои услуги государственной промышленности, с одной стороны, и потребительским массам — с другой, достаточно ли хорошо она организована и т. п.

Это значит, что государственная промышленность и торговля, а вместе с ними и государственная власть ви-

[1] Цит. неточно. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372. *Ред.*

дят в кооперативной форме организации всего населения единственную форму организации, в которой промышленность и сельское хозяйство могут срастись и явить собой единый хозяйственный механизм. Только кооперативная форма организации может дать подавляющей массе мелких крестьянских производителей ту коллективную форму хозяйства, которая в кратчайший срок приобщит отсталые крестьянские массы к высшим ступеням культуры и к высшим формам хозяйственной деятельности.

Успех широкой кооперативной политики, ее быстрое развитие т. Ленин представляет себе прежде всего в форме развития кооперативного оборота. Такая постановка вопроса удивительно гармонирует со всеми выступлениями т. Ленина по поводу новой экономической политики. Тов. Ленин эту новую экономическую политику начал именно с развития оборота. Именно через этот оборот он открыл нам целую программу восстановления промышленности и крестьянского хозяйства. И здесь, говоря о мерах содействия развитию кооперации, он пишет: «...под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором *действительно участвуют действительные массы населения*»[1].

Перед нами вследствие этого стоит совершенно определенная кооперативная программа ближайших дней. Прежде всего, центр тяжести всей кооперативной работы перенести в область вовлечения в кооперацию как можно большего количества в первую очередь крестьян, при этом вовлечения не путем каких бы то ни было принудительных мероприятий, этот метод мы однажды уже испытали, а организацией мер экономического поощрения, которыми в достаточной степени располагает государственная власть, обладающая и эксплуатирующая всю национализированную промышленность, транспорт и производящая всю оптовую торговлю, как внутреннюю, так и внешнюю.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 371. *Ред.*

Самой мощной кооперативной организацией в нашей стране является потребительская организация, вернее сказать, самый мощный торговый аппарат в республике в настоящее время принадлежит Всероссийскому центру потребительской кооперации с его системой губсоюзов. Работникам этой потребительской кооперации предстоит в настоящее время, в связи с намечаемыми гигантскими кооперативными организационными задачами, работа исключительной трудности. Они должны прежде всего переделать и переработать свои собственные понятия и навыки, создавшиеся за эти два года «кооперативной» работы, которая преимущественно заключалась в организации торгового капитала, в организации торгового аппарата. Привычки эти и понятия тем прочнее у наших кооператоров, чем крупнее «коммерческие» успехи, достигнутые как в организации торговли, так и в способах стяжания оборотных средств.

Накопленные опыт, организация и капиталы Центросоюза или наиболее крепких губсоюзов «всякому» крестьянину, конечно, весьма полезны и необходимы, но он их сможет использовать, и государство действительно извлечет всю выгоду из этих данных только в том случае, когда этот «всякий» крестьянин приобщится к этой организации и к этим капиталам через собственный первичный кооператив, в который он должен войти своим реальным интересом, в котором он должен ожидать получения своих выгод, через который он должен проводить все свои операции. Только тогда, когда он осуществит эту свою кровную материально-хозяйственную заинтересованность в первичной кооперации, только тогда он явит собою истинную базу для последующих ступеней кооперативного объединения.

Работники потребительской кооперации должны перед лицом такой задачи задуматься над вопросом, целесообразна ли ныне действующая кооперативная торговая

организация, и найти в себе достаточно сил, чтобы призиать во имя кооперации, в которой нужно «действительиое участие действительиых масс населения», что во миого раз целесообразнее круто переменить всю нынешнюю торговую политику и перестроить ее на иачалах, иаходящихся в прямом и иепосредствениом соответствии с интересами и требоваииями первичной кооперации,— иа иачалах добровольности, чем гиаться за сомиительными, чисто капиталистическими успехами. Нужио быть готовыми к тому, что при разрешеиии этого вопроса, может быть, придется выбросить за борт традиционый уииверсализм и, иапример, ограничить номеиклатуру товаров очень иемиогими «мужицкими товарами». На первое время в особеииости, может быть, эту иомеиклатуру придется особеиио сильно ограиичить, ио зато за счет этого сужеиия номеиклатуры глубже охватить крестьянские массы. А расширение иоменклатуры, вплоть до тоикошерстяиых изделий Моссукна или даже заморских диковин, в свое время придет вместе с развитием низовой кооперации.

Все сказаииое о крестьянской кооперации отнюдь не исчерпывает всего вопроса об устройстве потребкооперации. Само собой поиятио, что при кореииом пересмотре вопроса неизбежно встанет также ряд вопросов из области рабочей и городской кооперации. Однако при всем решающем политическом зиачении вопроса о рабочей кооперации иам его легче будет разрешить, ибо мы имеем тут более подготовлеиную почву для завершения «действительиого участия действительных масс населеиия».

Работа кооперативов в области сельскохозяйственной, а также промысловой кооперации в отиошеиии постановки общих проблем гораздо проще и яснее. У иих имеются другие трудиости — трудности практического свойства, но, стоя на базе организации самим крестьянством своих кооперативов, им придется усиленно работать лишь

над тем, чтобы этот единственно правильный исходный принцип кооперативной организации не портился и не нарушался иными привходящими обстоятельствами.

Союз потребителей. 1923. № 12. С. 10—11

Из брошюры

«ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ 1923 ГОДА»

ОСНОВЫ НАШЕГО ТОРГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В 1923 г. Советская власть продолжала в законодательном и административном порядке укрепление фундамента внутренней торговли. Торговое законодательство, начавшееся в 1922 г. и особенно развившееся с учреждением Комвнуторга, значительно укрепило оборот в 1923 г. За этот год КВТ провел через законодательные органы Союза целый ряд декретов и постановлений по торговле, и, кроме того, целый ряд декретов и постановлений им разработан и находится в различных инстанциях на рассмотрении. Независимо от этого различные учреждения по своим линиям в административном порядке оказывали свое регулирующее воздействие на подведомственные им государственные торговые предприятия и учреждения. Общие руководящие указания и разъяснения различным торговым организациям и предприятиям давались со стороны Комвнуторга при СТО.

В 1923 г. почти повсеместно в областях и губерниях возникли комвнуторги, которые, чутко прислушиваясь к местным интересам оборота, изучали его и, координируя свою деятельность с общими директивами КВТ при СТО, оказывали на местах содействие упорядочению торгового оборота.

БИРЖЕВОЙ АППАРАТ

В минувшем году получил также свое дальнейшее развитие биржевой аппарат. В конце 1922 г. мы имели 65 бирж; к концу 1923 г. общее число их достигло 96. Независимо от количественного роста в минувшем году биржевой аппарат значительно окреп, развился и приблизился к достижению своей основной цели — выявлению местного торгового оборота, спроса и предложения, регистрации внебиржевых сделок госорганов и фиксации котировочных цен. Эта деятельность всей биржевой сети Союза создает единый биржевой охват всего нашего оборота, который позволяет судить об общих явлениях в обороте, устанавливает и укрепляет связь между отдельными частями рынка и является уже в настоящее время мощным фактором его организации.

Самые тревожные события, пережитые нашим рынком в сентябре — октябре 1923 г., стали доступны для изучения по данным биржевой статистики. Статистика Московской товарной биржи наглядно вскрыла многие характерные черты пережитого нами кризиса, она дала возможность установить, что депрессия ударила в эти месяцы далеко не по всей номенклатуре товаров, обращавшихся на московском рынке, что в период депрессии некоторые важнейшие отрасли торговли не только избегли расстройства, но, наоборот, продолжали свой рост и развитие (группа продовольственных товаров, лесные материалы и др.). Эта статистика показала, что в период депрессии удар был нанесен рынку по самому чувствительному месту — текстильным фабрикантам, обороты с которыми упали с 61 млн руб. в июле до 21 млн в октябре. В том же порядке было установлено, что во всех пострадавших во время кризиса отраслях главный удар пришелся по сделкам крупных размеров, оптовые же сделки на незначительную сумму (до 7—8 тыс. руб. каждая) не только не уменьшились, но даже показали некоторое

повышение. Словом, биржевой аппарат приобретает у нас весьма своеобразное лицо, отличное от бирж в капиталистических странах, и обещает сыграть весьма крупную роль в осуществлении планового регулирования оборота.

Советские биржи с самого начала своего возникновения столкнулись с такими особенностями нашего оборота, которые и до сих пор делают наши биржевые организации вспомогательным аппаратом государственного регулирования торговли. Тут надо иметь в виду два момента: во-первых, те специфические функции, которые выполняет наша биржа, как регистратор всех оптовых операций государственных предприятий, и, во-вторых, то обстоятельство, что больше чем наполовину через наши биржи проходят операции государственных торговых предприятий с государственными же. Биржевые и внебиржевые операции государственых органов, регистрируемые и изучаемые на бирже, дают тот материал, который ложится в основу торговой деятельности не только государственных и кооперативных организаций, но неизбежно влияет и дает известный уклон также деятельности частного торгового аппарата. Эти именно биржи первыми начали борьбу с тем хаосом и с теми потемками, в которых проходил наш оборот первого периода нэпа. У многих еще свежо в памяти, какая масса злоупотреблений происходила в нашей государственной торговле, пока все ее операции в той или иной форме не сделались обязательным объектом обработки в биржевом аппарате.

Те, кто привык видеть или понимать биржи в чисто буржуазном режиме, весьма развязно подходят к сформировавшимся у нас биржам и произносят свой суд, заявляя с пренебрежительным жестом, что наши биржи с «настоящими» биржами ничего общего не имеют.

Помимо только что указанной важнейшей черты биржевых организаций следует иметь в виду такие ее функции, которые уже оказали нам громадную услугу в деле

устройства нашего рынка и которые будут еще больше оказывать содействие нашему обороту при дальнейшем развитии. Я говорю здесь о биржах как органах выявления спроса и предложения и органах, содействующих образованию цен.

Если государственную торговлю можно мыслить неизбежно в тесной связи с задачами организации рынка, а в организации рынка крупнейшей проблемой является связь между отдельными экономическими районами (крупными или мелкими, все равно), то биржи являются весьма мощными аппаратами регулирования и организации рынка. Создавшаяся у нас громадная сеть биржевых обществ с каждым днем все больше и больше связывается деловым образом между собой, вырабатывает тот специфический биржевой информационный материал, которым биржи обмениваются между собой, который делается повсеместным достоянием всех, связанных с торговым оборотом, и при помощи которого все виды торговли корректируют свои торговые предположения и соображения.

В этом отношении наши биржи далеко не все еще сделали. Работа предстоит в этом направлении еще весьма большая. Но эта крайне важная работа уже начата, фундамент уже заложен и первые плоды этой работы мы уже имеем. Мы располагаем всесоюзной биржевой статистикой первичного характера, мы можем по биржевым оборотам проверить и контролировать цифры отдельных ведомств, отдельных отраслей и даже отдельных предприятий. Если огромные колебания в торговых накладных расходах за последние полтора-два года мы почти что ликвидировали и снизили колоссальные накладные расходы почти до нормы, то в этом немалая заслуга принадлежит нашим биржам, которые, раскрывая из различных пунктов нашего Союза уровень цен, содействовали равнению цен и клали предел алчным аппетитам, находившим себе пищу при наличии потемок и отсутствии

биржевого прожектора цен. Биржи не аптекарские весы. Любители критиковать наши биржи сплошь и рядом ссылаются на то, что котировальные биржевые цены не отличаются исчерпывающей точностью. Да, это, безусловно, правильно. Но котировальные цены бирж в общем и целом давали и дают все более уточняющиеся цены, а самое главное, любая степень приближенности биржевой цены была и остается в нашем пока еще грубом и неустоявшемся обороте мощным коррективом и стимулом равнения цен в соответствии с рыночной конъюнктурой — спросом и предложением.

Из остальных институтов, обслуживающих наш оборот и содействующих его развитию, следует остановиться на крупнейших наших ярмарках.

ЯРМАРКИ

Вне сомнения, что Нижегородская ярмарка, как бы ни характеризовать ее, была и остается до настоящего времени пунктом, в котором осуществляют свое взаимное друг к другу тяготение потоки наших сырьевых и фабрично-заводских продуктов, что в этом пункте сходятся восточные купцы из соседних с нами стран и наших союзных окраин, с одной стороны, и купцы наших промышленных районов — с другой.

Если Нижегородская ярмарка в 1922 г. сделала оборот на сумму 62 801 778 золотых руб., то в 1923 г. ее оборот достигал 394 208 620 (купля-продажа). Из суммы оборотов 1923 г. можно исключить некоторую часть, отнеся ее на операции, по существу, производившиеся в Москве, но и при всем этом мы получим значительное расширение деятельности ярмарки в 1923 г., и, что особенно должно быть здесь отмечено, минувшая ярмарка привлекла к себе сырьевых продуктов вдвое больше, чем предыдущая. Влияние сырьевых операций Нижегородской ярмарки и во время самой ярмарки и в последующий пе-

риод сказывалось в самых отдаленных наших сырьевых районах, как в смысле производства операций, так и на высоте цен на различные виды сырья. Следует отметить также значительно увеличившееся количество восточных купцов, прибывших на ярмарку в 1923 г.

Рост и развитие торговых оборотов в нашем Союзе нашли свое отражение также в операциях двух крупнейших украинских ярмарок — Харьковской (Крещенской) и Киевской (Контрактовой). Обороты первой в 1923 г. выражались в сумме 19 742 092 золотых руб., обороты второй — в сумме 30 471 070 золотых руб.

Говоря об этих крупнейших ярмарках, мы не должны упускать из виду, что в стране существует множество более второстепенных и совсем мелких ярмарок, которые нами пока не учитываются, но которые, по имеющимся у нас сведениям, возрождаются и выполняют свои функции довольно успешно. По корреспондентским данным 1923 г. в этом отношении дал провинциальным мелким ярмаркам весьма заметные толчки к развитию.

Здесь следует обратить внимание, что мелкие ярмарки слагаются у нас, по-видимому, по двум главнейшим признакам: одни ярмарки имеют общее значение для данного района и удовлетворяют как потребительские, так и сбытовые интересы местного населения; другие ярмарки носят специальный характер, к ним стягиваются сырьевые изделия более или менее значительного района, и к этим сырьевым продуктам притягиваются заинтересованные специальные предприятия, оперирующие этим сырьем. Оживление этих ярмарок, как и первых, для нас имеет особенно крупное значение. Любопытно отметить, что ярмарки первой категории, по-видимому, возникают повсеместно в Союзе. Что касается ярмарок последней категории, то наибольшее значение они приобретают на окраинах — в Северном районе, Башкирии, Киргизии и Сибири. Такие ярмарки, между прочим, при надлежащем дальнейшем развитии могут явиться питательными источ-

никами для Нижегородской ярмарки, поскольку одним, а может быть и главным, из китов Нижегородской ярмарки является масса сырьевых продуктов. Это обстоятельство особенно следует иметь в виду тем пессимистам по части Нижегородской ярмарки, которые слишком торопливы в своих суждениях о судьбе этой ярмарки.

ТОРГОВЫЕ ПАЛАТЫ

В этой связи нельзя не остановиться на роли наших торговых палат. Год тому назад мы организовали в Москве Российско-Восточную торговую палату, которая поставила своей задачей установление связи между нашими торгующими учреждениями и организациями, с одной стороны, и между купцами наших восточных соседей, с которыми у нас устанавливаются экономические взаимоотношения — с другой. Российско-Восточная торговая палата эту основную свою миссию за минувший год начала выполнять с полным успехом и эту гигантскую работу продолжает укреплять и расширять. Возрождение нашего хозяйства и усиление нашего экономического положения отразились на деятельности этой палаты. В последнее время крупнейшие отрасли нашей торговли и промышленности заинтересовались деятельностью палаты, и сюда устремили свои стопы для сношения с восточными странами и текстильная промышленность, и сахарная, и керосиновая, и силикатная (стекло, посуда), спичечная и т. д. и т. д.

В Российско-Восточной торговой палате встречались наши государственные торговые предприятия с восточными купцами и здесь, на нейтральной деловой почве, знакомились друг с другом, договаривались о сделках и оформляли их. Здесь же общими усилиями и наших, и восточных купцов, и экономистов выявлялись общие нужды в отношении необходимых мероприятий в области ли

налоговой, в областн ли транспортной и т. п., намечались путн воздействия на соответствующие правительственные органы как наши, так равным образом и нашнх восточных соседей для того, чтобы, взанмно помогая друг другу, облегчнть развнтне торгового оборота между СССР н ее восточными соседямн.

Немаловажное значенне для развнтня торгового оборота, главным образом для северо-западной области, имела учрежденная в Ленннграде Северо-Западная торговая палата, нмеющая почти трехлетнюю давность. Эта палата была рассчнтана на весьма шнрокие функцнн н вначале не только сосредоточнвала в себе обычные функцин торговой палаты, где встречаются купцы различных местностей, но н включала в себя бнржу. Как это нн странно, эта же палата начала выполнять функцни государственного аппарата регулнровання торговли (Комвнуторг), н лишь всего год тому назад прншлось выделнть нз этой палаты н дать самостоятельное существованне как бирже, так равным образом н Комвнуторгу. Но ленннградская торговая палата сохранила н продолжает выполнять свою весьма серьезную функцию аппарата, содействующего организацнн торговли и нзучающего общнрный материал торгового оборота северо-западной области. Особенную ценность прнобрела эта палата вследствне своего портового положення для коммерческих сношений с иностраннымн купцамн, посещающими наш порт. Через палату завязалнсь н пнсьменные сношения с различнымн загранннчными фнрмамн почтн всех стран света.

В 1923 г. торговый оборот продолжал развнваться прн участнн тех же трех торговых аппаратов, с которыми мы имели дело н в предыдущнй период нэпа — государственного, кооперативного н частного.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТОРГОВЫЙ АППАРАТ

Минувший год дал толчок к развитию и выявлению различных форм государственного торгового аппарата. В этом году окрепли и развились крупные оптовые предприятия, которые нашли наилучшие формы овладения рынком всего Союза. Большинство наших крупных синдикатов усовершенствовали свои центральные аппараты и создали значительное количество своих отделений в провинциальных центрах. Опыт развертывания отделений и представительств в настоящее время подлежит проверке и изучению с точки зрения целесообразности. Этой организационной форме работы наших крупнооптовых торговых предприятий места противопоставляют другую форму — передачу представительств местным кооперативным или государственным предприятиям. Вопрос этот подлежит самому серьезному изучению, он должен быть совершенно отвлечен от элементов псевдополитических и ведомственных, и решение его должно целиком опираться на выявление экономических выгод и преимуществ от такой организации на местах отделений наших крупных оптовых предприятий.

Кроме того, наши крупнейшие оптовые предприятия обзавелись за это время вспомогательным органом распространения своей продукции и изучения рынка в лице коммивояжеров. Результаты деятельности этих последних в некоторых отраслях нашей торговли являются, повидимому, вполне благоприятными. В ближайшее время предстоит более детальное изучение возможного использования в различных отраслях нашего оборота этого института.

Укрепились и развились за этот год оптово-розничные предприятия как крупного республиканского или всесоюзного масштаба, так и районные или губернские. Эта форма госторговли после крупнооптовой обещает в опре-

делеиных условиях и райоиах сделаться самой жизнеспособиой формой государствеииого торгового аппарата. Однако еще предстоит большая работа по тщательному изучению и проверке опыта для определения тех основиых условий, при которых эта форма госторговли окажется наиболее пригодиой.

Опыт розиичиой торговли дает менее удовлетворительные показаиия, и минувший год в этом отношении ничего существениого не дал.

Гораздо успешиее оказалась деятельиость мелочной торговли типа «ларек» в столицах и густонаселенных культуриых центрах.

Патеитная статистика свидетельствует, что государствеиная розничная и мелочная торговля и в 1923 г. составляла иичтожную величину в общем розничном обороте СССР и ие обиаружила никакой тенденции к росту и расширеиию.

Если при этом прииять во внимание, что сколь-нибудь заметиое участие в розничиой торговле госаппарата потребовало бы вложеиия весьма крупиого капитала, то станет очевидным, что мы ие можем претеидовать на какую-либо роль иа розиичиом рыике. К этому иадо еще прибавить, что иаш выход с госаппаратом на розницу явился бы таким неслыхаиным фактором удорожания товара и повлек бы за собой такие колоссальные жертвы со стороны казны, что иам приходится в иастоящее время совершенно отказаться от всякой мысли о создании в широком масштабе государствеииой розницы. Здесь мы должны ограиичиться уже созданными в мелочиой и розиичиой торговле аппаратами и там, где есть иекоторые шаисы иа успешность их работы, усовершенствовать их, иаблюдать и изучать и лишь после этого опыта изучеиия подойти к вопросам о дальиейшем нашем отношении к этим формам торговли.

Одиако уже теперь можно признать, что важиейший вопрос о развитии государствеииого торгового аппарата

в течение нынешнего года был нами разрешен с организационной стороны вполне удовлетворительно. Мы шли к овладению рынком путем укрепления и надлежащего расширения оптовых и оптово-розничных аппаратов. Развертывание этих аппаратов происходило с изучением структуры и условий рынка, и применительно к этим условиям каждая отрасль нашей торговли определяла свои районы с их центрами и в них создавала свои торговые базы. Если дальнейший опыт, внимательному изучению которого должны быть посвящены наши силы, покажет необходимость внесения корректив в эту систему развития наших организаций, то это будут коррективы, введение которых облегчается, конечно, тем обстоятельством, что основная система действующих аппаратов уже развернута и находится в процессе работы.

КООПЕРАТИВНАЯ ТОРГОВЛЯ

Кооперативная торговля в отчетном году расширила свои операции по сравнению с предыдущим годом.

Крупнейшие потребительские объединения в отчетном году свою ложную политику форсирования торговли во что бы то ни стало довели до крайних пределов и поставили дело почти в катастрофическое положение. Теперь эта политика заслужила всеобщее порицание, и производится напряженная работа по радикальной перестройке центров применительно к интересам успехов первичной кооперации.

Операции потребительской кооперации, если их рассматривать с точки зрения продажи крестьянскому и рабочему населению, производились первичными кооперативами в одинаковой степени как из товаров, получавшихся по кооперативной линии, так равным образом и непосредственно от государственных или частных аппаратов. Кроме того, население получало продукты непосредственно из розничных магазинов союзных потреби-

тельских объединений, и, таким образом, ставшее у нас за последиее время ходячим миеиие о том, что первичные кооперативы при передаче потребителям своих товаров заимствуют их обязательно по всей лестиице кооперативиой системы, далеко ие соответствует действительности и относится лишь к сравнительно незначительиой части всего кооперативиого снабжения крестьян и рабочих.

В иастоящий момент это положеиие должио считаться вполие устаиовленным работами статистико-экоиомического отдела Центросоюза.

КООПЕРАТИВНЫЙ АППАРАТ

По не совсем точным данным Цеитросоюза состояиие сети потребобществ характеризуется следующими цифрами:

ИМЕЛОСЬ ПОТРЕБОБЩЕСТВ:

	Всего	В том числе действующ.	В них лавок: Всего	В них лавок: В том числе действующ.
В начале 1923 г.	22 494	19 110	32 364	29 689
К 1 июля (по некоторым союзам к 1 августа и 1 сентября)	18 663	18 386	25 508	22 931
На 1 октября	18 535	16 529	25 526	22 190

В этой таблице обращает иа себя внимание совершенно определеиио выявленная теиденция сокращения общего числа старых потребобществ, равно как и действующих и сокращение числа лавок. Это сокращеиие, одиако, не может быть истолковаио в смысле сокращеиия роли и операций первичных кооперативов. Судя по балаисам первичиых кооперативов, можио устаиовить, что, хотя до сих пор еще продолжается сокращеиие числа потребоб-

ществ и их лавок, сокращение это тем не менее относится к мертвым душам, от которых кооперативная статистика еще не совсем освободилась. Наоборот, происходит встречный процесс — процесс роста оборотов первичных кооперативов, который свидетельствует о том, что в кооперативной сети налицо имеются здоровые начала — реорганизация и восстановление действительных объединений заинтересованных потребителей и организация действительно на кооперативных началах функционирующих потреблавок.

Работа потребительской кооперации росла и развивалась по линии сбыта населению предметов широкого потребления как фабрично-заводского происхождения, так равно и кустарных изделий или изделий сельского хозяйства, но весьма значительную роль играла она и в области заготовительных операций, причем заготовки потребкооперации производились как на внутреннего потребителя, так, равным образом, и для вывоза за границу.

Значительный рост имела в отчетном году сельскохозяйственная кооперация. Первичный кооперативный аппарат ее в минувшем году вырос по сравнению с предыдущим годом с 17 тыс. всех учтенных кооперативов в прошлом году до 25 800 кооперативов, насчитывающих в своем составе 1600 тыс. физических лиц к концу 1923 г. В эти цифры не вошли данные о сельскохозяйственной кооперации на Украине, в Закавказье и ДВО.

К сожалению, о промысловой и других видах кооперации сколько-нибудь точных данных мы еще не имеем.

ЧАСТНЫЙ ТОРГОВЫЙ АППАРАТ

Переходя к вопросу о частной торговле, следует иметь в виду, что если мы располагаем весьма скудным материалом для точного определения размеров государственного и кооперативного аппаратов и не имеем возможности

дать сколько-нибудь точных сведений о совершаемых ими общих оборотах, то еще труднее наше положение в отношении частного торгового аппарата. В минувшем году Комвнуторг произвел обследование выборочным путем деревенской торговли и установил, что частный торговый капитал в области разносно-развозной мелочной и розничной деревенской торговли занимает почти все 100%. Что же касается розничной торговли в уездных, губернских и столичных городах, то в общем роль частного торгового капитала здесь достигает приблизительно 80%.

Характерной особенностью этого аппарата, как и всегда, является его исключительная гибкость и приспособляемость к условиям и, что в настоящий момент имеет решающее значение, способность сжимать до минимума свои накладные расходы в целях поддержания своего предприятия.

Имеющиеся в Комвнуторге данные показывают, что низовая сеть частного торгового аппарата преимущественно связана с более крупными уездными частными же аппаратами, у которых мелкий торговец получает необходимый товар в надлежащем ассортименте в кредит. Лишь частью только эти мелкие полуоптовики и полурозничники, преимущественно торгующие в уездных городах, связаны с государственными оптово-розничными предприятиями, в большинстве же случаев они находятся в зависимости от более крупного частного торгового капитала. Эта характеристика далеко не исчерпывает существующих взаимоотношений между различными ступенями частного торгового аппарата, который, осуществляя деревенскую торговлю, связан как с крестьянским хозяйством по закупке продуктов сельского хозяйства, так, равным образом, и с кустарями. Этот торговый аппарат, производящий деревенскую торговлю, по-видимому, ведет работу как на дензнаки, так, равным образом, и по товарообмену.

Количественный состав частного торгового аппарата на основании данных налоговой статистики определяется цифрой около 400 тыс. торговых единиц. Нужно, однако, иметь в виду, что статистика далеко не охватывает всех элементов этой категории, которые являются для органов фиска по самой природе своей совершенно неуловимыми и учету не поддаются.

Базарная торговля, играющая в настоящий момент в нашем деревенском обороте все более усиливающуюся роль, почти целиком находится в руках частных торговцев, и здесь, на базарной площади, не всякий производящий торговлю хотя бы даже систематически попадает в статистику нашего фиска.

Обращаясь к роли частного торгового капитала в крупной оптовой торговле, приходится отметить, что и здесь наши сведения далеко не отличаются желательной полнотой. Крупный частный капитал не во всех отраслях торговли участвует в одинаковой степени. Есть отрасли, где он является почти монополистом. Так, например, в крупных городах, как Москва, Ленинград и других, в руках частного капитала сосредоточена почти на 90% вся торговля мясом, мясным скотом и т. п. Вслед за этим из промтоваров наибольшую роль играет частный капитал в мануфактурной торговле. По данным Московской товарной биржи, оптовая мануфактурная торговля привлекает к себе почти половину всего частного капитала, оперирующего с государственной торговлей. Есть отрасли, в которых роль частного торгового капитала весьма слабая (некоторые виды бакалейно-колониальных товаров, строительные материалы, некоторые виды металлических и др.).

Следует здесь указать, что общий размер оборотов частного оптового капитала по сравнению с оптовыми оборотами госторговли в 1923 г., как и в предыдущем, составляет около 20%. По-видимому, в этом отношении заметных изменений роли этого капитала ни в ту, ни в

другую сторону в отчетном году не произошло. Выявилось, впрочем, что средний размер оптовой сделки частного капитала ниже среднего размера оптовой сделки госторговли больше, чем вдвое. Это обстоятельство указывает на то, что частный торговый капитал в крупном оптовом обороте значительной роли не играет и что в этой области господствующее положение принадлежит государственному оптовому аппарату.

НОВОЕ ТОРГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В отношении организации государственной торговли громадное значение будут иметь три фактора, подготовленные в отчетном году:

1. Почти уже законченный выработкой закон о синдикатах и закон о «торгах».

2. Осуществление центрального правительственного органа, в котором будет сосредоточено ведение всеми видами государственных торговых предприятий.

3. Проект Торгового свода, внесенный Комвнуторгом на всестороннее обсуждение различных заинтересованных ведомств, учреждений и предприятий. Как видно из поступающих отзывов, нужда в своде назрела до последней степени, и проект Комвнуторга подвергается живейшему обсуждению. Надо надеяться, что целый ряд торговых законов в ближайшее время получит необходимую высшую санкцию и придет навстречу назревшим нуждам нашего оборота. Этот свод содержит в себе проекты законов о торговых деталях и торговых предприятиях, о торговых сделках (договор торговой комиссии, договор экспедиции, о складских операциях, о чеках, о векселях и т. п.), об исключительных промышленных правах (о товарных знаках, патентах на изобретение), о несостоятельности, об акционерных обществах с участием государственного капитала, о товариществах с ограниченной ответственностью и т. д.

Рост и развитие нашего внутреннего оборота должны были найти свое отражение в организации торговых предприятий и, в первую голову, дать свое отражение в акционерном строительстве. По данным Комвнуторга, где рассматриваются и регистрируются все уставы акционерных обществ, за истекший период через Комвнуторг прошло и получило свое утверждение в СТО 96 предприятий. Из них чисто торговых акционерных обществ — 38, торгово-промышленных — 30, строительных — 7, транспортных — 3 и разных — 6. Итого акционерных обществ — 84. Кроме того, через Комвнуторг прошли уставы банков обществ взаимного кредита, ломбардов, товариществ с ограниченной ответственностью и других. Упомянутые выше 84 акционерных общества имеют всего номинального капитала около 154 млн руб. золотом. Эта сумма распределяется следующим образом:

Чисто государственные акционерные предприятия . .	около	137,0	млн	руб.	зол.
Чисто частные . . .	»	4,6	»	»	»
Чисто кооперативные	»	2,0	»	»	»
Смешанные (государственные и друг. с частными) . .	»	4,7	»	»	»
	Всего...	148,3	млн	руб.	зол.

Остальная сумма — около 6,5 млн руб.— падает на различные виды смешанных акционерных обществ, в которых участвуют в разных комбинациях государственный, общественный, кооперативный, профсоюзный капиталы.

Конечно, пока еще мы не можем иметь сведений об оборотах функционирующих акционерных предприятий

и о достигнутых ими результатах — это дело пока еще новое, и надлежащий анализ операций этих предприятий может быть дан лишь в будущем годичном обзоре.

КРИЗИС

Наш обзор был бы неполным, если бы мы не уделили специальное внимание вопросу о пережитом нами минувшей осенью жестоком кризисе. Этот кризис, потрясший весь наш экономический организм, имел чрезвычайно сложную природу. В нем сказались все специфические особенности структуры нашего советского хозяйства с национализированной промышленностью и транспортом и все особливые моменты нашего переходного состояния 1923 г. в общей переходной эпохе от военного коммунизма к социализму. Эта исключительная осложненность пережитого потрясения крайне затрудняла быстрое выявление непосредственных причин, вызвавших депрессию, и относительное значение тех многообразных факторов, которые осложняли эту депрессию.

Характерной чертой минувшего кризиса (который, кстати сказать, далеко еще нами не изжит) является то, что максимально пострадавшими в этом кризисе отраслями торговли были те отрасли нашей легкой индустрии, которые с наибольшим темпом развиваются за все время нэпа, и еще то, что кризис больнее всего ударил по нашему крупному оптовому обороту. Для нас является настоятельно необходимым изучить, как отразился пережитый нами кризис сбыта на различных ступенях нашего торгового аппарата и в аппаратах различных наших торговых организаций. К сожалению, у нас нигде нет, как уже неоднократно указывалось выше, сосредоточенного ведения не только всеми торговыми организациями, но даже операциями государственных и кооперативных предприятий или хотя бы даже только государственных. Однако тот отрывочный материал, с которым нам приходилось встречаться, дает основание предполагать,

что пережитый нами застой сильнее всего нашел свое выражение в крупных и центральных торговых предприятиях и был тем слабее, чем дальше от этих центральных торговых аппаратов и чем ближе торговый аппарат стоял к потребителю. Это объясняется, по-видимому, не только тем, что розничный аппарат легче справлялся с небольшими партиями своего наличного товара, но также и тем, что пропускная способность центральных оптовых и полуоптовых предприятий оказалась в период кризиса ниже произведенной в них в течение предшествовавших летних месяцев товарной загрузки. Это обстоятельство при значительно развившемся кредитовании нмеино этих центральных организаций должно было дать неизбежно те результаты, какие мы имели в период кризиса, в особенности когда круто и резко были прекращены активные операции наших кредитных учреждений (август, сентябрь).

В этом кризисе сбыта, несомненно, крупную и решающую роль сыграли высокие цены на важнейшие предметы первой необходимости и крайне низкие цены на зерновые продукты сельского хозяйства. С этой стороны вопрос достаточно изучен и на нем, конечно, останавливаться здесь не приходится.

ЦЕНЫ И РЕГУЛИРОВАНИЕ

Любопытно здесь остановиться на одной стороне пережитого кризиса, на которую до сих пор не обращалось внимания. Сопоставляются две кривых: одна, показывающая крутое падение в месяцы кризиса оборотов на Московской бирже главнейших товаров, другая, дающая кривую оптовых индексов Госплана для этих же товаров.

Эта диаграмма показывает, что прямой и непосредственной зависимости между этими явлениями как будто не было, катастрофическое падение оборотов не повлекло за собою такого же резкого падения цен. Эти послед-

ние начинают снижаться со значительным опозданием и снижаются постепенно, методически, очевидно не столько под влиянием рыночных стимулов, сколько под давлением центральных правительственных органов (например, Комвнуторг снизил цену на ситец 3 октября) и общественного мнения.

Такая своеобразная динамика цен в период нашего кризиса сбыта должна быть объяснена тем, что в обыкновенных капиталистических условиях при таком кризисе катастрофическое падение цен происходит в результате банкротств и разорений значительного количества малоустойчивых и слабых предприятий, от чего на рынке происходит в таких случаях массовое выбрасывание за бесценок скопившихся у фирм товаров. У нас это явление, конечно, не могло иметь места, ибо государство — собственник всех наших промышленных и торговых предприятий — не могло допустить банкротства наших главнейших трестов, синдикатов и крупнейших кооперативных центров и их разорения путем панического выбрасывания на рынок за бесценок находившихся на их складах товаров. Наоборот, мы не только в панике не стали обесценивать и разбазаривать собственное товарное имущество, но приняли организованно всяческие меры к тому, чтобы предохранить от опасных потрясений прежде всего наши промышленные предприятия, а затем и главнейшие торговые аппараты. Одновременно государственная власть взяла в свои руки дело регулирования цен и в принудительном порядке планомерно приступила к воздействию на рынок в целях, с одной стороны, снижения цен на главнейшие промтовары, а с другой стороны, повышения цен на хлебные продукты крестьянского хозяйства.

В этом тяжелом для нас кризисе и выявилось все то преимущество, которое имеет на своей стороне Советская власть в борьбе с подобного рода экономическими невзгодами, преимущество, которое ей дает обладание национализированной промышленностью, транспортом, монопо-

лией внешней торговли и сосредоточение в ее руках всего кредитно-финансового аппарата.

Как самый кризис, так и те специфические приемы, с помощью которых Советская власть повела борьбу с кризисом, поставили перед нами с особенной наглядностью во весь рост общую нашу проблему — взять в свои руки и организовать подлинное руководство и регулирование оборотом. В этот период времени мы одинаково убедились как в том, что дальше мы не можем предоставить стихии судьбу нашего хозяйства, так равным образом и в том, что в условиях советского хозяйства и всего нашего экономического строительства есть полная возможность организовать регулирование оборота и воздействие на него.

Говоря о высоких ценах на предметы потребления широких масс населения, мы должны остановить наше внимание на тех факторах, которые играли доминирующую роль в переживаемом нами процессе. Здесь необходимо остановиться более подробно на том опыте в области изучения и регулирования цен, который приобрела Советская власть в лице своего молодого аппарата — Комвнуторга за полтора года его деятельности. Еще недавно можно было слышать из уст противников регулирования цен весьма категорические заявления о том, что полтора года опыта регулирования цен не дали никаких или почти никаких результатов. Такого рода заявления или основаны на незнакомстве с вопросом или делаются с предвзятым намерением скомпрометировать идею регулирования цен.

Прежде всего нужно установить, что Комвнуторгу с самого начала было поручено регулирование цен осуществлять с крайней осторожностью и в отношении весьма ограниченной номенклатуры товаров.

Когда весной 1923 г. в СТО при Владимире Ильиче было сделано сообщение о первых шагах комиссии цен при Комвнуторге и когда в связи с этим вновь загорелся

принципиальный спор о целесообразности или нецелесообразности регулирования цен, вопрос с принципиальной стороны вновь был разрешен в утвердительном смысле; проявленная Комвнуторгом осторожность в подходе к регулированию цен была одобрена и ему было поручено продолжать начатую работу.

Положительная сторона работы комиссии цен прежде всего заключается в том, что ею был установлен систематический надзор и наблюдение в отношении некоторых главнейших отраслей нашей торговли и в первую очередь в них было обращено самое серьезное внимание на калькуляцию цен как производственных, так и торговых. Эта непрерывная работа трестов и синдикатов вместе с аппаратом Комвнуторга над вопросами калькуляции, постоянная критика представлявшихся госорганами материалов по калькуляциям, привлечение к ответственности наиболее закосневших в хаотическом ведении дела госорганов — все это вместе взятое быстро вырвало из атмосферы рыночной стихии, рыночного хаоса главнейшие группы наших предприятий, работавших на рынок, и поставило их перед лицом необходимости разумного и делового построения не только своих калькуляций, а через них учета и отчетности, но и пересмотра у себя наиболее существенных организационных и других вопросов.

Лица, которые не имеют досуга вникнуть в громадную работу, произведенную Комвнуторгом в указанном направлении, выступают в прессе или на трибуне со своими заявлениями, необоснованными добросовестным отношением к вопросу, и вводят в заблуждение свою доверчивую аудиторию. В тех отраслях, по которым Комвнуторгу пришлось в течение полутора лет почти ежемесячно прорабатывать калькуляции цен, мы имеем в настоящее время, после кризиса, максимальное снижение цен, приблизительно в размере около 15—17%. Все же остальные отрасли за чертой «комвнуторговских» товаров дали снижение значительно меньшее, колеблющееся в пределах

от 1 до 7%, с единственным, впрочем, исключением — кожевенных изделий, понижение цен которых имеет свои особые причины.

В «комвнуторговских» товарах (текстиль, соль, сахар, керосин, стекло и стеклянная посуда) производственная калькуляция сокращена в общем до такой степени, что дальнейшее сокращение в этом направлении может идти не за счет устранения дефектов и пороков организации производства, как это было до последнего времени, а за счет расширения производства, придания ему массового характера, усовершенствования техники производства путем уменьшения траты топлива, сырья и материалов и усовершенствования организации труда. Переход ко всем этим усовершенствованиям техники и организации производства является у нас тем более повелительным, что при нашем 8-часовом рабочем дне и при нашем социальном законодательстве производственная себестоимость продукции всегда будет выше по сравнению с мировым рынком, если мы не повысим тип техники и организации нашего производства...

ТОРГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СОЮЗЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЕДИНО

Есть еще одна проблема, разрешение которой потребует с нашей стороны больших усилий и большего внимания и которая выдвигается опытом минувшего года. Я говорю о взаимоотношениях между входящими в наш Союз республиками на почве торгового законодательства и регулирования торговли.

В то время, как мы за минувший период нэпа вносили определенные начала планомерности и регулирования путем осуществления торгового законодательства и различных торговых институтов и организаций, в то время, как наше советское строительство, политически совершенствуясь, в прошлом году приобрело более правильную структуру и конституцию, жизнь выдвинула вопрос о ком-

петенции органов управления по отношению к торговому обороту и вопросы торгового законодательства в Союзе и республиках.

Нет ничего удивительного в том, что молодые союзные республики, с энтузиазмом и с сознанием собственной ответственности взявшиеся за разрешение конкретных задач местного устройства, в силу естественной инерции, стали проявлять тенденции «империализма» и начали включать в сферу своей компетенции также отрасли, которые без ущерба для общих интересов не могли быть изъяты из ведения союзной власти.

Вопрос о торговом законодательстве в торговом устройстве в нашей конституции оставлен почти без ответа, практически же в последнее время совершенно определенно выяснилась необходимость внесения в этот вопрос максимальной ясности и точности.

Можно ли допустить в недрах нашего Союза существование различных торговых кодексов? Можно ли допустить регулирование торговли, конечно, в государственном масштабе, вне строго централизованного порядка?

Указание нашей конституции, что у нас в Союзе единая торговая система, не дает еще твердой почвы под ногами для того, чтобы строить широкое торговое законодательство и административно-экономическую практику.

На мой взгляд, в наших исключительно тяжелых и в то же время своеобразных условиях всякое различие в торговом законодательстве и правительственном руководстве приведет к неравенству условий для приложения инициативы, капитала и т. д. и неизбежно произведет переливание материальных благ и сил из одной республики в другую.

Если наш Союз стоит прочно на том положении, что мы должны строить наше хозяйство на началах плана и государственного регулирования, причем эти начала должны всемерно и, конечно, разумно расширяться и ук-

ремляться, то ясно, что регулирование цен и всего оборота должно быть строго централизовано. Возьмем для примера такой товар, как соль. Регулирование цен и рынка такого товара не может быть разбито и предоставлено свободному усмотрению и соображению правительства каждой отдельной республики. Допустим, что весьма вероятно, что правительство РСФСР или его Комвнуторг по соображениям исключительно великорусского рынка и производительности промыслов Баскунчакского, Пермского и других объявит цены на соль более низкие и создаст такое плановое снабжение частей своего рынка, что украинским торговым предприятиям окажется более выгодным покупать соль в РСФСР, чем этот же товар, производимый украинскими промыслами. Всякий понимает, конечно, что тут начнется состязание: более слабая сторона в таких случаях прибегает обычно или к таможенной борьбе или к тягостным мерам государственного покровительства. Так как мы не можем позволить себе ни того ни другого способа, то результатом этого состязания явится в конечном счете разбазаривание народного добра и разрушение производственных предприятий вне всяких плановых соображений Союза республик и даже вопреки им. Точно так же разные законодательства об акционерных обществах или товариществах могут привести к тому, что капитал начнет переливаться в ту сторону, в которой как само законодательство, так и административная практика регистрации и последующего надзора окажутся наиболее благоприятными для капитала.

Нужно ли объяснять, что все подобного рода явления станут теми клиньями, которые капиталистическая стихия начнет вбивать в наш Союз в самом чувствительном месте его — в его экономической базе.

Ясно отсюда, что всякий, кто дорожит действительной прочностью Советского Союза и той великой исторической миссией, которая перед ним поставлена, и кто зре-

ло и сознательно подходит к задачам укрепления экономической базы отдельных союзных республик, а не забавляется началами самостоятельности, как политической бирюлькой, должен отнестись к вопросам о едином торговом законодательстве и едином регулировании торговли в советских условиях, как к могущественнейшим факторам укрепления всей советской экономики.

В Союзе должно быть свое торговое законодательство, в Союзе должно быть централизованное руководство регулированием и планированием торговли. Это, однако, не означает создания для торгового оборота какого-либо полицейского режима. Нам нужно прежде всего договориться и утвердить основной принцип, в котором колебания недопустимы. Что же касается практического осуществления этого принципа, внесения в его проведение необходимой гибкости и эластичности для того, чтобы ни в малейшей мере не только не пострадали наличные в стране почин, энергия и капитал, но чтобы организация торговли в максимальной мере содействовала расцвету всех творческих сил в нашем Союзе, то все это вопросы легко разрешимые, технические. Единое торговое законодательство и единый правительственный орган регулирования торговли в Союзе делают возможным и дальнейшее существование монополии внешней торговли, а монополия внешней торговли, вместе с единым централизованным регулированием внутренней торговли, составляет необходимейшее условие плана регулирования промышленности. Все это вместе взятое является фундаментом нашего планового хозяйства.

Тот, кто скажет, что регулирование внутренней торговли возможно без этого строгого единства, тот должен неизбежно признать, что при этом условии всякое плановое руководство нашей промышленностью станет явно бессмысленным, и при таких условиях сберечь нашу монополию внешней торговли станет явно безнадежной задачей...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей брошюре я старался отметить и подчеркнуть те вопросы, которые выдвинуты минувшим периодом развития нашего оборота и которые имеют первенствующее значение для дальнейшего преуспеяния нашей промышленности и сельского хозяйства, для осуществления той смычки, которая приводит в равновесие эти два основных элемента нашей экономики. Но над всеми отдельными вопросами, стоящими на очереди, доминирует в настоящее время одна основная важнейшая проблема, разрешение которой обусловливает успешное разрешение всех остальных очередных задач оборота. Я говорю о срочной реорганизации Комвнуторга в сторону расширения его функций и его компетенций.

Проблема эта была выдвинута, как указывалось выше, с особенной резкостью в период кризиса, когда мы бросились с лихорадочной поспешностью изучать этот кризис, выяснять его причины, изыскивать средства борьбы с его последствиями и намечать мероприятия к предупреждению в будущем подобных несчастий. И в Госплане, и на соединенном заседании Президиума ЦКК и коллегии РКИ, и на пленуме бюро Всесоюзного съезда биржевой торговли, и на совещании руководителей республиканских, областных и крупнейших губернских комвнуторгов — повсюду единогласно была признана необходимой указанная выше реорганизация Комвнуторга, причем почти все упомянутые органы высказались в том смысле, что Комвнуторг при СТО надлежит в срочном порядке реорганизовать в Наркомат внутренней торговли.

Надо полагать, что в той или иной форме, но этот назревший вопрос в ближайшее же время получит свое положительное разрешение.

Внутренняя торговля 1923 года.
М., 1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВЛИ И БИРЖИ

Из доклада на II Всесоюзном биржевом съезде

Почти полтора года прошло с тех пор, как в этом же зале заседал I Всесоюзный съезд биржевой торговли. За эти полтора года наш торговый оборот, как вам хорошо известно, достиг громадного развития. Он совершенствовался, углублялся и усложнялся. Можно сказать, что за это время он пережил эволюцию, которая при иных условиях протекает в течение десятилетий. Это объясняется, конечно, специфическими условиями, которые сложились у нас в хозяйстве после длительной войны и революции.

Сложный, быстрый темп развития торгового оборота создал у нас торговые институты, сыгравшие немаловажную роль. Биржи, призванные играть роль вспомогательных органов в развитии торгового оборота, заняли подобающее им место, и, в силу исключительных особенностей экономического строя нашей республики, они заняли положение не только бирж обычного дореволюционного типа, где совершаются сделки, определяются цены и выясняется определенная часть спроса и предложения,— биржи сделали гораздо больший обхват, и вместе с тем неизбежно стали орудием регулирующего воздействия, организованного экономического влияния на торговый оборот. По прошествии трех лет новой экономической политики мы можем сказать, что рядом с вольноанархической стихией в народном хозяйстве в нашем обороте сказалась специфическая советская экономическая стихия.

Вот эта специфическая экономическая стихия, вызванная к жизни и укрепляющаяся в советских условиях, обусловливает регулирующую роль бирж в обороте, причем биржи как регулирующие аппараты находятся в теснейшей связи с регулирующим воздействием правительствен-

ных органов, вмешивающихся в рыночный оборот. Через биржевые аппараты проходят в принудительном порядке все оптовые сделки, совершаемые государственными предприятиями; одно это является актом приобщения биржевых аппаратов к регулированию правительственной властью рыночных отношений. Тщательно разрабатываемый биржами статистический материал является источником информации о совершающихся процессах в нашем торговом обороте, на который оказывает руководящее влияние правительственная власть.

И если мы этого достигли за два года существования института бирж, то в дальнейшем роль бирж, как вспомогательных органов регулирования, будет увеличиваться. Правительство уже пользовалось биржами, как барометром, когда определяло свое вмешательство в назревавшие у нас кризисы, в особенности в минувший осенний кризис, и при проведении денежной реформы последнего времени. По этому барометру определялся не только момент вмешательства, но и характер воздействия власти на рыночный оборот.

Таково значение бирж в этом деле первейшей важности...

Сообщения делегатов, а равно и наша характеристика рыночного оборота в прошлом году дали совершенно определенную картину того, что рынок продолжал все еще представлять собою разрозненные части, которые жили почти самостоятельной жизнью, что на рынке этом разрознены спрос и предложение и что вследствие этой разрозненности и раздробленности у нас не было и определенных цен, не было понятия рыночной цены. Мы тогда констатировали, что находимся на пути к восстановлению рынка, мы признавали, что процесс ценообразования у нас уже начался, могли наметить признаки этого ценообразования, но той крепости и устойчивости, которые были нам желательны, мы констатировать не могли.

В настоящее время наш рынок имеет картину более устойчивую и более определенную. Теперь, когда у нас создалось около 100 бирж, когда появились соответствующие котировальные учреждения, когда между нами создалась определенная связь, когда мы имеем связь телефонную, когда мы имеем обзоры рынков, систематически появляющиеся в нашей прессе, и целый ряд других факторов объединения и укрепления единства рынка, мы можем признать, что в этом отношении мы сделали значительные успехи и что процесс развертывающегося оборота дал нам укрепление самого рынка, более определенную картину спроса и предложения на наиболее ходовые товары и дает нам формирование цен. Но насколько все это еще слабо, до какой степени все это еще не кристаллизовалось, еще не образовался мощный костяк рынка, можно видеть по тому, что в последние месяцы мы имели целый ряд телеграфных сообщений о том, что перерывы железнодорожного сообщения — затопление путей, смыв мостов и т. д.— произвели переполох на рынке, вызывая острое ощущение недостатка того или иного товара и тем самым обусловливая взвинчивание цен и т. п. Вот эта легкая подверженность нашего рынка и рыночных факторов воздействию всевозможных случайностей экономической и физической стихии свидетельствует о том, что при более или менее нормальных условиях рынок проявляет устойчивость и налаженность, хотя эта устойчивость, зависящая от всяких случайностей и временных нарушений, чрезвычайно еще слаба.

Такая характеристика рынка подсказывает нам необходимость целого ряда мероприятий по дальнейшему укреплению рыночного оборота и приданию ему большей прочности и устойчивости. Самый процесс развития нашего торгового оборота уже заключает в себе начало укрепления рынка и внесения в него необходимых элементов сопротивления стихии, но помимо этого очень многое зависит, как это доказано опытом минувших трех лет, от

тех мероприятий, которые общимн нашими усилиями будут проведены в жизнь для ускорения процесса организации и укрепления рыночного оборота.

Уже при обзоре нашего рынка на I съезде мы констатировали, что на нем подвизаются три контрагента: государственный торговый аппарат, кооперативный и частный аппарат. Тогда уже мы имели данные, правда еще недостаточно обстоятельные, дававшие нам представление об удельном весе того нли нного контрагента в биржевом обороте.

Усложнившийся оборот и усложнившиеся взаимоотношения на рынке между торгующими элементами требуют и соответствующих усовершенствований в его изученин и его охвате, для того чтобы надлежащим образом строилась и соответственная экономическая политика. В отношении кооперативного аппарата последние сведення свидетельствуют о том, что задача, которую ставила себе Советская власть по отношению к кооперативной торговле, по-видимому, дает наконец свои положительные результаты. Последние сведения выявляют и подтверждают, что кооперативный аппарат действительно начал быстро прогрессировать н охватывать все большее количество сделок и дает все более значительные обороты в общей своей сложности... Что же касается роста и разлнчия государственной торговли, то здесь мы нмеем совершенно точные указания на ее рост, и, что особенно важно для нас, указание на развитие торгового аппарата государственных крупных оптовых предприятий...

Еслн мы перейдем... к формулнровке тех заданнй, которые стоят сейчас перед нами в отношении этого рынка, то здесь придется признать, что мы стоим перед той же задачей, которая стояла перед нами полтора года тому назад, т. е. перед задачей, которая была сформулирована в первые дни объявления новой экономической политнки. Тогда было провозглашено, что новая экономическая политика начнняется с организации вольного рынка, на ко-

тором всем производителям предоставляется обменивать свой товар. И как полтора года тому назад, мы указывали на то, что залог преуспеяния нашей промышленности и нашего сельского хозяйства зависит от развития торгового оборота, развития рынка, что в процессе рыночного оборота и промышленность, и сельское хозяйство получают надлежащий стимул для своего развития; так точно стоит эта задача перед нами и теперь.

Правда, с того времени мы рыночному обороту дали значительный толчок к развитию... И теперь перед нами еще более остро стоит задача укрепить и расширить этот начавшийся процесс. Необходимо национализированной промышленности и национализированному транспорту дать простор для дальнейшего роста и развития, дабы захватить все те посты, которые были оставлены в руках частного предпринимателя, частного капитала. Та же задача стоит в настоящее время перед нами по развертыванию государственной торговли, по ее углублению и расширению. И сегодня мы не только должны провозглашать этот лозунг, но нам нужно конкретно выяснить те условия, при которых мы могли бы с еще большим успехом развернуть наш государственный торговый оборот в оптовой его части и усовершенствовать государственный торговый аппарат для того, чтобы он, захватив позиции несокрушимо, сохранил бы их за собой.

Следующая поставленная нами задача заключалась в вовлечении всего населения в кооперацию, чтобы удовлетворить его потребительские нужды при помощи потребительских организаций. Эта задача, как вы знаете, до сих пор осуществлялась как самими кооперативными организациями, так, равным образом, и правительственной властью, которая всемерно шла на содействие и поддержку всех стремлений к кооперативному охвату населения, предоставив простор для ее организационных стремлений и подводя под нее и укрепляя материальный финансовый фундамент. Я уже сказал о том, что мы имеем возмож-

ность констатировать успехи в этом направлении. Применительно к развившемуся рынку кооперация вступила сейчас на новый путь организационной перестройки: низовая кооперация — на началах добровольности членства, а вся союзная система вообще применительно к существующей государственной торговле, государственной промышленности, национализированному транспорту и к тем специфическим услугам, с которыми приходят на помощь кооперации государственный кредит и государственные финансы.

Вот эта близость к нам кооперативного аппарата в настоящее время, близость, вызванная объективными условиями советской экономики, налагает на правительство обязанность всемерной заботы и попечения о нуждах кооперации, с одной стороны, а с другой стороны, ставит кооперацию наравне с другими агентами, участвующими в государственном обороте, наряду с государственными аппаратами торговли. Это дает возможность нашей экономической политике проводить свои плановые начала, пользуясь одинаково как государственным аппаратом торговли, так равно и кооперативным. Это не может быть истолковано как какое-нибудь стеснение кооперативного аппарата, ибо, перестраиваясь на началах добровольности членства и соответственного добровольного союзного строительства, применительно к местным условиям и районным особенностям, кооперация вместе с тем объективно поставлена в такое положение в советской экономической стихии, что она должна работать рука об руку с государственной промышленностью, с государственными финансами и т. д.

Вслед за этим остается место для работы частного аппарата. Как об этом говорилось у нас и на I съезде и как это вытекает из всей позиции Советского правительства, для частного торгового аппарата остается место, поскольку розничный оборот далеко и далеко еще не охвачен кооперативной организацией.

Благодаря своеобразию советской экономической стихии и частиый торговый капитал, оборачивающийся в низах иашей торговли и соприкасающийся с массами деревенских потребителей, должен будет перестраиваться и усваивать такие формы и приемы своей работы, которые бы в максимальной мере оправдывали его существование в условиях советской экономики. Это обстоятельство подводит иас к тому, что, очевидно, частиый торговый аппарат, рассыпаииый в массе нашего мелкого потребителя, должен будет встать в такие взаимоотношения с государственными торговыми предприятиями, которые могли бы оправдать его целесообразную работу, сделать его экономически и политически терпимым аппаратом и в то же время оправдать его существоваиие в глазах самого населения.

Моментов, оправдывающих существование в этот переходный период мелкого частного торгового аппарата, имеется вполне достаточно. В то время, когда кооперативный аппарат не может по эластичности или по размеру накладных расходов равняться с частиым торговым аппаратом, этот последний отличается безбрежной сжимаемостью: в этом отношении оправдано его существование в условиях советской экономической стихии. Что же касается роли частного оптового капитала, то здесь вопрос стоит гораздо острее, ибо его проникновение в оптовый оборот вызывает борьбу с государственным оптовым капиталом и нередко его ослабление. В особенности это заметно в таких отраслях, как легкая иидустрия, которая, будучи продуктом производства государственной промышлеииости, могла бы не быть уступлеиа ни в какой мере частному капиталу. Поэтому поскольку тенденция частиого капитала в этой отрасли торгового оборота наметилась, нам предстоит с ним определенная экономическая борьба...

Перехожу к вопросам, которые представляют интерес не только общий, но которые имеют еще злободневное

значение. Вопросы регулирования торговли начинаются у нас с вопроса установления цен. Вы помните, еще полтора года тому назад здесь, с этой кафедры, перед вами излагались два диаметрально противоположные мнения. В одном высказывалась необходимость самого жесткого регулирования цен; указывалось на то, что это диктуется состоянием рынка того времени; в другом мнении указывалось, что регулирование вряд ли что даст, что главное значение имеет надлежащее наполнение товарами каналов обращения и что все силы нужно направить к тому, чтобы рынок наполнялся необходимыми товарами и чтобы это наполнение соответствовало степени важности для каждого данного района той или другой товарной массы. Мы имеем уже полуторагодичный опыт с тех пор, как стали проводить регулирование цен и оказывать с помощью этого воздействие на рынок.

Какие результаты достигнуты в этом отношении?

Мы считаем, что в нашей работе по регулированию цен мы проявили максимальную осторожность в сознании, что эта задача в высшей степени сложная и в высшей степени деликатная.

Мы тогда уже говорили, что нам нужно изучать рыночную конъюнктуру и учитывать ее, что нужно районировать цены, которые мы устанавливаем. В то время мы имели перед собой центры наших торговых государственных аппаратов преимущественно в Москве, некоторые центры в Ленинграде и кое-где в других местах. Мы могли тогда только говорить о том, что стремимся к районированию цен.

Теперь, когда мы имеем государственный торговый аппарат, раскинувший свои отделения и базисные склады по всему Союзу, когда он правильно и организованно построил свои филиалы в центрах экономических районов, теперь мы уже строим нормирование цен не только путем калькуляции производственной торговой, но также путем изучения рыночной конъюнктуры, и, учитывая расстояние,

устанавливаем определенные границы, в которых допускаем колебание даже розничных цен в том или другом районе... Само собой понятно, что при чрезвычайно хаотическом характере нашего рынка, при неустановившихся отношениях, о которых я говорил в начале, и эти мероприятия встречались с большими затруднениями и проводились с большими трениями. Но могу констатировать и утверждать, что за эти полтора года мы все тверже осуществляем нашу работу и все более широко охватываем наш рынок...

За этот период мы подошли к регулированию сырьевого рынка, о котором у нас во время I съезда, кажется, даже не было и речи. Развитие наших рыночных оборотов выдвинуло необходимость вмешательства в сырьевой рынок. Не далее как в середине настоящей зимы мы оказались в катастрофическом положении в отношении льняных цен. Цены на лен пошли в гору и достигли такого уровня, когда не только наша внутренняя промышленность по этим ценам не могла обслуживаться, но когда даже высокие заграничные цены перестали находиться в каком-либо соответствии с нашими внутренними ценами и когда должна была прекратиться коммерческая заготовка для вывоза на нашем внутреннем рынке. При наличии на рынке исключительно частноторгового аппарата и при господстве частнокапиталистических интересов, само собой понятно, что для нас такое высокое развитие цен не составило бы большой беды, так как чем выше цены на лен, тем, конечно, лучше для крестьянских масс. Но начавшееся повышение цен сразу заставило наши промышленные предприятия, обрабатывающие лен, говорить о том, что необходимо пересмотреть цены на льняной фабрикат, так как при установлении на него цен сырье стояло в одной цене, а теперь оно повысилось на сто процентов.

Какова была психология в момент этого роста цен?

Главными заготовителями этого сырья являются государственные заказчики, которые подвизаются в произво-

дящих районах и заготовляют для своих доверителей это сырье. Стимул к повышению цен был дан ростом хлебных цен. В этих льнопроизводящих районах, в большинстве случаев, своего хлеба не хватает, и к тому времени, когда началось повышение цен, свой хлеб был уже истощен, и мы очутились перед таким положением, когда держатели льняных масс должны были обращаться на рынок и покупать там хлеб.

Это совпадает с тем моментом, когда благодаря принятым нами мерам экспорта цены на хлеб дошли до самых высочайших размеров и когда цены на хлеб толкали цены на лен, причем движение льняных цен, под влиянием повышения цен на хлеб, сопровождалось любопытнейшими психологическими особенностями нашей советской экономики. Приказчик, который узнавал, что хозяин сегодня на полтинник требовал дороже, с легким сердцем соглашался на это, вынимал из кармана деньги и отсчитывал их. Крестьянин, усматривая ту легкость, с которой он тащит потребителя в эту повышательную политику, с еще более легким сердцем завтра набавлял рубль или полтинник. И не знаю, до чего бы все это дошло, если бы мы не почувствовали эту большую тягу из государственного кармана и не решили бы урегулировать это, установив лимитные цены.

С некоторым опозданием был положен предел безумному расточению народных средств и этому безумию цен, к которым практически расчетливый крестьянин не мог иначе отнестись, как к разбою, который совершают приказчики, покупающие у него лен по высоким ценам. Подобного рода явление наблюдается на всех остальных сырьевых рынках. Это поставило перед нами задачу внести какой-то порядок во все это, положить конец этим специфическим явлениям.

Само собою понятно, что мы не можем крестьянской массе, которая производит сырье, продиктовать лимитные цены. Мы подошли к этому с другого конца. Мы устано-

вили, что главнейшими заготовителями на этом рынке являются государственные предприятия и организации, и мы поставили себе задачу — подойти с другого конца к вопросу о ценах.

Мы установили, что государственным заготовителям надо дать определенные руководящие директивы и указания и при этом как-нибудь сократить число заготовителей, например, на льняном рынке, где вместо того чтобы каждый завод, каждая фабрика посылала своих заготовителей (причем, местами, конечно, было пусто, а местами слишком густо), все это ограничить несколькими крупными солидными предприятиями, с которыми должны быть связаны многочисленные государственные потребители этого сырья на началах соглашения, договора и т. д. Кроме этого мы этим главнейшим заготовителям сырья дали определенные лимитные цены, выше которых запретили им производить заготовки. На помощь к нам пришли местные органы власти, у которых оказалось гораздо больше чуткости к государственным интересам, чем у отдельных приказчиков, которые, имея в кармане деньги и дерзость, с таким легким сердцем входили в азарт и развивали эту повышательную тенденцию.

Мы имели несколько случаев, когда уездные власти вмешивались в эту вакханалию еще до дачи нами каких бы то ни было лимитов и, толкаемые здоровым инстинктом государственного чутья и самосохранения, сами на местах устанавливали для местных заготовителей лимиты и не позволяли повышать цены против тех, которые были ими установлены. Перед установлением лимитов местная власть делала всяческие попытки собрать заготовителей, привести их к соглашению, умерить тот азарт, в который они впадали. Мы имели, например, случай в Тверской губернии, когда получили телеграмму, что такие-то представители такого-то треста или синдиката распоряжением местной власти арестованы и ввержены в узилище за то, что они заготовляли для своих предприя-

тий сырье. Само собою понятно, что центральная власть, которая стоит на страже соблюдения основ нэпа, послала строгий запрос,— на каком основании произведен арест и т. д. Обнаружилось, что там имело место как раз то явление, о котором я рассказываю. Зазнавшийся приказчик загонял цены до того уровня, которого не было нигде, а между тем мы давали им директивы — не повышать цен; на местах даже было достигнуто соглашение об этом. Однако оказалось, что это соглашение было нарушено и за этот обман они поплатились.

Вот перед лицом каких фактов мы оказались вынужденными перейти к регулированию цен на сырье. Этот же метод лимитов мы позднее распространили и на другие отрасли сырья, в частности на заготовку шерсти и кожи...

Теперь по вопросу об организации кредита в интересах торговли. Я остановлюсь вкратце на том, что лишь в самое последнее время мы получили такую организацию, при помощи которой можно будет положить конец случайностям, имевшим место в деле нашей кредитной политики. Тут стоит вопрос о кредитовании промышленности прямо и непосредственно и о кредитовании промышленности через торговый оборот. Но необходимо, чтобы кредитование торгового оборота не носило того случайного характера, который имел место до последнего времени. Сейчас, с образованием Наркомата внутренней торговли, мы полагаем, что в нем будет сосредоточено выяснение нужд различных отраслей торгового оборота в кредитовании, изучение того, как проводить это обслуживание кредитом торгового оборота в различных местах. При посредстве специальных органов, созданных в Госплане, имеет быть согласован план кредитования торгового оборота со всеми остальными сторонами нашей хозяйственной жизни с кредитованием промышленности...

Какова была роль биржевых комитетов и биржевых органов в деле регулирования цен как во время осеннего кризиса, так равным образом во время прохождения де-

нежной реформы? Оставались ли биржевые органы посторонними зрителями тех мероприятий, которые проводило правительство по снижению цен и их фиксации, или же они были активными пособниками по проведению этих мероприятий?

Я считаю, что даже мимолетного взгляда на ту работу, которую здесь в Москве провела Московская биржа, достаточно для того, чтобы установить, какую громадную роль сыграла Московская биржа в деле проведения этих цен и правил, нами установленных как во время осеннего кризиса, так равным образом и в последние 2—3 месяца. Когда нам нужно было твердо провести в жизнь сниженные нами цены и когда нужно было на рынке удержать определенный уровень цен, то биржевая статистика дала нам показания, что превышение цен имело место в размере 2—5—7% в отношении таких-то товаров и 10—30% в отношении таких-то нормированных товаров.

Вот этот факт учета подобного рода явлений уже есть участие в государственном регулировании и государственном воздействии на рыночные отношения. Биржа в этом случае является вспомогательным аппаратом по регулированию цен и по регулированию рынка. Она вскрывает нам эти отступления от установленных правительством форм, и она же дает нам материал и руководящие указания, почему эти нарушения имеют место и куда нужно направить внимание для устранения подобного рода явлений. Эту работу бирж по обслуживанию правительственных органов в целях регулирования рыночных оборотов предстоит в дальнейшем углубить и усовершенствовать. Необходимо хорошо поставить изучение ее. Надо, чтобы биржевая статистика исчерпывающе изучила весь тот материал, который проходит через биржи, и чтобы она отражала все те особенности, на которых я останавливался, когда говорил о соотношении государственного и частного торгового аппаратов. Я надеюсь, что в секциях, когда вы будете прорабатывать этот вопрос, вы уде-

лите максимальное внимание этой стороне работы бирж.

Широкий охват всего биржевого материала, глубокое изучение и использование его для освещения нашей экономики является ближайшей задачей, и мне представляется, что громадная работа по объединению работ всей сети наших бирж, проделанная Бюро съездов биржевой торговли, должна быть продолжена и значительно расширена. Мне кажется, что этот вопрос будет разрешен вами, когда вы обсудите доклад Бюро съездов, его работу и подойдете к тому вопросу, который был еще вами поставлен в прошлом году,— к вопросу о создании Совета съездов. Это будет могучим толчком, в свою очередь, к тому, чтобы отныне биржевые материалы изучались с такой же обстоятельностью, с какой мы подходим к изучению материалов, имеющихся у Московской товарной биржи.

Повторяю, правительство подходит к изучению биржевого аппарата как к вопросу, имеющему в нашем обороте основной характер. Биржевой аппарат является мощным пособником в нашем воздействии и регулировании рыночного оборота. Биржевой оборот мы не трактуем как тот буржуазный специфический аппарат, который имелся у нас до революции и который имеется сейчас в западных странах. Биржевой аппарат является для нас органом, с помощью которого мы оказываем воздействие на рынок. С этой стороны мы будем оказывать всяческое содействие в развитии и укреплении его и содействовать ему в обхвате всего нашего рыночного оборота.

Настоящий съезд призван учесть исключительно интересный и сложный опыт минувших полутора лет развития нашего оборота, а также наметить пути, по которым должна пойти в дальнейшем работа биржевых организаций. Я здесь могу от имени правительства подтвердить то, что полтора года тому назад с этой самой кафедры сказал т. Рыков относительно новой экономической политики: «Всерьез и надолго». Но никогда Советская власть,

говоря это, ие хотела кому бы то ни было давать повод думать, что вся экоиомическая политика, провозглашеииая «всерьез и надолго», озиачает отступление от государственных и кооперативиых форм торговли, отступлеиие перед развитием частиого капитала.

И тогда, и теперь перед правительством стояли задачи развития товарообмена при помощи торговой деятельиости кооперативиого и государствеиного торгового аппарата, в первую очередь иа оптовом рыике. Но поскольку эти задачи требовали своего осуществлеиия во времеии и поскольку независимо от темпа развития кооперативиого и государственного торговых аппаратов требовалось возможное развитие и расширение оборота как условия восстановления и крестьянского хозяйства, и государствениого, и промышлениости, постольку, само собою понятио, должна была иметь место и здоровая работа частиого капитала.

За этим общим положением остается произвести иадлежащий анализ и поставить на соответствующее место те или иные формы частиого капитала в торговом обороте. Этой работе должиа помочь биржа, и настоящий съезд должен дать материалы к тому. Во всяком случае незыблемо то, что в процессе развертывания торгового оборота государствеииые предприятия и кооперативные организации должны пользоваться всяческой поддержкой власти и всяческим поощрением для того, чтобы возможио быстрее охватить весь наш оборот и тем самым приблизить осуществление плаиового хозяйства, которое является коиечной целью всей иашей экоиомической политики.

В этом отиошеиии избраиное вами в прошлом году Бюро съездов биржевой торговли играло роль жизиеиного органа, к которому потянулись иити отовсюду, со всех коицов, где имеются биржевые организации. Бюро это своими работами и своими материалами находилось постояиио в сношениях с Комиссией по внутреиией торговле и оказывало помощь правительству в смысле использо-

вания бирж как регулирующего аппарата. Выросшее значение бирж в нашем обороте и укрепление их ставит перед вами задачу внимательно отнестись к органу своих съездов, может быть, остановиться на новой форме организации и выработать более постоянный и сложный аппарат, который бы здесь в центре более многогранно приходил в соприкосновение с различными сторонами торгового оборота. Это вопрос, который вам следует здесь обсудить и вынести по нему свое решение.

Разрешите на этом закончить мое к вам обращение, выразить приветствие настоящему съезду биржевой торговли и пожелать успеха во всех ваших работах, от которых правительство ждет значительных результатов в деле своего регулирующего воздействия на рыночный оборот.

Май 1924 г.

Лежава А. М.
Государственное регулирование торговли и биржи.
Доклад на II Всесоюзном биржевом съезде с приложением резолюции съезда и положения о Народном комиссариате внутренней торговли. М., 1924

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО РСФСР

По материалам доклада на II сессии ВЦИК

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

В составе материальной базы социалистической индустриализации страны лес и лесная продукция имеют первостепенное значение наряду с металлом, каменным углем, нефтью. Вот почему у нас все лесное дело в своем развитии и в организационном и техническом отношениях должно идти вперед высокими темпами. Эти темпы для лесного хозяйства в настоящее время должны быть особенно

высокими, потому что эта отрасль является у нас особенно отсталой. И если мы ее заблаговременно не подтянем до общего уровня нашего быстрого хозяйственного роста, то лесное хозяйство своей отсталостью может явиться серьезным тормозом нашего роста и причинит нам немалые затруднения.

Лесная промышленность и лесное хозяйство прежде всего требуют социалистического подхода к себе. Организуя лесное хозяйство и развертывая многочисленные виды промышленных предприятий по переработке древесины, мы должны заботиться о том, чтобы во все эти области были введены начала социалистического строительства. Одновременно, ставя эксплуатацию лесного хозяйства и лесных предприятий, мы должны иметь в виду растущую потребность в древесине остальных отраслей промышленности и строительства. Лесное хозяйство: а) является основной сырьевой базой для строительства и промышленности, потребляющей древесину; б) служит одним из главных энергетических ресурсов; в) занимает первое место среди основных источников неналоговых доходов; г) дает многочисленные продукты побочных лесных пользований; д) является огромным объектом приложения труда населения. Лесное хозяйство влияет на промышленное развитие страны, поскольку оно создает предпосылки для организации соответствующих промышленных производств и географического их размещения, и на сельское хозяйство, поскольку лесное хозяйство является одним из факторов расселения, землепользования, усиления животноводческого направления сельского хозяйства и борьбы с аграрным перенаселением. Лесное хозяйство имеет важное значение в укреплении обороноспособности страны и, наконец, служит одним из факторов, способствующих проведению классовой политики в деревне.

Для того чтобы понять, насколько велики требования, предъявляемые нашей пятилеткой древесине, доста-

точно указать следующие цифры: в 1929/30 г. программа выработки деловой древесины для нужд промышленности и строительства Союза составляет 108 млн кубометров, а в последнем году пятилетия намечено к выработке 180 млн кубометров. Но в процессе исполнения пятилетнего плана мы оказались вынужденными рост по многим отраслям промышленности значительно усилить против предположений пятилетнего плана. Ясно, что это, в свою очередь, повлечет за собой увеличение программы выработки деловой древесины.

Удельный вес дровяного топлива в общем топливном балансе Союза составляет около 35%. Надо иметь в виду, что при правильном ведении нами лесного хозяйства и при охвате нетронутых еще массивов древесина может составить топливный ресурс гораздо большего значения. Для определения энергетического значения древесины в нашей стране достаточно сказать, что она занимает 4-е место после каменного угля, торфа и ветра. Надо при этом указать, что в то время, когда уголь и торф сгорают и исчезают, лес обладает свойствами постоянного возобновления и, таким образом, может служить вечным устойчивым энергетическим ресурсом.

Лесной экспорт в настоящее время занимает у нас первое место. Для того чтобы судить, каким валютным источником является экспорт лесной продукции, достаточно привести следующие цифры: в 1927/28 г. лесной экспорт дал нам 94 млн руб., в 1928/29 г.— 143 млн руб. Эти цифры говорят сами за себя. Они свидетельствуют, какую громадную роль играет древесина в деле индустриализации нашей страны, ибо выручаемая от лесного экспорта валюта в огромной степени участвует в оплате импортируемых нами машин и орудий, необходимых для реконструкции промышленности и сельского хозяйства. Нужно, однако, признать, что выручаемая нами в настоящее время сумма от экспорта древесины является ничтожной по сравнению с теми возможностями, какие открываются пе-

ред нами при правильной организации лесного хозяйства и при надлежащей организации высокотехнических промышленных предприятий по переработке древесины. Леса нашего Союза занимают около 21% всей мировой лесной площади, причем в составе наших лесов имеются высокоценные насаждения.

Огромное значение леса как источника государственных доходов видно из следующих сумм, ежегодно поступающих по бюджету СССР: в 1926/27 г.— 221 млн руб., в 1927/28 г.— 245 млн руб. и в 1928/29 г.— 301 млн руб. Из этих доходов, как известно, 40% отчисляется в местный бюджет. Понятно, что с дальнейшим ростом и развитием лесного хозяйства и с переходом к высшим формам эксплуатации лесов этот источник государственных доходов будет значительно возрастать.

Нельзя не упомянуть здесь о побочной продукции лесного хозяйства. Мы здесь имеем буквально колоссальную номенклатуру всяческих продуктов, начиная от ягод, грибов, дуба, мочалы и кончая драгоценным пушным зверем. Наши экономисты исчисляют, что побочная продукция, за исключением пушнины, дает народному хозяйству около 500 млн руб. ежегодного дохода.

Весь же народный доход от лесного хозяйства, без охоты, по исчислениям Госплана СССР, в 1925/26 г. составлял 1268 млн руб., около 6—8% всего народного дохода Союза.

Даже этот беглый обзор роли и значения лесного хозяйства в нашей экономике свидетельствует о громадном его удельном весе. Удельный вес этот будет неизмеримо больше, когда мы ликвидируем варварское наследие прошлого в отношении методов и приемов ведения лесного хозяйства.

СОСТОЯНИЕ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА ДО СОСТАВЛЕНИЯ ПЯТИЛЕТКИ

Общая площадь лесного фонда СССР составляет 902 млн га, из которых на долю РСФСР с автономными республиками приходится 878 млн га, или 97% всех лесов. Из этого количества лесной площади РСФСР леса общегосударственного значения составляют 849 млн га и леса местного значения — 28 млн га. Лесная площадь РСФСР (без автономных республик), без гарей, кустарников и т. п., составляет 322 млн га, из которых в эксплуатацию вовлечено до 70%, а остальные 30% совершенно не затронуты эксплуатацией.

168 млн га годичного прироста леса из указанной выше эксплуатируемой площади используются не полностью. Зато на остальной площади — около 60 млн га — эксплуатация превышает максимальную производительность лесов. В среднем же эксплуатация лесов РСФСР (без автономных республик) не превышает 27% годичного прироста. Из этого ясно, что одни массивы у нас до последнего времени продолжают уничтожаться, а в других втуне пропадает значительная часть ежегодного прироста древесины.

Само собой понятно, что такой порядок не имеет ничего общего с разумной рациональной и хозяйственной эксплуатацией такого ценного богатства, каким являются наши древесные насаждения.

Для того чтобы разумно эксплуатировать всю ту громадную площадь лесов, которая нами вовлечена в эксплуатацию и которая, как было сказано выше, составляет около 250 млн га, необходимо изучить эти лесные массивы, а они нами изучены в высшей степени слабо. Далее, для правильной эксплуатации лесов и для выборки из них всего годичного прироста необходимо наличие приспособленных водных, железнодорожных и грунтовых дорог и механизированных приспособлений для перевозки

леса. Реки надо расчищать, содержать их в порядке и создать на них необходимую для сплава обстановку. Дороги надо устроить и организовать их содержание в надлежащем порядке. До сих пор в этой области нами сделано в высшей степени мало. Сама рубка и разделка леса производится у нас самыми примитивными методами, и правильного лесного хозяйства в том виде, как мы намечаем и кое-где начинаем осуществлять с прошлого года, у нас не было и в помине...

Как уже было сказано выше, леса дают значительный доход и государственному бюджету, и народному хозяйству, но вложения в лесное хозяйство составляли ничтожные единицы процентов, и поэтому не могли, конечно, быть осуществлены все те работы, которые нужны для правильной эксплуатации.

Страны, менее богатые и вследствие этого, может быть, более интересующиеся судьбами своих лесов, проявляют исключительную заботу о своем лесном фонде, не только о сохранении его, но и об увеличении площади под лесом, улучшении насаждений и организации хозяйства. Специалисты приводят, например, справку, что в 1928 г. Пруссия на один гектар лесов ассигновала около 23 руб., в то время как у нас на один гектар лесов ассигнования составляют 12 коп. Это, конечно, еще не показательно, ибо в Пруссии вся площадь лесов вовлечена в культурную эксплуатацию, у нас же, как было сказано выше, в эксплуатацию вовлечена лишь часть нашего лесного массива; однако, если эти 12 коп. увеличить в 10 и даже в 100 раз, то все-таки наши вложения должны быть признаны мизерными. Так дальше, конечно, хозяйничать в наших лесах нетерпимо. И перспективный пятилетний план в этом отношении резко меняет политику вложений.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

Я уже говорил, что необходимым условием развития лесного хозяйства и его реорганизации на социалистических началах является в первую очередь развитие промышленности, перерабатывающей древесину. Однако рассмотрение вопроса о перспективах нашей лесной промышленности не входит в задачу настоящего моего изложения. Хочу лишь указать, что пятилетний план в соответствии с общими нуждами всего хозяйственного строительства предусматривает увеличение основного капитала лесной промышленности со 145 млн руб. на 1 октября 1928 г. до 1164 млн руб. на 1 октября 1933 г. При этом пятилетний план предполагает по линии ВСНХ РСФСР построить 335 лесопромышленных предприятий, в том числе 231 лесозавод. Эти цифры показывают, что пятилетний план социалистического строительства подводит солидную базу под лесное хозяйство. На этой базе должна развертываться и соответствующая индустриализация лесного хозяйства.

К концу пятилетки наши леса должны дать 280 млн кубометров древесины, из которых на долю РСФСР приходится 261 млн кубометров против 131 млн кубометров в 1927/28 г. Эти цифры, однако, не выявляют того огромного скачка, который мы за пятилетие делаем в области лесоразработок. Более показательным является задание пятилетки выработать к концу пятилетия деловой древесины 170 млн кубометров против 56 млн кубометров, выработанных в 1927/28 г. Однако наметки пятилетки по многим отраслям народного хозяйства и строительства мы значительно превысили и теперь уже ясно намечается дальнейшее изменение пятилетки в последующие годы в сторону превышения первоначальных наметок. Ясно из этого, что и намеченное пятилеткой к отпуску количество древесины неизбежно должно будет увеличиться...

Пятилетний план проектирует устройство общегосударственных лесов на площади в 143 млн га и лесов местного значення в 10,8 млн га. При осуществлении этого задання к концу пятилетия будут полностью устроены леса следующих районов: Ленннградского, Западного, Московского, Нnжегородского, Ивановского, Центрально-Черноземного, Средне- и Нижневолжского, Северокавказского, республик: Татарской, Чувашской и немцев Поволжья, а равно леса местного значения.

Одновременно пятнлетка намечает заданне обследовать леса общегосударственного значения на площади в 180 млн га, что даст нам охват всей лесной территорни, кроме резервной зоны.

Лесные массивы, в которые предстоит углубиться с лесными разработками в текущем пятилетин, в общем достаточно изрезаны реками и речками, по которым должен производиться сплав леса. Эти водные пути обычно иаходятся в таком состоянии, что до предварительного их использовання необходимо произвестн мелиоративные работы, т. е. расчистить их в соответствующих местах, устроить к ним доступ и т. п. По пятилетнему плану предусмотрено мелиорировать сплавные путн на протяженин 167 тыс. км, что обеспечит почти полное прнведение в порядок водных путей в тех массивах, которые по плану предназначаются к охвату разработкамн.

Для удешевления н улучшеиия лесоразработок наряду с дешевымн водными путями громадное значение имеют благоустроенные и в достаточном колнчестве проведенные в районах лесоразработок грунтовые дороги, по которым производится подвоз леса к сплавным путям, и таких дорог у нас крайне недостаточно, а в нетронутых массивах их совершенно еще нет. Имеющнеся дороги, вследствие отсутствня какого бы то ни было ремонта их, в большннстве своем прнведены в негодность, а поэтому в пятилетнем плане предусматрнвается вложенне средств как на приведение в порядок этих дорог на протяжении

56 тыс. км, так и на устройство новых грунтовых дорог на протяжении 18 тыс. км. Здесь надо указать, что этот объем работ является далеко не достаточным.

Есть люди, с легким сердцем относящиеся к вынужденному уничтожению лесов в малолесных районах, в районах интенсивного лесного хозяйства, которые обычно аргументируют тем, что освобожденные от лесного покрова площади могут быть обращены под земледелие. Такой подход к вопросу, конечно, никуда не годится. Само собой понятно, что для нужд земледелия должны быть отводимы площади и из числа тех, которые ныне заняты лесом. Это нами и производится. За последние годы выделено в земельный фонд для использования под сельское хозяйство около 10—11 млн га лесов, что составляет около 10% всей посевной площади. Дело не в том, удовлетворяются ли должным образом площади под зерновыми и техническими культурами за счет лесных площадей, а в том, что вырубка лесов привела к тому, что у нас имеется около 17 млн га земель, которые освободились большей частью благодаря хищническому снятию лесного покрова и которые не использованы ни под какие сельскохозяйственные культуры. Правда, в эти 17 млн га входят не только лесосеки, с которых снят покров, но и те земли, которые образовались в результате пожарищ и которые не эксплуатируются у нас ввиду того, что почва неблагоприятная для растительности, мало снят с земли лесной покров. Это еще само по себе не обеспечивает прироста посевных площадей. Надо снятие производить после всестороннего изучения географического положения освобождаемой площади, почвенных условий и заблаговременного принятия мер, во избежание заболачивания, что нередко наступает после значительного и полного снятия лесного покрова. Даже в окрестностях Москвы мы имеем неиспользованные до сих пор площади земель, из которых в 1919—1921 гг. был вырублен лес и которые до настоящего времени не нашли сельскохозяйственного ис-

пользования, конечно не по причине излишка в Московской области сельскохозяйственных земельных угодий.

В течение пятилетки нам предстоит провести ряд мероприятий как для увеличения лесного покрова в малолесных районах, с целью ослабления местного дефицита в древесине в будущем, так равным образом и в целях использования всех площадей, которые не пригодны для сельскохозяйственных культур. Пятилетний план предполагает произвести облесение площади в 300 тыс. га и, кроме того, естественное возобновление лесных массивов на площади в 59 тыс. га. Этими мероприятиями будет приостановлено дальнейшее обезлесение малолесных районов и стабилизация, а может быть и частичное увеличение, смежной лесосеки в малолесных районах...

Вопрос о рабочей и гужевой силе в лесных разработках представляется одним из самых существенных вопросов. Уже в прошлом году, и в особенности в нынешнем, этот вопрос дает себя чувствовать со всей остротой. Как я говорил выше, основные лесозаготовительные работы нами передвигаются в область богатых лесистых массивов с весьма слабым местным населением. Поэтому на лесозаготовки приходится доставлять рабочую и гужевую силу со стороны, подчас из весьма отдаленных районов. Это обстоятельство не только удорожает стоимость лесоразработок, но и влечет за собой многочисленные и часто весьма тяжелые последствия в смысле производства определенного объема плановых работ в установленные сроки. Такое положение вещей не выгодно для лесоразработок и в том отношении, что на лесоразработках получается весьма текучий состав рабочих, что, в свою очередь, обусловливает низкую их квалификацию. Все эти затруднения осложняются еще тем, что на лесоразработки с гужевой силой попадают кулацкие и зажиточные элементы, которые неизбежно вносят вредную атмосферу в общую крестьянскую массу, привлекаемую на лесоразработки.

В последиее время в целях устраиеиия всех этих вредных явлений особеино сильно дебатируется вопрос о промышлеииой колоиизации развертывающихся больших лесных разработок. Одиако следует признать иаиболее правильным путем разрешения этой величайшей проблемы — организацию лесхозов (леспромхозов) и лесоколхозов. Эта организациоиная форма в иастоящее время подвергается тщательиому обследованию, и иадо полагать, что через нее мы найдем разрешение ие только проблемы рабочей и гужевой силы иа лесозаготовках, но и виесение социалистических форм производства в эту область, что до сих пор казалось наиболее трудной задачей.

Рядом с этими мероприятиями, требующими исключительно срочиой разработки и проведеиия их в жизнь, следует поставить весьма любопытиый опыт, проделанный в иекоторых районах Волгокаспийлесом, который заключил договор с сельскохозяйствеиными коллективами ближайших к разрабатываемым лесиым массивам мест об использовании на лесозаготовках тракторов и рабочей силы сельскохозяйственных коллективов...

В лесном деле, как и во всех остальиых областях нашего хозяйства и иашей культуры, особеиную заботу вызывает вопрос о кадрах. Здесь мы ие только крайие бедны квалифицироваииыми силами, которые так иеобходимы для выполиения огромных задач, стоящих перед лесиым хозяйством и лесиой промышлеииостью, ио и те иебольшие кадры квалифицированных работников, которыми мы располагаем, содержатся иами в крайне иеудовлетворительиых условиях. Правда, за последние годы небольшими дозами, ио неуклоиио, из года в год положение лесиых работников нами улучшалось и иам иеобходимо сделать решительный шаг в сторону более резкого поднятия материальиой и культурно-бытовой обстаиовки работииков. Здесь одииаково речь идет как об окладах, так и о жилищных и иных условиях, в которых протекает работа лесных специалистов и лесиых рабочих. Пятилетка по

лесному хозяйству предусматривает разрешение и этой проблемы.

Проектируемое лесное хозяйство должно будет оказать сильное влияние на образование крупных кадров постоянных рабочих в лесном хозяйстве. Это само по себе окажет значительное содействие образованию соответствующей квалификации работников сельского хозяйства. Само собой понятно, что с образованием армии постоянных лесных работников на очередь ставится вопрос о мероприятиях по их подготовке и поднятию их квалификации.

Но совершенно срочной является задача подготовки кадров лесных работников высшей и средней квалификации. Имеющиеся у нас учебные заведения должны быть признаны недостаточными для обслуживания того плана работ, который намечен пятилеткой. Впрочем, они являются совершенно недостаточными не только для работ пятилетнего перспективного плана, но мы уже и в настоящее время испытываем огромные затруднения вследствие недостаточного состава специалистов высшей и средней квалификации. Организация подготовки этих кадров предусмотрена также в пятилетнем плане...

Говоря о намеченных пятилетним планом мероприятиях, я должен с крайним огорчением констатировать, что, в отличие от других отраслей хозяйства, мы во втором году пятилетки не только не превышаем ее предположений, но в некоторых отношениях мы ее недовыполняем. Так, например, работы по лесоустройству в нынешнем году снижаются почти на 40%; работы по лесоэкономическим обследованиям — на 25%, мелиоративные работы — на 20%. Особо грубое нарушение предположений пятилетнего плана происходит с ассигнованиями на лесохозяйственные и жилищные постройки для администрации и лесной стражи. Из запроектированных в пятилетнем плане на эту цель 58 млн руб. первые два года пятилетки дали лишь три с небольшим миллиона рублей...

Я здесь неоднократно останавливался на решающем значении для развития нашего лесного хозяйства роста и развития социалистической промышленности, в самых высоких ее технических формах, по обработке древесины и древесных отходов.

Вот это понимание стимулирующей роли промышленности в деле улучшения лесного хозяйства и перевода его на социалистические формы, понимание того, что без живительного стимула промышленного использования древесины лесное хозяйство не может быть поднято на высоту социалистической организации производства, лежит в основе лесной реформы июля 1929 г., реформы, которая осуществила передачу лесной промышленности огромных лесных массивов, долженствующих явиться базой развития промышленности. Реформу эту надо в кратчайший срок довершить и сосредоточить в ведении ВСНХ полностью все лесное хозяйство.

Эта реформа, сосредоточивающая руководство всем лесным хозяйством и лесной промышленностью в руках лесного ведомства в лице ВСНХ, подводящая под лесное хозяйство мощную социалистическую базу, в виде организации в самых низовых ячейках лесхозов и леспромхозов, поставит все лесное дело в нашем Союзе на ту высоту и даст ему все организационные формы, которые соответствуют всему ходу нашего социалистического хозяйства, и таким образом гарантирует такие темпы производственных процессов и такое качество продукции, которое вполне соответствовало бы общему темпу и духу всего нашего социалистического строительства.

1929 г.

Лесное хозяйство РСФСР. По материалам доклада на II сессии ВЦИК. М.; Л., 1930

О ПЯТИЛЕТНЕМ ПЛАНЕ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РСФСР

Из доклада на XIV Всероссийском съезде Советов 12 мая 1929 г.

Я думаю, что не будет преувеличением, если я скажу, что сегодняшний день в жизни нашей республики является днем историческим. Сегодня впервые высший орган нашей республики будет слушать доклад правительства о пятилетнем плане хозяйственного и культурного строительства. Было бы заблуждением думать, что этот пятилетний план является плодом деятельности группы специалистов. План этот опирается на опыт многолетнего нашего хозяйственного и культурного строительства, которое мы до сих пор проводили с величайшим напряжением, с высокими темпами и огромными достижениями. Этот план содержит в себе все достижения научной советской мысли. Этот план опирается на многостороннюю, широкую деятельность как центральных ведомств, так и местных органов власти.

Мысль всех участвовавших в составлении этого плана работников проникала и зондировала нашу хозяйственную жизнь, наше культурное строительство, наши нужды до самых низов, до самых глубин нашего хозяйственного организма. Этот план пропитан духом, идеологией, стремлениями всего рабочего класса. Его революционный темперамент, смелый и решительный темп, который характеризует нашу пятилетку, исходит от того класса, который руководит нашей страной и в союзе с крестьянами держит власть в своих руках, который поставил своей задачей дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата и который с присущим ему волевым напряжением во что бы то ни стало осуществит социализм.

Вся идеология, все основные установки авангарда рабочего класса — Коммунистической партии — лежат в ос-

нове этой пятилетки. И наконец, я должен сказать, что наш пятилетний план, построенный на широких основаниях, на базе обширнейшего опыта и материала, проникнутый непреклонной революционной волей пролетариата, есть труд образовавшейся у нас (небольшой, правда) армии плановых работников как центральных, так и местных. Мы можем с гордостью констатировать, что в процессе планового руководства нашим хозяйством и культурным строительством мы получили кадры испытанных, преданных плановых работннков, которые не только охватили весь наш хозяйственно-культурный опыт, не только выработали теоретически сложную, не нмеющую еще примера в истории человечества методологию составления планов и планового руководства, но которые с величайшей преданностью, проникнутые идеей нашего социалистического строительства, духом, настроением и волей к этому строительству, отдали, не покладая рук, все свои силы и способности на то, чтобы этот план предстал перед нами в возможно более лучшем и законченном виде.

Я не хочу этим ни в какой мере вводить вас в заблуждение и утверждать вас в той мысли, что составленный нами пятилетний план является совершенством, что в нем мы имеем все те достижения, которые мы хотели бы иметь в настоящее время. Далеко еще до этого. Здесь я должен отметить, что очень много сторон нашей хозяйственной н культурной жизни далеко еще не охвачено должным образом планирующей мыслью. Вопросы культурного строительства, работа на нашем культурном фронте были вовлечены в плановое рассмотрение позднее, чем другие хозяйственные отрасли. До сих пор еще нами далеко не все сделано для того, чтобы в плановом порядке иметь полный охват этого важнейшего фронта нашего строительства. Мало того, как охват опыта хозяйственного и культурного строительства, так и плановая методология неодинаково освоены различными частями нашей

республики. Мы имеем области и края, где плановая работа поставлена в уровень, так сказать, того труда и той работы, которая сегодня предлагается вашему вниманию; вместе с тем мы имеем еще отсталые районы, в которых плановые органы так же, как и весь остальной аппарат хозяйственного руководства, стоят еще не на должной высоте. Нами принимались и принимаются все меры к тому, чтобы подтянуть эти отстающие районы и республики, чтобы они по всем отраслям хозяйственного и культурного руководства поднялись до среднего уровня достижений всей федерации.

Наконец, я должен отметить, что достижения, которые мы имеем сейчас в планировании нашего хозяйства, в значительной степени обязаны существующему у нас главному штабу планирования нашего хозяйства и нашего культурного строительства, нашему старшему брату — союзному Госплану, который старше и возрастом и по своему руководящему значению во всем нашем Союзе ССР.

На первой странице розданных вам тезисов по нашему докладу о пятилетнем плане наш план характеризуется как план социалистической индустриализации нашей страны.

Индустриализация сама по себе присуща не только нашему социалистическому строительству, мы имеем капиталистические страны, которые по высоте уровня индустриализации хозяйства далеко опередили нас. Индустриализация предполагает насыщение производственных процессов страны, а в соответствии с этим — и всей остальной культурной обстановки, машинами, аппаратами, станками, другими словами,— механизацию производства, машинизацию производственных процессов. После Октябрьской революции к каждому человеку, живущему на нашей планете, мы можем подходить с вопросом о том, на кого и на что он работает, в расчете на то, что тут может быть только один ответ: или на капиталистическое

общество, или на его противоположность — на социалистическое строительство. Совершенно такой же вопрос мы можем поставить теперь любой машине, любому станку, любому аппарату: на что и на кого они призваны работать? На укрепление ли и развитие капиталистического общества с его частными интересами, со «священной» частной собственностью, с властью господствующего класса — буржуазии — над классом пролетариев или на диктатуру рабочего класса, на устройство социалистического общества, где исключается возможность эксплуатации одним человеком другого, на создание обобществленного хозяйства?

Так же ставится и так же разрешается вопрос об индустриализации. Наша индустриализация, пропитывание хозяйственных процессов механическим оборудованием преследует социалистические цели. Индустриализация не является у нас, в противоположность капиталистическому обществу, орудием эксплуатации. Наоборот, наша индустриализация преследует цель — высокими темпами хозяйственного развития достигнуть того, чтобы укрепить, развить, осуществить социализм, изжить, искоренить и совершенно исключить из нашего обихода все остатки капиталистических элементов, сохранившиеся еще до настоящего времени в нашей стране.

Социалистическая индустриализация есть особенность нашего пятилетнего плана. Социалистическая индустриализация не с неба сегодня свалилась к нам, не впервые появляется она в нашем пятилетнем плане. С самого начала возникновения Советской власти все наше развитие и все наше строительство шли под этим знаком. Если мы сегодня говорим, что этот план есть план социалистической индустриализации, то это надо понимать в том смысле, что на сегодняшний отрезок времени нашего строительства мы имеем план, стянутый напряженными, высокими темпами осуществления социалистической индустриализации, охватывающей преимущественно отрасли

промышленного производства, неизбежно вовлекающей в свое влияние и в орбиту своего воздействия все остальные отрасли хозяйства. В первую очередь приходится говорить здесь о нашем распыленном, мелком, индивидуалистическом сельском хозяйстве. Нельзя себе мыслить успешное осуществление индустриализации нашей страны без того, чтобы высоконапряженными темпами не происходили в сельском хозяйстве те процессы, которые отвечали бы и корреспондировали бы этому темпу развития промышленности. Само собой понятно, что отсталое распыленное индивидуалистическое крестьянское хозяйство должно перерождаться вследствие перестройки, реконструкции нашей промышленности, применительно к тем процессам обобществления, которые лежат в основе нашей социалистической индустриализации.

Отсюда — широкое развитие обобществленных элементов в сельском хозяйстве, отсюда — вовлечение широких масс хозяйствующего крестьянства в обобществленный сектор и в обобществленные формы сельскохозяйственных производственных процессов.

Социалистическая индустриализация нашей страны базируется на социалистическом накоплении. Без этого накопления, без все возрастающих вложений в фундамент нашего обобществленного хозяйства мы не могли бы сколько-нибудь прочно и серьезно строить здание нашего социализма. Процессы нашего накопления резко отличаются от тех процессов накопления, которые имеют место в капиталистических странах. Там процессы накопления основаны на гигантском прессе, который давит на труд и извлекает из него в частнособственнический сектор весь его прибавочный продукт. Наше накопление является результатом все возрастающего усиления производительности труда, снижения себестоимости и обращения всего этого к самому трудящемуся нашему населению. Чем больше производится этого накопления, тем богаче и сильнее становится руководящий класс — рабочий класс

нашей страиы, тем крепче его власть, тем сильиее его руководство.

Особениостью социалистической индустриализации, которая предусматривается пятилетим планом, является преобладающее значеиие отраслей, производящих средства производства. Из дальиейшего будет ясно, что сейчас мы должиы преимущественное вниманне уделить в пятилетием плане усилеиию темпа развития, увеличеиию вложений в отрасли промышлениости, производящей средства производства. Это будет видио из дальиейшего; я должен сказать сейчас только, что эта особенность представляемого вам пятилетнего плаиа повелительно диктуется как интересами общего нашего социалистического строительства, так, в особениости, и иеобходимостью всемериого ускорения подиятия темпа нашего сельского хозяйства. Без этого уклоиа в сторону усиления темпа развития в это пятилетие, без такого высокого темпа вложеиий в так называемую тяжелую индустрию, или, вернее, в отрасли промышлеиности, производящей средства производства, мы, конечно, не сможем выдержать того высокого темпа поднятия сельскохозяйственного производства, который дан ему в иашем пятилетнем плане.

Осуществлеиие социалистической индустриализации требует определенных условий, без которых проведеиие ее в жизнь немыслимо. Это прежде всего оргаиизация самого труда. Чем выше индустриализация, тем выше организация труда. На первом месте стоит, коиечно, вопрос относительио дисциплииы труда, производительности труда. Повышение производительности труда есть результат как реконструкции, усовершенствоваиия самого аппарата промышлеииого производства, так одиовременно и организации самого работающего пролетариата. Этот качествеииый момеит нельзя упускать из виду ни на одии момеит.

Рядом с этим огромиое значение имеет процесс ра-

ционализации всех производственных операций в нашем хозяйстве.

Вопросы снижения себестоимости — один из фундаментов пятилетнего плана. В плане предусмотрены определенные размеры снижения себестоимости и повышения производительности труда. Показатели поднятия производительности труда и снижения себестоимости входят составной частью в тот баланс, в то равновесие, которое должно быть в пятилетнем плане. Всякое нарушение идет в ущерб выполнению высоких темпов, запроектированных в представленной вам пятилетке. Если сопоставить показатели, характеризующие уровень индустриализации опередивших нас капиталистических стран, с нашими, то окажется, что мы стоим сегодня, несмотря на огромный темп, которым мы восстанавливаем наше хозяйство, на весьма низком уровне.

Вот показатели, которые говорят об уровне нашего хозяйства в отношении индустриализации.

Если взять число занятых в промышленном производстве лиц, включая у нас и кустарную промышленность, в проценте к общему числу самодеятельного населения, то оказывается, что этот процент в нашей республике составляет 5—6, может быть — 7, в Германии — 38,1%, в Англии — 51,5, во Франции — 30,2, в Соединенных Штатах — 31,1%. Это есть мерило, показатель того, в какой мере наша страна индустриализирована по сравнению с этими странами.

Если взять такой показатель, как производство чугуна, то по РСФСР мы имеем для 1927/28 г. — 0,9 млн т, а по всему нашему Союзу — 3,3 млн т; в Германии показатель будет 9,7 млн т, в Соединенных Штатах — 40 млн т. Сопоставление этих цифр достаточно ярко и красочно. Если сравнить показатели по добыче угля, то мы получаем для нашего Союза в 1927/28 г. — 35,3 млн т, а по РСФСР — 10 млн т; Германия добывает 398,1 млн т, Соединенные Штаты — 601,7 млн т.

Потребление электрической энергии на душу населения в РСФСР для 1927/28 г.— 31 кВт·ч; в Германии — 740, в Соединенных Штатах — 760.

Вот тот уровень, на котором мы сегодня с вами находимся. Но и этого уровня мы достигли в результате гигантского напряжения в строительном процессе, который мы проделали за минувшие 11 лет. Доставшееся нам наследство стояло неизмеримо ниже. Темпы, которыми мы восстанавливали наше хозяйство и нашу культурную жизнь,— небывалые в истории человечества. Какие темпы у нас были? Промышленность на территории РСФСР по валовой продукции давала по сравнению с предыдущим годом следующий рост: в 1925/26 г.— 43,3%, в 1926/27 г.— 15,5, в 1927/28 г.— 15,3, в 1928/29 г.— 20,3%. Вот темпы, которыми шел наш хозяйственный рост! В истории же капиталистических стран, мы знаем, максимальный рост — не выше 9%. В дальнейшем мы сохраним эти высокие темпы.

Когда мы подходили к нашему реконструктивному периоду еще два-три года тому назад, то многие экономисты, в том числе и наши партийные товарищи, с большим сомнением отнеслись к возможности удержаться в реконструктивном периоде нашего строительства на уровне столь высокого темпа. Однако опыт показал, что мы удерживаемся на таких высоких темпах. Я не могу сказать, что наша экономическая научная мысль до конца выяснила и исчерпала эти, так сказать, таинственные явления. По всем анализам, которые делались нашими экономистами, получалось так, что эти темпы должны были уже иссякнуть. И каждый раз перед экономистами-исследователями вновь вставал вопрос: откуда берутся ресурсы, откуда берутся силы и средства, которые так неожиданно оправдали высокий темп еще в одном, и еще в одном году? Адрес этой причины в общем всем известен: все это объясняется неиссякаемой творческой энергией диктаторствующего пролетариата, который дает тон, вно-

сит свою мысль и свою творческую энергию в строительство, героически преодолевает все трудности. Эта высшая сила — энергетическая, творческая, материальная и духовная — пока еще должного анализа и цифрового выражения не имеет. Причина именно здесь, а также в тех гигантски богатых природных условиях, в которых мы осуществляем наше творчество и нашу работу. С той же уверенностью, с тем же настроением и теми же темпами мы строили ту пятилетку, которая сегодня вам представлена. Возможно, что кто-нибудь, развернув нашу пятилетку и увидев, что ее исходным годом является 1928/29 г., в котором мы испытываем всем известные трудности, усомнится в жизненности всего нашего построения. Мы этих колебаний не испытываем, хотя прекрасно учитываем все трудности, стоящие на нашем пути. Перед великим зданием пятилетки переживаемые нами трудности являются преходящими и частными, которые мы преодолеваем специальными мероприятиями и предотвращение повторения которых предусматривается самой пятилеткой. Трудности мы преодолеем, и достижениями на других фронтах в 1928/29 г. мы скомпенсируем то, чего нам не хватит на тех фронтах, где мы испытываем затруднения.

Индустриализировать успешно, социалистически индустриализировать нашу страну — это значит довести до максимального напряжения, до максимального подъема производительность труда. Но для того чтобы производительность труда дошла до своего максимального уровня, необходимо, чтобы все то, что составляет аппарат производства — здания, машины, оборудование, соответствующая расстановка всех производственных организаций в стране,— чтобы все это было на надлежащем высоком уровне, чтобы этот производственный аппарат был должным образом рационализирован, должным образом усовершенствован и поднят на максимальную высоту. Мы в этом отношении находимся в выгодных условиях: развертывая новое строительство, перестраивая имеющиеся

у нас производственные предприятия, мы сразу переносим последние достижения науки и техники в область производства. Прав Алексей Иванович Рыков, который указал, что никто при построении хозяйства так широко не черпал новейшие достижения науки и техники, как это делаем мы. Это общий закон: каждая отсталая страна не обязательно проделывает в своем развитии те промежуточные ступени, по которым прошли опередившие ее в техническом отношении страны. Конечно, она берет последние достижения, минуя промежуточные ступени, но особенностью нашего строительства является то, что мы, гигантскими темпами реконструируя наше хозяйство, берем в широких масштабах, гигантских размерах и пересаживаем к себе те высокие достижения культуры и техники, которые уже имеют место во всем человечестве. Для совершенного производственного аппарата, который так необходим для высокой производительности труда и индустриализации нашей страны, решающую роль играет энергетическая база страны, то, что идет в помощь работающему человеку, то, чем он располагает, приводя в движение станок или машину — паровая ли это машина, которая дает ему энергию, газовая ли, электрическая или более отсталой формы, включительно до вола и конной тягловой силы. Вот эта энерговооруженность рабочего человека должна стоять еще на более высоком уровне и во всяком случае соответствовать строю производственного аппарата...

Рост потребления электрической энергии по РСФСР характеризуется повышением с 3,2 млрд кВт·ч до 12 млрд. Создать энергетическую базу — это не просто обеспечить промышленность энергетическими ресурсами; электростроительство организует производственные процессы. Одобренный еще VIII съездом Советов план электрификации предусматривал районирование хозяйства на базе районной электрификации. Если вы следите за газетами, вы знаете, что вокруг громаднейшей нашей

Диепровской электроцентрали образуется целый промышлеиный комбинат. Мы проектируем мощную электрическую станцию в Подмосковном районе (Бобриковскую станцию), вокруг этой станции нам мыслится уже огромный промышленный комбинат.

Взявши гигантский темп хозяйственного развития, мы уделяем преимущественное внимание в нашем плане обслуживанию нашей промышленности электрической энергией, что в руках нашего пятилетнего плана является орудием организации по высшему типу реконструируемой промышленности.

Как разверстается эта огромная электроэнергия в течение пятилетия по отраслям обслуживаемого хозяйства? Промышленность в 1927/28 г. потребляет 78% существующей в стране электроэнергии, в 1932/33 г. она будет поглощать 86,5%; коммунальное хозяйство — соответственно 9,4%, а в конце пятилетия — 5,2%. При абсолютном росте потребления энергии коммунальным хозяйством удельный вес поглощаемой им энергии снижается с 9,4% до 5,2%, равно как и удельный вес энергии, поглощаемой освещением, снижается с 12,3% до 6,9%. Наконец, удельный вес расходов энергии по транспорту с 0,3% (к нашему сожалению, расход еще ничтожен) возрастает всего только до 1,4%...

Само собой понятно, что это подводит нас к вопросу о том, как распределены наши основные капиталы промышленности в различных областях и районах федерации в соответствии с проектированием электропромышленности. Здесь обнаруживается, как это принято у нас называть, небаланс географического распределения наших промышленных очагов, то есть, другими словами, мы имеем в двух старых промышленых районах — Ленинградском и Центрально-Промышленном — 65,1% капитала, лежащего в основе всей нашей промышленности, а остальное приходится на всю остальную федерацию.

Это, конечно, представляется нам ненормальным не потому, что развита крупная промышленность в Ленинградской и Центрально-Промышленной областях, а потому, что промышленность должна быть развернута по стране в тесной увязке с планом электрификации, в соответствии с сырьевыми и топливными ресурсами, с планом транспортного обслуживания и так далее. Как это видно будет дальше, в данном направлении мы производим значительные сдвиги. Ленинградская и Центрально-Промышленная области сейчас являются у нас наиболее развитыми, потому и развитие нашего хозяйства будет опираться на эти основные промышленные центры. Электрификация к концу пятилетки в указанных областях достигает самого высокого уровня.

Дальнейшее вооружение нашей промышленности электроэнергией — задача ближайших лет второго пятилетия. Из крупных хозяйственных областей, которые в отношении электропотребления будут сильно отставать, назовем транспорт, гигантские размеры которого потребуют колоссальных вложений и колоссальных реконструктивных мероприятий.

Весьма плачевно обстоит дело с электрообслуживанием нашего сельского хозяйства. Если рабочего в промышленности мы электровооружим примерно вдвое в течение пятилетия, то в области сельского хозяйства сдвиг едва ли выразится в 14%. Причина кроется в распыленности крестьянского хозяйства. Если применение трактора и машин, которые являются для сельского хозяйства ближайшими энергетическими ресурсами, даст нам заметный эффект в сельском хозяйстве, то это произойдет в меру темпа и развития обобществленного сектора, ибо индивидуальное хозяйство в наших условиях никак не может оправдать крупного подъема энергетического обслуживания сельского хозяйства...

В области промышленного строительства и организации мы имеем, можно сказать, развязанные руки, для

того чтобы давать определенные темпы, в отношении же сельского хозяйства мы встречаем большие затруднения в деле его реконструкции и поднятия производственных процессов на надлежащую высоту...

...Низкий культурный уровень, низкая производственная техника, низкий тип организации хозяйственных процессов в сельском хозяйстве, мелкое, раздробленное, первобытное, отсталое крестьянское хозяйство являются колоссальными цепями на ногах гигантской социалистической индустриализации. Здесь нужен мощный сдвиг, колоссальное напряжение для того, чтобы вырваться на широкую дорогу социалистического строительства в этом важнейшем секторе нашего хозяйства. Посмотрите характеристику его состояния. Я вам привел цифры из международной экономики, которые показали уровень состояния нашей промышленности и индустриализации. Посмотрите теперь сравнение сельскохозяйственных показателей. Обеспеченность орудиями и улучшенным сельскохозяйственным инвентарем на гектар посевов: Соединенные Штаты — 80 руб., наше Отечество — 8 руб. 20 коп. Яркая картина! Это сегодня 8 руб. 20 коп., когда насыщение этими машинами и орудиями мы довели до высокого уровня. Легко представить себе, что 2—3—4 года тому назад эта цифра была значительно ниже. Отсюда нетрудно угадать причины колебаний и неустойчивости продукции, а следовательно, и товарности нашего сельского хозяйства, которые вызвали затруднения и острые моменты, какие переживали мы в прошлом году в области продовольствия и сырьевого снабжения, а в этом году в области продовольствия.

Выход мы здесь находим только один — выход, который устраивает нас во всех отношениях и не устраивает только в одном отношении, а именно: мы не можем тот период времени, который нам необходим для того, чтобы этот выход использовать, сократить до одного года, хотя бы до пяти лет,— это обобществление процессов произ-

водства в сельском хозяйстве, укрупиение сельскохозяйствеииых производствеииых объедииений. Этот путь ведет прямым трактом к оргаиизации и завершению иашего социалистического строительства, вырывает крестьяиииа из когтей кулацкой эксплуатации и зависимости от выше его стоящих индивидуалистических собствеиничеких элемеитов, из пучииы темиоты и невежества, в которой ои в большей или меиьшей степеии будет погрязать, пока остается индивидуальиым хозяином. Хотя мы и подняли его хозяйственный обиход, вооружили его иидивидуальиое хозяйство лучшими орудиями производства, даже если мы усилим его электрообслуживание,— сама природа мелкособственнического хозяйства все же будет его пригиетать и придавливать. Путь, нами указаный крестьяиству, ведет его от иизкого культуриого уровня и примитивной варварской оргаиизации хозяйства к высоким формам, к лучшему благосостоянию, к высшей культуре, ио путь этот требует времени. Однако имеино поэтому нами в пятилетке взят весьма высокий темп коллективизации.

Высокая продукция, которая является результатом оргаиизации хозяйства в течеиие пятилетия, темпы, которыми возрастает валовая продукция, предъявляют к иашему транспорту усилеииое требование. Нам приходится траиспорт перестраивать и рекоиструировать, применяясь к тем условиям, которые вызываются этим хозяйственным строительством. Новые райоиы, иовая межрайоиная связь требуют соответствующего обслуживания средствами траиспорта. Движение иа восток, которым характеризуется строительство этой пятилетки, передвижеиие капитальиого вложеиия, поднятие хозяйства в этих райоиах, обусловливают и диктуют соответствующую политику иашему путейскому ведомству. Рост развития промышлеииости потребует гигаитского количества топлива и сырья. Траиспорт должеи перестраиваться, чтобы принять иа себя новые увеличивающиеся, растущие потоки сырья и топлива.

Пятилетка предусматривает плановое согласование развертывания нашей промышленности и транспорта, намечает наряду с железнодорожным строительством усиление водного транспорта, реконструкцию безрельсового сухопутного транспорта. Эта часть транспорта в наибольшей степени отстала, а поэтому здесь мы должны с особым усилием и особой энергией добиться значительных сдвигов.

Вложения в железнодорожный транспорт за 5 лет — 4024,3 млн руб.; в водные пути — 236,5 млн руб.; в пароходство — 249,3 млн руб.; в безрельсовый транспорт — 813,9 млн руб. и в автотранспорт — 347,6 млн руб...

Как я уже сказал, наш пятилетний план не был бы планом социалистической индустриализации и не разрешал бы задач, поставленных перед ним революционным пролетариатом, если бы он недостаточно твердо разрешал вопросы относительно процесса обобществления в нашей стране. Достижения в области обобществления ясно показывает следующая картина распределения валовой продукции промышленности между государственным, кооперативным и частным сектором: государственный сектор — 91,8%, кооперативный сектор — 7,3%, частный сектор — 0,9%. Рост по отношению к 1927/28 г. характеризуется следующими показателями: государственный сектор возрастает на 161,4%, кооперативный — на 116,7%, частный — на 41,4%.

Наибольшей трудности задачи предстоят нам в деле проведения начал обобществления в области нашего сельского хозяйства. Мелкие индивидуальные сельские хозяйства, как я уже мельком указал, не поддаются в достаточной степени повышению своего технического уровня и не поддаются в достаточной степени необходимой технической энерговооруженности. Грубо говоря, нельзя представить себе в нашем середняцком хозяйстве (тем более в бедняцком) трактор целесообразно работающим. Это — разорение для хозяйства.

Этн процессы обобществления предоставляют трудовому крестьянину все выгоды для того, чтобы принять в нем участие. И опыт показывает, что 11 лет советского строительства для нашей крестьянской массы даром не прошли. Крестьянство в массе уже проявляет ннтерес к формам коллективнзации и к обобществленной форме пронзводства. Мне лично, при объезде нынче двух губерний, приходнлось в селах н деревнях в беседах с крестьянами на собраниях и частным образом видеть выраженне чрезвычайно большого интереса, огромное желание знать, что, мол, это такое, «показали бы коллектив, как он организуется, что он дает». Если в таких районах уже пробудился ннтерес у крестьян, которые только на расстоянии слышали о коллективном хозяйстве, но конкретного прнмера перед глазами не имели, то в этом есть уже залог того, что предположенные нами темпы, которыми предусматривают развитие обобществленного сектора, будут выдержаны, будут даже наверняка превзойдены...

Обобществленное хозяйство дает максимальный эффект при эксплуатацни трактора и всяких сложных сельскохозяйственных агрегатов, всяческих усовершенствованных машин и орудий. Эти же обобществленные производственные организации в сельском хозяйстве в значнтельной степени облегчают н повышенне уровня энергетического обслуживания, ибо там, где есть обобществленное хозяйство, там же имеется трактор, там нмеется тот илн иной вид двигателя, та или иная машина, которая расширяет и развертывает свое обслуживание на весь коллектнв, на все виды хозяйственной деятельности и поднимает этим самым хозяйственный уровень и эффективность этого хозяйства. Эта же коллективизацня в области сельского хозяйства в конце концов высвобождает значительную часть крестьянства от всякой зависнмостн от кулацкой части деревни и тех элементов, которые если н не подходят по определению

нашего закона о сельхозналоге под кулацкие, тем не менее стоят на более высоком уровне и так или иначе влияют и ставят в зависимость от себя нижестоящие группы хозяйствующего крестьянства.

Рост и развитие обобществленного сектора в области сельского хозяйства должен иметь у нас поступательный темп. С каждым годом этот темп должен все больше и больше повышаться, ибо не подлежит сомнению, что преимущества этой организованной формы хозяйствования неизбежно будут вовлекать в этот сектор все большие массы трудового крестьянства...

Я должен перейти сейчас к некоторым общим вопросам нашего культурного строительства. Если приведенные в начале моего доклада показатели, сравнивающие состояние нашей индустриализации с индустриализацией передовых капиталистических стран, дали довольно печальную картину низкого уровня нашей технической индустриализации, то не более радостную картину на сегодняшний день дают сопоставления, относящиеся к культурным показателям. Но те темпы, которые мы до сих пор имели в области восстановления нашей культурной жизни, и те темпы, которые взяты в пятилетнем плане, дают нам основание рассчитывать, что и здесь мы будем иметь необходимое нам преодоление.

В области народного просвещения различные страны различно исчисляют процент грамотных: то по отношению ко всему населению, то по отношению к рекрутам и так далее. Если мы возьмем все население в возрасте от 8 лет, то получим, что общий показатель нашей грамотности составляет примерно 50% (процент грамотных по отношению ко всему населению по переписи 1926 г. равен 40,7%). Такие страны, как Германия, Соединенные Штаты, Англия и так далее, имеют, конечно, гораздо больший процент, и закон об обязательном всеобщем обучении проведен у них гораздо раньше. Это и немудрено, поскольку эти страны выступили на историческую арену на

многие столетия раньше нас. Если общий процент нашей грамотности рассмотреть отдельно по городу и деревне, то мы получим по переписи такие показатели: по городу около 66% и по деревне 35,5%. Если эти показатели рассматривать по различным частям нашего Советского Союза, то мы будем иметь здесь резкие колебания. У нас будут области и края, в которых этот процент будет выше среднего, и будут области и края, где этот процент опускается весьма низко. Вся политика Советской власти направлена на то, чтобы отстающие в культурном и хозяйственном отношении национальные районы и окраины подтягивать более высокими темпами кверху, поднимать и повышать их уровень. В результате этого мы имеем сейчас колоссальные достижения, но мы еще не достигли на все 100% того, чтобы нам не приходилось заниматься подтягиванием и чтобы работа по поднятию культурного уровня шла равномерно и гармонично по всей нашей стране. Этого мы еще не имеем; и поэтому в настоящей пятилетке предусмотрены разные темпы поднятия культурного уровня различных частей нашего Советского Союза. Мы имеем такие районы, где мы почти приблизимся ко всеобщему обучению в конце пятилетки.

Охват школами детей школьного возраста от 8 до 11 лет выражается в 55%, причем в городах этот возраст охватывается школами в размере 84,8%, а в деревнях — только на 50,2%. Я сказал, что эти проценты показывают охват детей в возрасте от 8 до 11 лет, но фактически этот процент в нашей низшей школе мог бы быть значительно выше. И если сейчас детвора в возрасте от 8 до 11 лет не занимает полностью все существующие места в школе, то это объясняется только тем, что с ребятами от 8 до 11 лет конкурируют второгодники и ребята более старшего возраста, которые занимают их места. В нашем пятилетнем плане мы не смогли совершенно освободиться от этого явления для того, чтобы дать полный простор и на все 100% ввести детвору на эти места в этой школьной

сети. У вас возникает предположение о создании параллельно с этими школами специальных школьных учреждений для вышедших из этого возраста детей от 12 до 15 лет для того, чтобы им преподавать первоначальные науки наших низших групп детворы. Мы рассчитываем весь состав ребят 8 лет вместить к 1933/34 г. в нашу школу, и эти процессы всеобщего обучения закончить в 1936/37 г. для детей в возрасте от 8 до 11 лет. Я не могу сказать, что эта важнейшая проблема, как и все остальные культурные вопросы, о которых я вам еще буду говорить, будет в нашем пятилетнем плане удачно разрешена. Я надеюсь, что после того, как вы заслушаете подробный доклад о деле просвещения, вы дадите нам задание получить уже в течение этой пятилетки большие достижения. Наш план народного просвещения мы составили таким образом, что для сбалансирования наших нужд и средств нам потребовалось получить необходимое покрытие из союзного бюджета. В какой форме мы изыщем эти средства, как этот вопрос будет разрешен — это работа, так сказать, еще предстоящая. Но я хотел бы, чтобы, утверждая наш план народного просвещения и те темпы, которые нами взяты, вы в свою очередь подчеркнули бы важность и необходимость дальнейшего усиления этих темпов и этим самым укрепили бы правительство на тех позициях, на которых оно стоит, выдвигая для успешного завершения советского строительства в это пятилетие всемерное поднятие культурного уровня нашей страны.

В дополнение я должен сказать, что школьная сеть охватывает 6,7 млн детей, а к 1932/33 г. этот охват достигнет 10,4 млн детей. К концу пятилетия мы сможем обеспечить школьными местами около 94% всей нашей детворы школьного возраста. В городах и фабрично-заводских районах мы рассчитываем семилетки расширить и построить эту сеть таким образом, чтобы ею мы могли охватить детей рабочих полностью.

Затем стоит задача максимального охвата сельского молодняка школами крестьянской молодежи, которые сейчас охватывают около 60 тыс. учащихся; к концу пятилетки мы рассчитываем этот охват увеличить примерно в 3 раза, то есть довести количество учащихся до 180—200 тыс.

В деле дальнейшего развития профессионального образования и охвата этим профессиональным образованием пролетарского молодняка мы проектируем наши девятилетки превратить в десятилетки, с тем чтобы последние 3 курса были посвящены передаче этой молодежи таких профессиональных навыков, профессиональных знаний, которые могли бы ими быть приложены непосредственно к практической жизни при выходе из школы. Наконец, во всех наших техникумах теперь обучается 125 тыс. чел.; к концу пятилетия эта цифра достигнет 190 тыс. В высших учебных заведениях сейчас учащихся свыше 100 тыс.; к концу пятилетки это количество не на много увеличится, но выпуски вузов будут значительно усилены.

Я здесь должен еще сказать несколько слов о наших школах фабрично-заводского ученичества, в отношении которых принимаются меры к тому, чтобы произвести ими полный охват молодежи, направленной нами в порядке брони на предприятия. В этих школах теперь обучается 53 тыс., к концу пятилетия будет обучаться в 2 раза больше. Разрешите перейти к балансу наших квалифицированных сил.

Говоря о поднятии нашего хозяйства, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о кадрах. Вопросы о кадрах составляют столь же существенный момент в успехе нашего пятилетнего плана, нашего социалистического строительства, как и уровень технического строя, о котором мы говорили. Здесь наше чрезвычайно больное место. В этом плане культурного строительства хотя и предусмотрено поднятие уровня обслуживания в максимальной

степени, однако мы выходим с большим напряжением и недостатком в некоторых отраслях.

Обслуживание индустриально-техническими кадрами нашего хозяйства мы будем иметь по высшей квалификации в размере 73,4% той действительной потребности, которую предъявляют наши хозяйственники; в частности, по промышленности мы будем иметь 82%, по строительству — 35% и по транспорту — около 70%. С удовлетворением средним техническим персоналом дело обстоит еще хуже. Общий процент здесь — 56,6. Вот как тяжело с этой стороны разрешается задача соответствующей постановки в обслуживании квалифицированными кадрами нашего хозяйственного строительства. В области сельского хозяйства мы имеем к концу пятилетки 68,8% потребности, в области медицинской — 63,4%. Экономистами мы будем обслужены довольно успешно и удовлетворительно, об остальных и говорить не буду. Все эти цифры говорят о том, что на этом фронте нам надо сделать максимальные усилия, чтобы не только не снизить те темпы, которые предусмотрены, но всемерно их поднять и усилить.

Теперь я хочу перейти к вопросам здравоохранения. В этой области мы можем похвалиться немалыми достижениями. Прежде всего мы имеем положительные показатели в результате экономических и культурных достижений за эти 11 лет. Рост нашего народонаселения особенно показателен. Никогда Россия так не размножалась и не росла, как за последние 10 лет. Мы имеем здесь результаты общих наших достижений как в области хозяйственного, так и в области культурного строительства. Общая смертность снизилась против довоенной с 27,9 умерших на 1000 населения до 22,7. Это держится довольно устойчиво. Смертность детей до 1 года до войны превышала 25% всего числа родившихся, сейчас снижение больше, чем на 30%. Это показатель всеобщего удовлетворительного состояния нашего населения...

Товарищи, этот пятилетний план есть наше колоссальное достижение, и прав был Алексей Иванович Рыков, когда в своем отчетном докладе, говоря о достижениях, он в первую очередь упомянул составление нами и представление на ваше утверждение пятилетнего плана народного хозяйства и культурного строительства РСФСР. Это действительно гигантское достижение во всем нашем строительстве. План составлен, линии и темпы выявлены и намечены места, отведенные всем наркоматам, этому плану соответствующие. Работа над дальнейшим уточнением и согласованием этого плана предстоит еще значительная. Наш план является частью всего нашего союзного плана, иначе и быть не может. Построение социализма происходит на развалинах уничтоженного нами анархического капиталистического хозяйства, анархии рынка. Социалистический план может быть только единым планом, планом организованных и согласованных действий всех элементов, входящих в Советский Союз, а поэтому нам предстоит в дальнейшем, в зависимости от тех изменений, которые будут произведены в нашем союзном плане, производить частичные передвижки и в нашей пятилетке.

Сейчас по всем основным линиям и основным установкам у нас существует согласованность с союзным Госпланом; но, повторяю, различные уточнения, изменения и дополнения тут неизбежно потребуются, и предстоит еще большая работа над этим, выведенным уже в основном зданием,— пятилетним планом социалистического строительства. Но план надо выполнить. Над проведением в жизнь этого плана надо работать. Это уже будет самая серьезная и самая ответственная часть той работы, которую мы сегодня с вами обсуждали. Это не звук пустой, когда мы говорим, что здесь даны напряженные темпы, что здесь проявляется присущая революционному пролетариату революционная отвага и решимость строить и построить социализм. Это обязывает.

Тут ни в одной точке выполнения этого плана нельзя снижать тех темпов, которые предусмотрены. Если где-нибудь по причине стихийного, независящего от нас характера, происходит хоть малейшее послабление, мы должны с бешеной энергией наверстывать упущенное в этом пункте успехом и достижениями в других пунктах. Расхлябанность и головотяпство не должны приближаться к исполнению этого плана. Твердость, жесткость, максимальная экономия, сбережение каждой копейки, вложенной в это драгоценное здание, должны отличать работу каждого, принимающего участие в этом строительстве.

Проделанным опытом мы доказали, что мы действительно способны на героические уступки, на героические действия для того, чтобы достигнуть предназначенных целей. Не сомневаюсь, что теперь, когда уже многое проторено, когда многое преодолено, когда мы в руки получили уже фонды, когда мы выработали навыки, приемы и организационные формы, нам с освобожденным пролетариатом, работающим в союзе с крестьянством, руководимым испытанной Коммунистической партией, будет еще легче преодолевать всякие возможные трудности, всякому покушению сказать: «Руки прочь от социалистического строительства». И эту пятилетку осуществить.

Этим мы должны сделать решительный шаг по пути полного осуществления социалистического строительства в нашей стране и полного уничтожения и выкорчевывания остатков капитализма в нашем хозяйстве.

О пятилетнем плане развития народного хозяйства РСФСР. Доклад на XIV Всероссийском съезде Советов. 12 мая 1929 г. М.; Л., 1929

ЧЕГО МЫ ЖДЕМ ОТ ДОРОЖНОГО СЪЕЗДА

Шоссейным и грунтовым дорогам, имеющим первостепенное значение в развитии промышленности, торговли и сельского хозяйства, в дореволюционное время не уделялось достаточного внимания, вследствие чего благоустроенных дорог было очень мало по сравнению с первоочередными нуждами хозяйства страны. Советская власть, получив это отсталое хозяйство, также не смогла в первые годы обратить достаточного внимания и выделить средств на эту отрасль хозяйства, а вынуждена была сосредоточить все силы на восстановлении основных отраслей промышленности, железнодорожного транспорта и других командных высот социалистического хозяйства.

Всем известно, что неблагоустроенность дорог приносит народному хозяйству громадные убытки, достигающие ежегодно, по приблизительным подсчетам некоторых исследователей, суммы свыше семисот миллионов рублей, и вместе с тем задерживает культурное развитие отдельных районов, связанных с центрами грунтовыми путями сообщения, непроезжими в течение большей части года. Эти обстоятельства, с одной стороны, и развитие основных отраслей хозяйства СССР, с другой, поставили на очередь вопрос о коренном улучшении сети шоссейно-грунтовых дорог. В последнее время правительство СССР и партия придают дорожному делу громадное значение. Однако одними государственными средствами привести в исправное состояние обширную сеть шоссейно-грунтовых путей не представляется возможным, а нужна широкая самодеятельность со стороны населения нашей республики. За организацию помощи в этом важнейшем деле и взялся Автодор.

Заинтересованность в улучшении шоссейно-грунтовых путей со стороны местного населения можно иллюстрировать тем, что на территории РСФСР за короткое время

для борьбы с вековым бездорожьем организовано в деревнях по инициативе самих мест свыше 60 ячеек Автодора.

В конце июля этого года Автодор созывает в Москве дорожный съезд, в котором примут участие организации Автодора РСФСР, государственные и местные органы, ведающие дорожным делом, а также и организации Автодоров союзных республик. На этом первом дорожном съезде, созываемом общественной организацией Автодор, будут поставлены на обсуждение и проработку следующие основные вопросы по дорожному делу:

1. Задачи Автодора в дорожном деле. 2. Обзор дорожного хозяйства у нас и за границей и перспективы его развития в нашей республике. 3. Дорога и автомобиль. 4. Экономически-техническое обследование и научно-исследовательская работа в дорожном деле. 5. Грунтовые дороги и механизация работ на них. 6. Техническая нормировка в дорожном строительстве и дорожные сооружения (мосты, трубы и пр.) и меры к упорядочению их строительства. 7. Усовершенствованные типы дорог. 8. Общественная инициатива, трудовое участие населения в дорожных работах и роль в этом деле ячеек Автодора. 9. Организация дорожной промышленности и снабжение дорожных работ машинами, инвентарем и материалами. 10. Финансирование дорожного строительства за границей и у нас. 11. Организационные формы дорожного хозяйства и обеспечение техническим персоналом. Кроме того, съезду будут продемонстрированы московским советом и ЦУМТом опыты и достижения в дорожном деле.

Таким образом, съезду предстоит обсудить все стороны дорожного дела, выявить запросы с мест в этой важнейшей отрасли нашего хозяйства и наметить пути дальнейшего направления работы в дорожном деле. Труды съезда дадут Автодору указания, в каком направлении должна идти его работа в дорожном деле, а местные ячейки Автодора почерпнут в трудах съезда новый источник своей активности и пути практического проведения в жизнь задач нашего общества.

За рулем. 1928. № 2. С. 1

ИЗ ДОКЛАДА НА I МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АВТОДОРА

2 марта 1929 г.

...Я хочу остановиться на двух вопросах, имеющих для нас исключительно важное и ударное значение,— «Даешь автомобиль!» и «Даешь дорожную промышленность!».

Оставаться дальше в том положении, в каком мы были до сих пор, невозможно. Сидя в правительстве и соприкасаясь с хозяйственной и культурной работой республики и ее отдельных районов, мы постоянно сталкиваемся с вопросами реконструкции; дальше заниматься рационализацией нашего хозяйства, не занимаясь вплотную вопросами дорожного строительства и средств передвижения, нельзя. Как обстоит сейчас дело с автостроением? Здесь создалась какая-то удивительная мертвая точка. Каких только огромных предприятий, совершенно новых в нашей стране, каких только гигантов мы за это время не возводили, а с заводами по автостроению дело не выходит.

Как заниматься автостроением? Самостоятельным ли путем или перенести к нам заграничный капитал и технику? Мы все болтаемся, как маятник, между этими двумя проблемами. У нас автостроение еще совершенно не налажено и наше народное хозяйство много от этого теряет.

Не дожидаясь никого и ничего, мы должны заняться собственным автостроением. Если мы поставили Волховстрой, сооружаем Днепрострой и т. д., мы можем развернуть свое собственное автостроение. Когда мы несколько лет тому назад начали выпускать машину АМО, было много скептиков, утверждавших, что зря мы туда бросаем деньги и что ничего из этого не выйдет, так как

иет у иас ии техииков, ии квалифицироваииых рабочих. Однако же машииа АМО оказалась лучше своего прототипа. Едииствеиный иедостаток, что завод выпускает еще мало машии (в этом году 1400) и, естественно, иа каждую машииу ложится большой расход. Отсюда вывод: иадо завод расширить, вложить в иего капитал, и машииа будет стоить дешевле. Техиики и рабочие завода должиы добиться сиижеиия стоимости машии. Это нужио сделать для того, чтобы действительно смело пойти иа развертываиие советского автостроеиия.

У нас в Москве привыкли ездить иа «Ройсах», ио ведь это баловство. У нас есть собствениые коиструкции машии, которые, может быть, ие хуже этих «Ройсов». Нужно пробовать НАМИ, АМО и сотни других машии, что обойдется гораздо дешевле, чем сидеть без машии или платить золотую валюту за граиицей. Развертываиие собствениого автостроеиия — задача всего рабочего класса.

Наряду с автостроением перед иами стоит задача дорожного строительства. Расширяя иаше дорожиое строительство, мы в то же время должны развериуть и иаше дорожиое машиностроеиие. Почии в этом отиошении у нас уже есть. Различиые дорожиые машииы у иас уже строятся, и оии ие хуже машин, привозимых из Швеции и Германии, и великолепно работают.

Опыт показывает, что там, где появляется в эксплуатации автомашина, иачииается лихорадочиое улучшение дорог. Дорога потяиет машииу, и машииа обязательно потянет за собой дорогу. Дайте крестьяиииу, производящему товарное хозяйство, грузовичок для перевозки картошки, молока, свеклы и т. д. и ои обязательио дорогу выровияет.

Задачи автостроения и дорожиого машиностроения остро стоят перед всей иашей общественностью, перед всем нашим хозяйством и правительством. Московское

губернское отделение Автодора должно быть в этом деле застрельщиком. В его деятельности автостроение и дорожное машиностроение должно занять первое место.

За рулем. 1929. № 6. С. 11

СОБРАТЬ И ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЭНТУЗИАЗМ МАСС!

Как известно читателям, с нынешнего года реорганизовано Центральное управление местным транспортом (ЦУМТ). В союзных республиках созданы при советах народных комиссаров главные управления по дорожному и автомобильному делу. Оперативная работа по новому закону передана местам. Усилено финансирование дорожного строительства. На днях опубликован закон о натуральном трудовом участии населения в местном дорожном строительстве. Правительством вынесено постановление о всемерном и скорейшем усилении автостроения и машиностроения, необходимого для грунтовых и шоссейных дорог. Все это должно дать огромный сдвиг в развитии нашего местного дорожного и автомобильного хозяйства.

Все указанные законодательные акты и организационные мероприятия являются, конечно, необходимейшим условием успеха дела. Но одних этих актов было бы далеко не достаточно. Сопутствующим, столь же существенным, элементом успеха является экономический побудитель к улучшению дорог и перевозочных средств. А до какой степени экономика вопиет о необходимости этого улучшения дорог, насколько глубоко заинтересованное население осознало нужду в улучшенных дорогах и улучшенных средствах перевозок видно как из многочисленных откликов, полученных Автодором за последнее время буквально из всех уголков наших республик, так и из характера постановлений различных съездов и конференций по вопросам местного транспорта.

Весьма характерным и показательным является письмо, полученное редакцией журнала «За рулем» из Шадринского уезда от инструктора по тракторному делу Н. С. Гурина. Тов. Гурин познакомился с № 9 журнала «За рулем» и взялся за перо. Он пишет: «Оно верно, тяжелое наследство досталось нам от старой Руси, но все же на двенадцатом году Октября приходится задуматься и задуматься серьезно. Да, впрочем, и думать, пожалуй, не время теперь. Думай, не думай, а все равно додумаешься до того, что все же надо строить и строить как можно скорее. Это должно, в первую очередь, учесть крестьянство. Оно должно понять, что без его инициативы, без его помощи государству трудно будет справиться с этой задачей. Нужно каждому члену Автодора, каждому трактористу быть пионером этого дела, нужно разъяснить, открыть глаза каждому крестьянину, нужно втянуть его в эту армию по борьбе с бездорожицей».

Тов. Гурин — восторженный читатель «За рулем» — не остался пассивным. В конце письма он сообщает, что непосредственно перешел к делу, начал свою практическую разъяснительную работу среди окружающих и, между прочим, навербовал до четырех десятков подписчиков журнала «За рулем».

Тов. Гурин пишет: «Не так важно, мне кажется, то, что редакции эта подписка даст 150—200 рублей денег, а важно, что этими подписчиками расшевелим деревню, откроем ей глаза, убедим, что ее помощь очень нужна в этом благородном труде. Я думаю, что и все остальные товарищи подписчики не останутся глухими к голосу дорожного съезда».

Тов. Гурин не единичное явление. Головокружительный успех нашего журнала, который превзошел все ожидания и тираж которого в короткий срок достиг 50 тыс. экземпляров, и живая связь, установившаяся между журналом и его читателями, свидетельствуют о том, что мы на местах имеем огромный кадр вот таких активных,

действенных работников, каким выглядит из приведенных цитат т. Гурин, и, опираясь на которых, наши новые дорожные и автомобильные органы могут осуществить действительно гигантскую работу по переустройству наших дорог и реформе механического транспорта.

На наши местные органы выпадает чрезвычайно интересная и ответственная задача по организации всех этих общественных сил, по использованию их энтузиазма и воли к улучшению дорожного дела. Не потерять ни одного атома из этого энтузиазма, собрать его, приумножить, дать ему простор и широту в развертывании — вот благодарная задача, которая стоит перед местными органами власти и перед автодоровскими кадрами.

Эти мощные творческие общественные силы сделают свое дело, «разъяснят, откроют глаза каждому крестьянину, втянут его в армию по борьбе с бездорожицей». Необходимо только эту инициативу и энтузиазм поддержать всеми силами.

В первую очередь шефство над этим ценным общественным элементом, над энтузиазмом и инициативой должен принять на себя журнал «За рулем». Он должен сделаться чутким органом, отражающим настроения и переживания этих ценных, действенных общественных сил.

Ведь эта общественная самодеятельность есть один из лучших видов той лаборатории, в которой трудящиеся массы индустриализируют страну, строят социализм.

За рулем. 1929. № 8. С. 1—2

О РАБОТЕ ЖУРНАЛА «ЗА РУЛЕМ»

«За рулем» — наш автодоровский журнал. Это наше оружие, которым автодоровская общественность пользовалась систематически и регулярно в борьбе за свои зада-

чи. Пять с немногим лет существует Автодор, ровно пять лет исполнилось в апреле 1933 г. нашему журналу. Журнал моложе Автодора потому, что, организовав общество, мы не сразу могли определить «профиль» журнала и остановиться на издателе. Поиски отняли несколько месяцев. Дальновидный мастер, член-учредитель общества, уже тогда большой журналист М. Кольцов помог обществу, и журнал появился на свет в апреле 1928 г.

Перелистайте пять томов журнала, почитайте руководящие статьи и рабселькоровскую хронику — это история роста и развития журнала, это история Автодора. В них отражены большие успехи и достижения в автодоровском движении. Журналу принадлежит немалая заслуга в этих достижениях.

Но сравните номера первых годов с номерами последних, и вам резко бросится в глаза разница, особенно если последние просматривать параллельно с отпрыском журнала — газетой «Автодор». Как и все руководство Автодора, журнал вначале во власти общей агитации за автомобилизацию и за рост общества, за создание новых коллективов. Лишь в последние годы идет все нарастающая пропитка журнала заботой о конкретизации общественной борьбы, о политической роли общества, о его классовых задачах, о составе коллективов и борьбе с их классовой засоренностью, об участии Автодора в хозяйственно-политических кампаниях, о большевизации общества.

Читаешь старые статьи, в том числе и собственные, и чувствуешь досаду — сколько времени было потрачено на погоню за количественными достижениями и на агитацию за общество «вообще» и как упущена важнейшая политико-воспитательная работа над создавшейся организацией, работа по постановке организаций на рельсы конкретной работы в самом начале их возникновения.

В этом нам надо сознаться и на это надо указать, так как нам приходится теперь с огромными усилиями лик-

видировать последствия этой политической ошибки. А что последствия эти были тяжелы, видно из того, что вот уже два года как мы призвали наши организации к классовой бдительности, поставили своей задачей беспощадную борьбу с засоренностью наших коллективов и все-таки не можем еще считать организацию очищенной и достаточно огражденной на будущее время.

Это, конечно, вина не только журнала, это ошибка всего руководства. Но журнал и газета последние годы повели решительную борьбу за политическое лицо общества, пропитались тревогой за общественно-политическое направление наших организаций и за содержание их работы.

Однако сделано еще недостаточно. Армию рабселькоров нужно направить так, чтобы газета и журнал в самом начале сигнализировали о неправильном уклоне в работе организаций, разоблачали в самом начале затесавшихся к нам врагов, проходимцев и лодырей и стали органом действительной классовой бдительности в Автодоре. Техническое воспитание наших масс, поднятие их автодоровской квалификации нужно проводить в неразрывной связи с борьбой за проведение в жизнь директив партии и правительства. Только под таким углом надо оценивать наши достижения и обличать уклонения и ошибки.

Журнал вступает во второе пятилетие своего существования с лозунгом: вместе с миллионными массами пролетариата на борьбу за осуществление второй пятилетки, за бесклассовое социалистическое общество, за осуществление социализма во всем мире. Пожелаем же успеха в его борьбе за проведение этих задач, за реализацию их в повседневной работе автодоровских организаций и окажем ему всяческую помощь в руководстве и большевистском воспитании автодоровских масс.

За рулем. 1933. № 7—8. С. 5

ИЗ СТАТЬИ «СУБТРОПИЧЕСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ — БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ТЕМПЫ»

Вопрос об организации и промышленном развитии советского субтропического хозяйства не является вопросом, сегодня впервые поставленным в повестку дня.

Он был поставлен почти одновременно с общими задачами социалистической реконструкции сельского хозяйства в целом.

И если партия и правительство именно в данный момент решили организовать специальный комитет по субтропикам, то только потому, что теперь, когда в основном разрешена проблема зернового хозяйства и прочно закреплены успехи в развитии животноводческих, хлопковых, свекловичных, льняных и табачных районов, создается необходимость более ускоренными темпами двинуть вперед промышленное развитие субтропического земледелия. Этого требует также возросшее благосостояние трудящихся СССР.

С другой стороны, факт образования комитета по субтропикам должен расцениваться как продолжение взятого партией и правительством правильного курса на разукрупнение громоздких наркоматов и управлений и их специализацию вокруг определившихся ударных народнохозяйственных отраслей.

Жизнь показала, что при такой перестройке управленческого аппарата важнейшие отрасли хозяйства получат более четкое оперативное руководство и правильную организационную структуру, новые стимулы развития.

* * *

В отношении хозяйственного освоения субтропических районов проделано уже немало, особенно если учесть,

что работу здесь пришлось начинать на пустом и почти непочатом месте.

Итоги первой пятилетки показывают солидные достижения в области внедрения в субтропических районах Советского Союза ряда субтропических культур, в значительной степени уже заменяющих импортное растительное сырье. Наиболее ощутимые успехи можно отметить по культуре чая, занявшей из субтропических культур первое место в Западной Грузии. Получив в наследство от чаеторговца Попова и бывшего удельного ведомства всего 980 га чая, мы в течение первой пятилетки создали крупное чайное хозяйство на площади в 34 900 га, из коих только в совхозном секторе около 10 тыс. га. По плану 1933 г. намечается выпустить 1500 т готового чая стоимостью свыше 14 млн руб., из коих 714 т сортового, по своему внешнему виду, аромату и вкусу не уступающего лучшим заграничным сортам.

Трест «Чай-Грузия» объединяет 16 совхозов и 16 мощных чайных фабрик с общей производственной мощностью в 3750 т сортовых чаев. Специальным обследованием установлена возможность, при рациональной и правильной организации территории, разместить в соответствующих почвенно-климатических условиях Черноморского побережья около 10 тыс. гектаров чая, что удовлетворит потребность всей страны готовой продукцией в размере не менее 75 000 т. А это будет означать получение в советских условиях того количества чая, которое завозилось в бывшую Россию в 1913 г. на сумму в 62 млн золотых руб.

Второе место после чая занимают у нас цитрусовые культуры, довоенный импорт которых определялся в 11 млн золотых руб. По имеющимся данным, в Западной Грузии под цитрусовыми насаждениями насчитывается 2650 га, из коих 1670 га в колхозном секторе. Ожидаемый урожай этого года определяется в 175—180 млн плодов, что по средней рыночной стоимости расценивается в

45 млн руб. Работу по организации цитрусового хозяйства ведет специальный трест лимонно-мандаринных культур, имеющий 9 совхозов и освоивший за последние 2 года 565 га цитрусовых и свыше 400 га других субтропических плодовых культур, таких, как японская хурма, мушмула, фейзол и другие. Немаловажную роль в организации цитрусового хозяйства сыграли местные республиканские тресты, в особенности в Абхазии и Аджаристане. По инициативе Наркомснаба впервые заложены насаждения грейпфрутов, ввезенных из Америки.

Многие считают разведение цитрусовых излишней роскошью, между тем эти культуры приобретают огромное значение в деле усиления диетического и витаминозного питания трудящихся нашей страны.

Довоенная Россия не знала производства эфирных масел, и импорт их достигал суммы свыше 5 млн золотых рублей. В настоящее время создана советская сырьевая база в районах Закавказья, Крыма, Северного Кавказа и Средней Азии, где под эфироносами занята площадь почти в 2 тыс. га, из коих в совхозах 1600 га. Речь идет только о субтропических эфиродушистых растениях, как герань, лимонное сорго, казанлыкская роза, ирис, вербена и т. д. Ведущее место среди них занимает герань, продукция которой в масле по плану 1933 г. достигает 15 тыс. килограммов стоимостью почти в 7 млн руб. Надо отметить, что по данным промышленности производство геранневого масла в нашей стране превосходит теперь в 3 раза производство этого масла во Франции и в 5 раз в Испании, между тем всего пять лет тому назад оно равнялось у нас нулю.

Под рами насчитывается на сегодня около 945 га, из коих в совхозах 562, причем только по Закавказью имеется 892 га рами, а остальные — в районах Средней Азии. Из рами получается высокоценное и прочное шелковистое волокно, причем выход очищенного и годного для котонизации волокна с одного гектара колеблется от 6

до 10 ц. По плану 1933 г. намечается заготовить с продуцнрующей площадн по Закавказью 2390 т зеленого стебля, что прн четырехпроцентном выходе даст 95 т луба. Особенно благопрнятна для культуры рамн осушенная территория Колхидской низменности, где не исключена возможность получення в теченне года трех урожаев.

В районах Абхазнн и Аджарнстана созданы на площадн до 500 га промышленные плантацнн тунгового дерева, дающего одно нз ценнейшнх, быстро высыхающих техническнх масел для нужд лакокрасочной, военной, электротехнической, технотканевой н другнх отраслей промышленности. Эта культура прнобретает также исключнтельное значение в борьбе с коррозией металлов. За последние годы усиленно занимаются разведеннем тунгового дерева американцы. Ими, по имеющимся данным, во Флорнде заложено почтн 90 тыс. акров.

В районе Азербайджана н Туркменин созданы на площадн около 100 га плантацин мекснканского каучуконоса гвайюллы, в которой содержнтся до 10 и более процентов каучука. Успешно внедряется также культура эукомнн нлн гуттаперчевого дерева, в лнстьях которого накаплнвается до 3% гутты. В этом году под эукомней занято в Абхазни и Аджаристане 12 га.

Имеются также успехн в областн насаждення высокоценных технческнх древесных экзотов, как пробковый дуб, лаковое дерево, камфарный лавр, эвкалнпты, бамбук и т. д. Особое место заняла культура пробкового дуба, занимающая 810 га в районах Закавказья н Северного Кавказа.

Наряду с хозяйственнымн достнженнямн в областн субтропического хозяйства необходнмо отметнть н работу ряда научно-нсследовательских учреждений. Всесоюзный нститут растениеводства, Инстнтут субтропическнх культур, Инстнтут чая н ряд других ннстнтутов накопилн большой опыт в областн агротехннкн н селекцни суб-

тропнческих культур, а по лннни ВИР не безуспешно велись работы по нитродукцни н акклнматнзацни субтропнческих культур, занмствованных в капнталистнческнх страиах.

* * *

Такнм образом, на субтропическом фронте нмеется ряд достнженнй как по лннии хозяйствеиного овладеиня субтропиками, так н в отиошенни накоплення научных данных. Однако отмеченные достнження ие иаходятся ии в каком соответствин с требованнямн народного хозяйства страны, и уровень нх может расценнваться лншь как первые шагн в деле рациональной эксплуатацнн пронзводнтельных снл.

По сутн дела, мы нмеем только спорадическн разбросанные участки отдельных субтропнческнх культур в общей сложностн до 45 тыс. га, но ие нмеем законченного, построенного на плановых началах субтропического хозяйства, обеспечнвающего макснмальное использование налнчных благопрнятных естествеинонсторических условий. Этн участкн разбросаны пренмуществеино в земельно перенапряженных районах Западной Грузнн, но нх почтн вовсе нет в Средней Азнн нлн в Восточном Закавказье, где земельные просторы нсключнтельно велики. На Черноморском побережье Кавказа среди оазнсов чая, цитрусов н эфироносов продолжает господствовать в осиовном потребнтельское хозяйство с монокультурой кукурузы, занимающей иа сегодня почти 80% всей посевной площадн.

На спецнально созванном в начале нюня текущего года совещанни заинтересованных республнк н наркоматов былн выявлены крупнейшне иедочеты и потерн, являющнеся результатом недостаточного, неправильного агротехннческого и органнзацноиного руководства субтропнческнм хозяйством. Вследствне плохого ухода уро-

жайность культуры чая составляет в среднем только 500—600 кг с га. Между тем в Японии урожайность достигает 4—6 тыс. кг, да и на отдельных опытных участках в наших условиях урожайность доходит до 3 тыс. кг с га. Посаженные разновременно в Терском районе Закавказья свыше 200 га культуры гвайюллы почти все вымерзли.

Все это произошло потому, что выбор земель производился случайно, без предварительного агроэкономического и почвенно-климатического обследования районов: закладка плантаций, как правило, происходила наспех, либо на только что вспаханных землях, либо на землях, вовсе не подготовленных и не обработанных. Вместо того чтобы насаждать лесозащитные полосы, бороться с ветрами, создавать благоприятные экспозиции, кое-где выкорчевывали естественные лесозащиты. Важнейшие вопросы химизации почвы, использования местных органических удобрений, имеющие решающее значение в борьбе за повышение урожая, оставались в тени, и потребность в минеральных удобрениях даже по ведущей — чайной культуре за все время была удовлетворена лишь в размере 15—20%.

Несмотря на крайнее напряжение с рабочей силой и высокую трудоемкость чая и других субтропических культур, вопросы механизации возделывания почти совершенно не разрешены. Наряду с этим не созданы нормальные условия для борьбы с текучестью рабсилы, социально-бытовая обстановка совхозов оставляет желать лучшего. Практические мероприятия по борьбе с заморозками и организация искусственного обогревания до сих пор не вышли из состояния опыта. Нет ясности не только в деле агротехники цитрусов, но и не разрешены практические вопросы, связанные с техникой сбора урожая, сортировки, упаковки, транспортирования и так далее, что приводит к массовой гибели высокоценных плодов.

9 Заказ № 2803

В результате бесланового использования территории были случаи, когда лучшие земельные участки на берегу Черного моря, пригодные для разведения субтропических культур, отводились свиноводческим совхозам. По причине отсутствия районирования культур во влажных районах субтропиков, где земельные фонды весьма ограничены, продолжают культивировать эфироносы, пробковый дуб, маслину и другие, хотя не исключена возможность выведения этих культур в районах Средней Азии и Прикаспийского побережья, где, заняв предгорные и горные области, они не явились бы конкурентами ведущей там культуры хлопчатника.

По данным наших ученых, заболоченная Колхидская низменность Западной Грузии могла бы стать мирового масштаба оранжереей субтропического растениеводства. Между тем темпы работ по осушению этой низменности недопустимо медленны, и из насчитывающихся 200 тыс. га болот пока осушено только 6 тыс. га.

Неблагополучно также состояние дорожного строительства, землеустройства, лесоустройства.

Заинтересованные научные учреждения не установили необходимой связи с производством — совхозами и колхозами. Руководство делом подготовки кадров недостаточное. Поэтому по одним культурам, как например по цитрусовым, имеется перепроизводство кадров, а по другим — нехватка.

Сосредоточив все свое внимание на таких огромных — и по важности, и по размерам — проблемах, как зерновая и животноводческая, а также на гигантских задачах развития технических культур, система Наркомзема оставила вне должного организующего и планового воздействия субтропическое дело — дело очень сложное, «ажурное», тонкое по своей структуре. В результате этого 14 союзных хозяйственных организаций и 9 научно-исследовательских учреждений, имеющих касательство к субтропическим культурам, сосредоточили свою деятельность

преимущественно на узкой полосе чериоморских субтропиков, распыляя средства, дефнцитные кадры н проводя свон планы без достаточной увязкн с общнмн ннтересамн Советского Союза н местных республнк.

Вместо того, чтобы всемерно развивать сложнвшиеся местные хозяйства, идя навстречу нх самодеятельности, нннцнатнве н творческнм уснлням, союзные организацни в ряде случаев видели свою задачу только в том, чтобы объединнть уже готовые хозяйства республнкаиских трестов.

Комнтет по субтропикам прн СТО должен будет в кратчайший срок коренным образом исправнть допущеииые ошибкн и на основе оперативного н едииого руководства обеспечить ускоренные темпы соцналистической реконструкцнн субтропнческого хозяйства Советского Союза. Перед комнтетом по субтропикам будет стоять в первую очередь задача шнрокого нспользоваиия даиных наукн н новой техникн для того, чтобы на этой основе двннуть вперед семнмильнымн шагамн дальнейшее развнтне субтропнческого хозяйства.

Борьба за полноценный урожай, за лучшую обработку землн, за высокую агротехнику, за механизацию культур, за правнльную оргаиизацию труда и расстановку сил займет центральное место в повседневной практнческой работе комнтета.

Максимум снл надо уделнть укрепленню существующнх субтропнческих совхозов.

Всемерное внедренне субтропическнх культур в колхозном секторе н постепенная специалнзация колхозов на этих культурах за счет меиее выгодных зерновых культур должиы проводнться упорно и снстематнчески на основе методов экономнческого стнмулироваиня — хлебозавоза и отоварнвання.

Стремясь к образцовой постановке союзных хозяйств, комитет будет в то же время оказывать самую шнрокую поддержку н помощь местиым организацням, идя на-

встречу местной инициативе и самодеятельностн, опираясь всемерно на партийные и советскне органы заинтересованных республнк и вместе с ннми преодолевая трудности на пути овладения советскнмн субтропнками.

Нельзя также огранчнвать в дальнейшем всю работу черноморскими субтропнкамн. Необходимо на основе всестороннего научного изучения районов широко нспользовать все возможности по органнзации субтропиков в неосвоенных еще районах Средней Азии, Восточного Закавказья и отчасти Крыма.

Надо будет добиться того, чтобы советская наука наряду с производственным научно-нсследовательским обслужнваннем существующих субтропнческнх культур неустанно проводила работу по интродукцнн и акклиматизацни новых вндов растительного субтропического сырья, могущего заменить импортное, строго прндерживаясь требований и заданий заннтересованных отраслей промышленности...

Известия. 1933. 8 сентября

Письма

МИХАИЛУ СТЕПАНОВИЧУ АЛЕКСАНДРОВУ (ОЛЬМИНСКОМУ)

21 мая 1898 г.

Михаил Степанович, Вы находите странным мое намерение вместе с Людмилой [1] к Вам в Якутку [2] поехать? Не знаю, с какой стороны мое намерение вызывает в Вас недоумение, но смело утверждаю, что знай Вы хорошо и Верхоленск и Якутку (я не имею в виду Колыму и Верхоянск), мало бы нашли Вы преимуществ у первого перед последним, особенно для человека достаточно прокоптившего за 2 года верхоленские небеса. А Якутка мне даст Ваше с женой общество, новые мечты и роскошную охоту, да еще свободу передвижения на значительных расстояниях (это нужно, конечно, для охоты), а так как я там буду добровольным, то, само собой, в дыре какой-ниб[удь] не соглашусь поселиться. Что же касается Екатерины Михайловны [3], провозглашающей «муж да повинуется жене», то, надеюсь, Вы поправили ее, напомнив ей, что русские законы, как и всякое русск[ое] писание, читаются не справа налево, а наоборот. *Ваш А. Лежава.*

---

[1] Людмила Степановна Александрова — жена А. М. Лежавы, сестра М. С. Ольминского. *Ред.*

[2] В освещаемый в письме период уже было известно, что после тюрьмы М. С. Ольминскому предстоит ссылка в Якутию. *Ред.*

[3] Екатерина Михайловна — жена М. С. Ольминского. *Ред.*

Послано из Верхоленска в Петербургскую одиночную тюрьму «Кресты».

ЦГАНХ СССР.
Ф. 92. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—1 об.
Рукопись. Подлинник

ЛЮДМИЛЕ СТЕПАНОВНЕ, ОЛЬГЕ И НИНЕ ЛЕЖАВА

12 сентября 1933 г. Железноводск

Сидя в Железиоводске, я прежде иикогда ие испытывал такого беспокойства за свое дело, как теперь. Меия беспокоит иеизвестиость, что в Москве, что с бригадами. Я сегодня написал Кардышу, что, если он не наладит регуляриой информации меня о происходящем,— сбегу в субтропики.

За Нииину чистку я ие беспокоюсь и жду от нее такой же телеграммы. Лелечка, а ты мие иаписала подробности? Ты мие должна изобразить все даже в лицах. Также должиа сделать и Нина. Ребята, так как мамусе трудно писать, то вы должны это делать и за нее и за себя. Автодоровцы меня тоже волнуют: 9-го должио было разбираться дело Рубцова, о результате должиы были телегр., нету. Ну крепко, крепко вас целую, мои дорогие. *Ваш А. Леж...*

Из личного архива
О. А. Лежава-Куйбышевой

6 октября 1933 г. Тифлис

Дорогие мои, о том, что я благополучио доехал и здоров и приступил здесь к работе вы знаете из моей корреспондеиции и из разговоров моих с Кардышем. Все эти дни моего здесь пребываиия стоит исключительно хоро-

шая погода. Безоблачное небо, яркое солнце, тепло. Здесь я хожу в парусиновом костюме, правда, ношу летнее пальто. Сегодня вечером уезжаю в Батум, где, как говорят мои приехавшие бригадиры, все время льют дожди и прохладнее, чем здесь. Вчера перед обедом я час посвятил поездке на Авлабар (окраина города, где прошли мои детские годы (с 5 до 10 лет). Разыскал две квартиры, где я жил с бабкой. Обе квартиры сохранились с поразительной нетронутостью. Кажется, даже разбитое оконное стекло, заклеенное старой бумажной ленточкой, осталось от моих времен (57 лет!). Какие это трущобы, какие сырые комнаты. Не понимаю, как я выжил и дожил до этих лет. В одной из этих комнат (она была заперта), как мне сказали собравшиеся на автомобиль жильцы со двора, живет какой-то рабочий-китаец. А другая комната (через два дома за углом) так живо мне напомнила уцелевшую в моей памяти картину, когда я у окна лежал в оспе и около меня сидел учитель Катаняи из армянской школы, куда я напросился перед этим. И школа эта против этого же дома. Эта часть города сохранилась абсолютно нетронутой. Казарма и школа, которые в моей памяти сохранились как грандиозные и красивые, обветшали, облезли и выглядят такими жалкими. Ну, крепко целую вас. *Ваш А. Л...*

Из личного архива
О. А. Лежава-Куйбышевой

ОЛЬГЕ ЛЕЖАВА-КУЙБЫШЕВОЙ

15 января 1915 г. Москва

Дорогая моя Люлюся, твое последнее письмо вызвало во мне такие сложные чувства, что передать тебе всего я не могу. Та искренность и сознательность, которые увидал я в твоем письме сразу, как-то неожиданно показали мне, что ты уже способна не только слушаться моих доб-

рых советов, но и понимать их, и разбираться в собственных чувствах. Я был только огорчен твоим требованием — уничтожить то письмо. Я твое желание исполнил — уничтожил его, перечитав несколько раз. Но уничтожил я это письмо с тяжелым чувством: ведь это было первое твое письмо, которое так сильно взволновало во мне мои родительские чувства, и это письмо так бы хотелось сберечь, как документ начинающейся твоей сознательной жизни.

Ну, дорогая, целую тебя крепко. Жизнь еще впереди. Я, вероятно, в Саратов приеду через неделю.

28 января 1916 г. Москва

Дорогая моя Люлюся, твое письмо я получил. Мне не только не скучно его читать, но оно мне доставляет огромное удовольствие. Именно удовольствие, хотя ты там и сообщаешь о своих огорчениях и неприятностях. Все эти огорчения и неприятности исчезнут довольно скоро. А радует меня нечто другое. Ты помнишь, как начинает проявляться фотографическая пластинка в проявителе? Ждешь, ждешь и иногда долго ничего незаметно. Наконец, начинают показываться сначала самые общие контуры, а потом выступают все детали. Все, что ты мне говоришь лично или пишешь, все твои поступки суть именно признаки проявляющейся твоей личности. А так как ты (или Нина) для меня не фотографическая пластинка, а мое дитя, то все, в чем проявляется твоя личность, для меня имеет самый животрепещущий интерес. Может быть, у тебя явится вопрос, почему у меня этот интерес и для чего мне так хочется все знать.

Когда-нибудь я постараюсь тебе это объяснить, а пока скажу, что происходит это стихийно, от природы, как, например, дыхание. Это постоянное желание все знать о тебе неразрывно связано с другим чувством — быть наготове около тебя в твоем развитии по жизненной кривульке и в опасности — помочь. Ясно отсюда, какую огромную

роль играет в наших взаимоотношениях правдивость и искренность.

Ну пока этого «философствования», как ты пишешь, достаточно.

То, что ты стала у себя замечать переменчивость в настроениях, не должно тебя особенно смущать. Это связано с развитием твоего организма в твоем возрасте. Явление это знакомо и твоим сверстницам. Пережили его и мы.

Приводимая тобою «Элегия» Лермонтова, как элегия, есть прекрасное изображение того подавленного грустного настроения, какое переживал Лермонтов, когда писал это стихотворение. Но оно не есть выражение общего отношения автора к жизни. Мы знаем, наоборот, что Лермонтов к жизни относился весьма страстно и глубоко страдал, когда смерть брала близких.

Я полагаю, что появившиеся шероховатости в отношениях своих с приятельницами скоро изгладятся. Мне кажется, что эти шероховатости реже будут появляться, если вы постараетесь внести побольше сдержанности в вашу товарищескую жизнь. Но об этом в другой раз. Крепко тебя целую, моя дорогая. Привет нашим с тобою общим друзьям. *Твой А.*

20 февраля 1916 г. Москва

Дорогая моя Люлюсенька, вот уже несколько дней собираюсь написать тебе это письмо. У меня все это время из головы не выходит все то, что ты мне сообщила в последнем письме о твоих переживаниях. Все, что ты мне пишешь, очень похоже на сообщение Валюшки. Очевидно, вы не только испытали одно и то же, но даже одинаково и вместе разбирались в некоторых своих переживаниях, относящихся к смерти бедной Л. А. Вероятно, Валя сообщила тебе содержание моего письма, в котором я высказал мое отношение к постигшему вас горю и к вашему поведению во всей этой истории. Поэтому повторять

того же здесь не буду. Я от души желал бы проявления с твоей стороны, как я и писал раньше, самообладания и сознательности. Я желал бы также, чтобы Нина Александровна проявила силу своего духа и по прошествии острого периода горя обратила бы свои взоры к жизни, где есть много зла и страданий и где требуется участие каждого разумного и честного человека для борьбы со злом и для облегчения страдания других. Такая деятельность дает людям громадное утешение. В этой деятельности тонут всякие личные горести и лишения. У Нины Александровны такая деятельность выражалась в занятиях с вами. Она готовила к жизни, развивала вас, чтобы из вас вышли не заурядные женщины, которые не умеют понимать окружающую жизнь и не хотят сделать ее лучшею для всех, а чтобы вы могли посвятить себя жизни сознательной и полезной общественной деятельности. У Нины Александровны есть способность располагать к себе детей и направлять их к хорошему и разумному. Вот мы и пожелаем, чтобы она эту свою способность сохранила и не прекращала бы своей настоящей педагогической деятельности.

Конечно, мы с тобой и наши друзья хотели бы видеть Н. А. опять в Саратове в нашей среде и опять на субботах. Но это, однако, чисто наш личный интерес. Конечно, это было бы хорошо во всех отношениях. Но если разные обстоятельства потребуют ее пребывания в Питере, то с этим, конечно, должно мириться. Прекрасное воспоминание о ней всегда будет жить в нашей душе. А это имеет огромное значение для каждой из вас. Кроме того, если вы будете знать, что Н. А. и в другом городе будет продолжать заниматься с детьми и также их готовить к лучшей жизни, то сердца ваши будут наполняться радостью за нее и себя, что она, ваша любимая Н. А., остается деятельным и полезным работником в обществе. При этом еще в вас должна жить надежда, что вы с нею встретитесь, а переписку поддерживать сколько угодно,— бы-

ло бы только у вас желание. Нужно ли тебе объяснять, с каким нетерпением я буду ждать от тебя сообщений о вашем житье-бытье. Не знаю, будешь ли ты у меня аккуратной корреспонденткой. Что-то в последнее время ты стала редко мне писать.

Вчера у меня день был праздничный, и я с одним моим знакомым в 12 час. дня при ярком свете солнца и температуре в тени ниже 6° пропутешествовал пешком в Новодевичий монастырь, где видел могилу писателя А. П. Чехова. Там же похоронен Плещеев. Когда вы будете здесь, то будем вместе осматривать разные достопримечательности.

Крепко, крепко тебя целую. *Твой А.*

Новикова А. Молчаливые собеседники. М., 1987. С. 88—91

13 августа 1934 г. Москва

Здравствуй, мое солнышко, не сердись на меня, Лелечка, что я до сих пор не писал. Мне все хотелось написать тебе большое письмо и все ждал спокойного времени. Но сейчас пришло твое письмо, в конце которого несколько слов о моем молчании произвели такое впечатление, точно ножом хирурга провели по самой середине сердца. Я кинулся к этому блокноту. Я здоров, голубка, о чем тебе наши пишут исправно. Много ли работаю? Мои сотрудники до такой степени озабочены, чтоб я не заработался, что иногда за моей спиной принимают какие-то решения, что-то делают, чтоб облегчить мое положение. Конечно, работы и забот много, но не могу сказать, чтоб я переутомлялся. Недавно Михневич, уговаривая закончить заседание, спросила, где та моя дочь, которая меня держала в прошлом году в строгом режиме. Это, очевидно, шла речь о тебе — она знала о твоих строгостях ко мне в прошлом году в субтропиках. Все было бы хорошо, если б не разные огорчения от неустроенности моего Управления. С Черновым лично работа

была бы одно удовольствие. Но поскольку Управление становится одним из многочисленных управлений наркомата, оно обезличивается, становится в шеренгу наркоматских частей и начинает погружаться в пучину бюрократического формализма и волокиты, которых в наркомате не было. К сожалению, Чернов с этой проблемой не справился, вернее, он к ней не подошел. Кроме того, попав в шеренгу наркоматских частей, мое Управление страдает от более сильных управлений: мои стандартные дома, готовые к погрузке, заворачиваются на свеклу, мои автомобили передаются зерну и т. д. То есть происходит то, что я предвидел четыре года назад в своей записке, когда я указывал, что субтропическое учреждение первые годы нельзя создавать в составе наркомата. Теперь идут контрольные цифры, квартальные, годовые на 35 год. Та же картина в наркомате,— наше Управление в плановом органе наркомата сталкивается с зерном, скотом, свеклой... получает остатки. После всех этих мытарств я пойду еще драться в Госплан, в НКФ и т. д. Получу, что мне надо. Но в процессе исполнения и по фондам, и по финансам я опять в лапах наркоматского аппарата. Прибавь к этому, что тот же аппарат сует свой нос в оклады моих сотрудников (уже работающих), в карточки, дачи, дома отдыха и т. д. и т. д., и ты поймешь, что я не столько занимаюсь субтропиками, сколько этой идиотской кашей. При этом я не могу понять, кому это нужно, кому это полезно, кто и в чем выигрывает от такого положения. Кроме того, вся моя инициатива, все мое творческое руководство растворяется в этой чепухе. Созревает сознание, что любой на моем месте может осуществлять такое «руководство» субтропиками. Примерно в том духе я написал свои соображения Чернову еще из Кисловодска. Но мы с ним здесь еще к этому вопросу не подошли, он все откладывает со дня на день. Третьего дня он мне сказал, что дня через два-три позвонит и мы с ним засядем за мою «конституцию». Од-

нако большого от этого свидания я не ожидаю. Конечно, все эти переживания усилились, когда я непосредственно каждый день сталкиваюсь с морем мелочей, которые при Кардыше ударялись сначала в него, а потом уже докатывались до меня. Но я и при нем совершенно ясно видел и чувствовал, что мы сползаем на уровень, который делает ненужным существование отдельного субтропического управления. Во всяком случае делает меня совершенно ненужным в этом деле. Замечательно. Четыре года тому назад Субтропком создали в Наркомземе, и он просуществовал месяца четыре и, растворившись в наркомате, исчез. Нынче повторяется буквально та же история. Правильно было мое предсказание. Ты, однако, достаточно знаешь меня и поэтому из сказанного не сделаешь вывода, что я остываю к субтропическому делу. Ничуть. Я лично живу его интересами с полным накалом. Чувствуя провал учреждения и суживающуюся мою в нем роль, я полон забот и волнений в связи с массой новых проблем... Мое письмо, дороганчик, разрослось, и сейчас Нина с вытаращенными глазами посмотрела на меня: как, ты все еще пишешь! Обязуюсь через несколько дней написать тебе более веселое письмо (я этой способности не утратил еще) и на другие темы. Например, какой хороший получился у нас в Автодоре кинокурс. Ну, мое солнышко, крепко целую вас обоих. Очень рад, что вы ведете режимный образ жизни. Копите силы и здоровье. *Твой А. Л...*

Из личного архива
О. А. Лежава-Куйбышевой

НИНЕ ЛЕЖАВА

29 февраля 1916 г. Москва

Дорогая моя Ниночка, сегодня, в понедельник, я получил твое письмо, в котором ты сообщаешь мне про твои

горести и про твое расстройство. Солнышко мое, то, о чем ты пишешь, мне хорошо знакомо. Не только знакомо, но давно служит предметом моих собственных тревог и волнений. Девочка моя, ты теперь уже достаточно взрослый ребенок, чтобы начать понимать то, что с тобой происходит. У тебя в письме те же мысли, какие были еще год тому назад. По твоему изложению выходит так, что все, начиная от бесконечно страдающей из-за тебя мамы и кончая Зинаидой Александровной или Еленой Ивановной, все к тебе несправедливы и тебя не понимают. А я все жду такого момента в твоей жизни, когда ты начнешь отдавать отчет сама себе в твоих собственных поступках. Такой поворот в твоей голове должен наступить, в этом твое спасение и возможность настоящих нормальных отношений со всеми окружающими. А теперь ты занимаешься все другими.

Возьмем пример. Все, что ты мне пишешь про уроки и про замечания учительницы, все это вещи самые простые. Ты обрати внимание не на то, чтобы доказывать правильность или неправильность замечания учительницы, а займись собой. Скажи себе и нам, что ты совершаешь для приобретения знаний? Это удивительно легко. Возьми часы и каждый день замечай, сколько часов ты отдаешь урокам спокойного внимательного и усидчивого труда. Если ты мне каждый день будешь сообщать о количестве своего такого ежедневного труда, то я могу безошибочно отгадать, как будет меняться к тебе отношение всех, кто тебя окружает.

Вот, голубочка, когда ты самое себя начнешь наблюдать и вытащишь себя на твердую самостоятельную рабочую дорогу, то ты сразу увидишь, как все тебя любят и уважают.

В жизни детей или взрослых уважают и любят (а когда нужно, и боятся) только тех, кто умеет спокойно и настойчиво выполнять свое дело. Когда ты к этому годишься, то я буду счастливый человек. А пока я с тревогой и

горечью читаю ваши письма. Других наблюдай, а себя заставляй быть сильной и справедливой. Следи за собой и сознавайся в своей слабости, чтобы от нее избавиться. Перед моими глазами здесь проходит много молодых людей, которые переносят огромные страдания и унижения оттого, что остались недоучками. Моя мысль от них всегда с тревогой переносится к тебе. Каждый потерянный тобою день приближает тебя к положению этих людей. Ты этого не знаешь, но мы, я и мама, это знаем, и чем больше ты теряешь времени, чем больше ты себя распускаешь, тем больше мы волнуемся и страдаем. А мама, как человек больной нервами и сердцем, особенно раздражается и этим сокращает свою жизнь. И все это происходит оттого, что мы безумно боимся за твою будущность. А почему мы так за тебя боимся и волнуемся? Помнишь, как черная кошка изранила тебя из-за котят? Это материнское чувство, материнский инстинкт в кошке. А людям забота о своих детях присуща в еще большей степени.

Кстати, читаешь ли ты какие-нибудь книги, и что ты за это время прочла?

О твоей поездке ко мне в Москву я даже не могу серьезно говорить, потому что в самое время работы нельзя губить время на праздные поездки. Надо дорожить каждым днем. Я всегда просил вас, берегите маму, ибо она нам всем дорога и нужна, а тебе в особенности. Еще раз напоминаю тебе об этом.

Жаль, что ты с Лелей не разговариваешь обо всем том, о чем ты мне пишешь. Чем больше ты будешь обсуждать свои дела сама или вместе с мамой, сестрой и со мной, тем легче будет тебе побороть твои привычки и тем прямее и искреннее будут твои отношения с нами...

Ну, до свидания, моя крошечка. Крепко, крепко тебя целую, мой детеныш. *Твой А.*

2 марта 1916 г. Москва

Дорогая Нинуся, в прошлом письме я не указал тебе на одно обстоятельство, которое играет крупную роль в самочувствии человека, а у детей особенно. У веселящегося и играющего ребенка, у которого на душе неисполненная работа, никогда не бывает настоящего полного удовольствия от игры или забавы. Мысль о том, что дело не сделано, о неприятностях с учителем или родителями все время зудит и вносит неудовольствие во все игры и забавы. Совершенно иначе чувствует себя человек после сделанного дела. После того, как хорошенько, взасос, без мысли о чем-нибудь постороннем, поработаешь и кончишь работу, всегда появляется такое хорошее, бодрое, здоровое состояние, о котором другие люди понятия не имеют. После этого совсем иначе играется, люди кажутся лучше и сам к ним делаешься гораздо добрее. Я такие состояния часто переживаю и знаю, как это происходит. Вот потому-то прошлый раз я и говорил тебе, что не то важно, что ты на столько-то вопросов ответила учительнице, а на столько-то не ответила. А дело в том, совершаешь ли ты сама спокойно и внимательно свою работу. Раз ты свою жизнь и свою мысль так повернешь, то можешь не считать, сколько раз ответила, а сколько нет. Будет хорошо. И все: и учительницы, и товарки станут иными, а главное, у тебя на душе станет спокойнее и веселее. Надо завести такой порядок в жизни, а знания и бодрость сами собою начнут приходить.

Ну, крепко тебя целую, моя крошечка. Жду твоих писем, моя хорошая, *твой А.*

Новикова А. Молчаливые собеседники. М., 1987. С. 91—94

8 марта 1916 г. Москва

Дорогая Нинуся... Ты просишь меня сняться. Я в этом теперь надобности не вижу, деточка. Фотографы дерут теперь ужасно дорого, как и все и за все. К тому же я не-

давно снимался с вами вместе, и эта карточка у вас все время перед глазами. А деньги лучше поберечь и употреблять на то, что более необходимо в жизни, да и другим приходится теперь помогать, потому что скоро наступит время страшной нищеты и страданий. Тебе, голубочка, об этом следует уже знать и думать, так как ты уже достаточно подросла. Маленькие невоспитанные глупышки обыкновенно думают только о себе; когда подают что-нибудь хорошее, то хватают себе в первую очередь, когда им приходит какое-нибудь желание, то всячески добиваются его удовлетворения, не соображая того, что мелкое удовольствие они получают часто ценою неприятности других. Но глупые детишки подрастают, скоро начинают понимать свои поступки и, стыдясь их, отучают себя от них. Но вот встречаются взрослые люди, которые ведут себя, как тупые животные. Здесь на главной улице часто я встречаю безруких и безногих людей, изуродованных на этой проклятой войне, и тут же на этой улице, из магазина в магазин шатаются разные хищники и хищницы и накупают себе всяких безделиц за сотни и тысячи рублей. Я вижу, как многие их провожают с выражением презрения во взорах.

Детенышек, что же ты мне ничего не пишешь о себе, о своих делах, о моих письмах? Посылаешь мне только наспех написанные коротышки. Ну, крепко тебя целую. Твой папа.

Из личного архива
О. А. Лежава-Куйбышевой

НИНЕ И ОЛЬГЕ ЛЕЖАВА

4 мая 1917 г.

Дорогие девочки. Про мое житье-бытье вам расскажет мама. Она вам скажет, что мне невесело, что я еще в общественные дела не вошел и что я без вас очень ску-

чаю. А вы, должно быть, моего отсутствия не замечаете, ибо вот уже две недели я от вас ие получнл ни одной строчки. Это нехорошо, деточки. Когда люди не думают о близких, то онн от них отвыкают, а это приводит к одиночеству. А нравственное одиночество — самый опасный враг человека. Тяжелые последствия одиночества нисколько не ослабляются внешним шумом и оживлением, которыми нравственно и душевно одинокие люди часто окружают себя, чтобы хоть ослабить в себе ощущение пустоты н тоски.

Поэтому не внушайте себе, что вам некогда писать отцу, ибо это прнведет к тому, что вы потеряете отца из-за прогулки с подружками нли нескольких страниц какой-ннбудь повести. Подробнее поговорим, когда увидимся.

Крепко целую всех вас. Ваш А. Лежава

Новикова А. Молчаливые собеседники. М., 1987. С. 94

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. М. ЛЕЖАВЫ

1870

19 февраля — В г. Сигиахе Тифлисской губериии родился Аидрей Матвеевич Лежава.

1876—1880

Лежава учится в армянской школе, затем в прогимназии, преобразоваииой во 2-ю Тифлисскую гимиазию.

1881—1883

Лежава ушел из семьи, работает на железиодорожиом телеграфе, в столяриых мастерских.

Середина 1880-х гг.

Лежава зиакомится с подпольиой литературой, листками «Народиой воли», приобщается к рабочим кружкам.

Коиец 1880-х гг.

Лежава учится в Тифлисском учительском иституте. Принимает активное участие в пропагандистской деятельиости,

распространяет нелегальную литературу, участвует в забастовках. Примыкает к народническому движению.

1893

Лежава приезжает в Москву. Слушает лекции на физико-математическом факультете Московского университета. Одновременно работает преподавателем воскресной рабочей школы при Курских железнодорожных мастерских.

1894

Февраль — Лежава выезжает в Смоленск, где по заданию партии «Народное право» работает в подпольной типографии.

21 апреля — Лежава арестован в Харькове за участие в революционной деятельности.

1894—1896

Лежава находился в заключении в Петропавловской крепости, в московской пересыльной тюрьме «Бутырки».

1896—1898

Лежава отбывает ссылку в Верхоленске (Восточная Сибирь). Продолжает свое политическое образование, переходит на твердые марксистские позиции.

1898

6 февраля — Свадьба А. М. Лежавы и Л. С. Александровой.

1901—1902

Лежава работает секретарем правления Потребительского общества Закавказской железной дороги в Тифлисе. В связи с полицейскими преследованиями переезжает в Воронеж. Участвует в работе уездного комитета «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности».

1903

Лежава с семьей переезжает в Нижний Новгород. Работает помощником инспектора в пароходстве компании «Надежда» на Волге.

1904

Лежава вступает в РСДРП, входит в состав Нижегородского комитета партии.

1905

Лежава активно работает в нижегородской организации РСДРП.

Декабрь — Арестован за революционную деятельность.

1906

Июль — Лежава освобожден из тюрьмы по ходатайству социал-демократической фракции Государственной думы.

1907

Лежава в Нижнем Новгороде принимает участие в избирательной кампании во II Государственную думу.

1908—1915

Лежава переезжает в Саратов. Работает в страховых предприятиях. Активно участвует в деятельности местной социал-демократической организации. Его адрес используется для пересылки нелегальных изданий из-за границы. Семья Лежавы близко сошлась с семьей Ульяновых и Елизаровых.

1916

Лежава переезжает работать в Москву. Участвует в работе политического кружка РСДРП.

1917

Лежава переезжает в Петроград. Принимает участие в деятельности рабочей группы Продовольственного комитета.

Май — Лежава назначается Московским Советом постоянным представителем в Общегосударственный продовольственный комитет.

Октябрь — декабрь — Лежава участвует в национализации страховых акционерных обществ. Введен в состав Совета по делам страхования.

1919—1920

Лежава работает председателем правления Центросоюза.

1920

26 января — Лежава по поручению В. И. Ленина участвует в подготовке проекта постановления СНК об участии кооперативов в заготовке продуктов, о видах, формах, условиях и способе осуществления этого участия.

19 июня В. И. Ленин советуется с А. М. Лежавой о проекте договора с американской корпорацией на взаимную поставку товаров.

22 июня На заседании Политбюро обсуждалось предложение Лежавы утвердить сделку на приобретение в Англии сельскохозяйственных машин и других товаров для Сибири с доставкой Великим Северным путем.

31 июля В. И. Ленин подписывает постановление СНК от 29 июля об утверждении А. М. Лежавы заместителем наркома внешней торговли.

24 августа Лежава по предложению Ленина включается в комиссию для выработки норм отношений между Азербайджанской Советской Республикой и РСФСР.

31 августа На заседании СНК под председательством В. И. Ленина обсуждается доклад замнаркома внешней торговли А. М. Лежавы о Внешторге.

1 сентября На Политбюро ЦК РКП(б) обсуждается заявление Лежавы о порядке ревизии в Наркомвнешторге представителями Наркомата РКИ.

7 ноября Лежава присутствует на заседании участников Октябрьской революции в Петрограде.

Декабрь Лежава назначается ЦК РКП(б) членом комиссии для принятия мер к улучшению отношений Наркомвнешторга и Наркомвнудела.

Лежава пишет Ленину записку по вопросу о концессиях.

1921

8—16 марта Лежава участвует в работе X съезда РКП(б).

17 декабря Лежава получает от Ленина запрос дать самые краткие и точные сведения, характеризующие прогресс за 1921 г. в развитии торговых отношений с заграницей, в связи с подготовкой отчета ВЦИК и СНК на IX Всероссийском съезде Советов.

1922—1924

Лежава возглавляет Наркомат внутренней торговли.

1922

Лежава по поручению Ленина готовит «Тезисы о внешней торговле», в которых подчеркивалась необходимость укрепления монополии внешней торговли и определялись условия экспорта и импорта товаров в новых условиях. Тезисы были одобрены Лениным и 4 января 1922 г. приняты Высшей экономической комиссией Совнаркома. Против сохранения монополии внешней торговли выступили Г. Я. Сокольников, Н. И. Бухарин, Г. Л. Пятаков. За ослабление монополии внешней торговли выступили И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Красин.
4 марта 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло с некоторыми поправками одобренные Лениным «Тезисы о внешней торговле». В окончательном виде они были утверждены 10 марта. На основании этих тезисов Президиум ВЦИК 13 марта принял постановление «О внешней торговле».

18 октября	Ленин беседует с Лежавой по вопросу о возможности концессионного соглашения с Германией.
3 ноября	На пленарном заседании СТО обсуждается доклад Лежавы о количестве хлеба, необходимом для переброски в Туркестан.
	1924
23—31 мая	Лежава участвует в работе XIII съезда РКП(б).
	1924—1930
	Лежава работает заместителем председателя СНК РСФСР, председателем Госплана РСФСР.
	1925
18—31 декабря	Лежава участвует в работе XIV съезда ВКП(б).
	1927
Сентябрь — октябрь	Лежава участвует в подготовительной работе по созданию Всероссийского добровольного общества Автодор. Избирается первым председателем Центрального совета Автодора.
2—19 декабря	Лежава участвует в работе XV съезда ВКП(б). Избирается членом ЦКК.
	1930
	Лежава назначается членом коллегии Наркомснаба СССР, затем начальником Управления рыбной промышленности.
26 июня — 13 июля	Лежава участвует в работе XVI съезда ВКП(б).

	1933—1937
	Лежава возглавляет Главное управление субтропических культур СССР.
	1934
26 января — 10 февраля	Лежава участвует в работе XVII съезда ВКП(б).
	1937
	Лежава необоснованно репрессирован.
8 октября	Трагическая гибель А. М. Лежавы.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Лежава: Воспоминания. Выступления.
Л40 Письма.— М.: Политиздат, 1990.— 269 с.: ил.
ISBN 5—250—00915—8

Герой этой книги — Андрей Матаееанч Лежава — член партни с 1904 г., уаиак Петропавлоаской крепости, политический ссыльный, реаолюционер-подпольщнк, а соаетское аремн — однн нз организатороа и руководителей хознйстаенного строительстаа. В 1937 г. его жиань, как и жнзнь многих старых большеаикоа, трагнческн оборвалась, а нмя было незаслуженно аабыто.

В квнгу, выходнщую к 120-летию со днн рожденнн А. М. Лежааы, вошлв воспоминанин о нем, а также его статьи, аыступления, не потернашие саоей актуальности, и письма, раскрыаающне его высокиа нраветаанные качестаа, любоаь к людям, потребность делать добро. Мвогве материалы публвкуютсн аперные.

Л $\frac{0902020000—150}{079(02)—90}$ 227—90 ББК 66.61(2)8

Андрей Лежава

ВОСПОМИНАНИЯ.
ВЫСТУПЛЕНИЯ.
ПИСЬМА

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*
Редактор *Т. Д. Дажина*
Младший редактор *Н. С. Коблякова*
Художник *Е. Г. Капустянский*
Художественный редактор *А. Я. Гладышев*
Технический редактор *Н. А. Шавкунова*

ИБ № 8206

Сдано в набор 12.03.90. Подписано в печать 08.08.90.
Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 12,60. Усл. кр.-отт. 14,0. Уч.-изд. л. 12,55.
Тираж 60 тыс. экз. Заказ № 2803. Цена 75 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени
типография издательства «Звезда».

как я также
нымъ, что, сами
какой-ниб. не с
Что же касает
Хайловичъ, провоз
да пользуется
хотя Вы поправи
ей, что русские
кое руки: писат
справа налево,
Алексе

будучи добровольно-
собой, въ церкви
...лаисіусь, посвятила
Екатерина Ми-
хаиловцей „мужа)
ченіемъ", то надъ-
ми ее, наполнить,
законы, какъ и ва
ё считаются не
наоборотъ. Ваш.

75 коп.

ПОЛИТИЗДАТ

Человек большой
душевной доброты,
горячего сердца,
революционер-подпольщик,
немало сделавший для
ленинской партии,
для строительства
социализма в нашей стране,—
таким остался
Андрей Матвеевич Лежава
в памяти своих современников.
Таким предстает он
и со страниц этой книги.